

Министерство науки и высшего образования
Российской Федерации
КУБАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

КОНФЛИКТОГЕННЫЕ И ИНТЕГРАЦИОННЫЕ
ФАКТОРЫ РАЗВИТИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО
ПОТЕНЦИАЛА ЮГА РОССИИ В УСЛОВИЯХ НОВЫХ
ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ ВЫЗОВОВ

Монография

Краснодар
2019

УДК 327:332.1:048.93:470.45/.47+470.6/.62

ББК 66.4(о)(2Рос)

К 652

Рецензенты:

Доктор социологических наук, профессор

В.Н. Петров

Кандидат социологических наук, доцент

В.Н. Муха

К652 Конфликтогенные и интеграционные факторы развития человеческого потенциала Юга России в условиях новых геополитических вызовов: монография / авт. И.В. Юрченко, А.В. Баранов, Н.Н. Юрченко, М.В. Донцова. – Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2019. – 250 с. – 500 экз.
ISBN 978–5–8209–1717–2

Дан комплексный анализ факторов развития человеческого потенциала в контексте противодействия угрозам национальной безопасности в полиэтничном пространстве Юга России на примере Краснодарского края, Республики Крым и г. Севастополя. Акцентируется внимание на значении конфликтологической парадигмы анализа политического пространства, интеграционных и дезинтеграционных тенденций в политической, экономической и социокультурной сферах. Обосновывается важность исследования конфликтогенных и интеграционных факторов активизации и воспроизводства интеллектуального, аналитического, кадрового потенциала, восполнения демографических, трудовых и интеллектуальных ресурсов России. Представлены результаты эмпирических исследований в Краснодарском крае, Республике Крым и г. Севастополе в 2018–2019 гг.

Адресуется научным работникам, специалистам в области безопасности, преподавателям, студентам, магистрантам, аспирантам, практическим работникам управленческих структур. Монография подготовлена в рамках работы над проектом РФФИ № 17-03-00802 «Конфликтогенные и интеграционные факторы развития человеческого потенциала Юга России в условиях новых геополитических вызовов».

УДК 327:332.1:048.93:470.45/.47+470.6/.62

ББК 66.4(о)(2Рос)

ISBN 978–5–8209–1717–2

© Кубанский государственный университет, 2019

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	4
Раздел 1. Новые геополитические вызовы и задачи эффективного управления человеческими ресурсами.....	23
Раздел 2. Концептуализация понятия «человеческий потенциал» как научной категории.....	33
Раздел 3. Новейшие методологические подходы к политическому анализу развития человеческого потенциала в мировой науке.....	48
Раздел 4. Конфликтогенные и интеграционные процессы в Крыму и Севастополе.....	64
Раздел 5. Конфликтогенные и интеграционные процессы в Краснодарском крае.....	112
Раздел 6. Тенденции развития человеческого потенциала в полиэтнической среде Юга России в контексте реализации целей устойчивого развития (на примере Краснодарского края и Республики Крым).....	135
Раздел 7. Факторный анализ развития человеческого потенциала на Юге России.....	156
Раздел 8. Значение интеграционной политики для успешной модернизации регионов Юга России.....	169
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	185
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК.....	193
ПРИЛОЖЕНИЯ.....	221

ВВЕДЕНИЕ

Усложнение и умножение геополитических вызовов в адрес России в постсоветский период во многом было обусловлено сокращением зоны ее присутствия в Причерноморье. Обеспечение национальной безопасности и развитие страны в долгосрочной перспективе в первую очередь зависят от того, как будет складываться ситуация на региональном уровне. В этой связи особенно велика роль Черноморского региона, одного из ключевых в общей системе глобальной безопасности, который справедливо характеризуется как территория, где сплетаются в один геополитический узел интересы Турции, Центральной и Восточной Европы, европейских, центральноазиатских и закавказских стран СНГ и в некоторой степени Средиземноморья¹.

Причерноморье всегда было местом пересечения многих геополитических интересов Запада и Востока, Севера и Юга, экономического, религиозного, этнического противоборства и, в то же время, диалога цивилизаций. Но периодически борьба ведущих мировых держав за Черное море и прилегающие к нему территории резко обострялась, и, как правило, кризисы сопровождались активным силовым противостоянием. Осложнилась обстановка в этом регионе и в постсоветский период в связи с ослаблением позиций самой России, сокращением российских территорий, ослаблением экономического и информационно-политического влияния и снижением уровня российского военного и военно-морского присутствия² в этот период на фоне стремления новых «независимых» государств региона не только развивать отношения с Западом, но и войти во все европейские структуры и институты с целью получения экономической поддержки. Стремительное расширение блока НАТО проходило в рамках программы «Партнерства ради мира». В Черноморском регионе наибольший интерес к этой программе проявили Украина и Грузия, получившие поддержку США в их стремлении к скорейшему вступлению в эту организацию.

¹ Глобализация и регионализм. Черноморский регион. Балканы / пред. редсовета В.В. Журкин. М., 2001. С. 183.

² Пивоваров С. Черноморский регион. Оттеснение России // Азия и Африка сегодня. 1996. № 7. С. 3.

Интеграция с Евросоюзом – это главный, официально заявленный политический и идеологический приоритет этих стран. По мнению некоторых аналитиков¹, США были особенно заинтересованы в их поддержке, чтобы сравнить новую и старую Европу, ослабить последнюю и усилить свое влияние в ЕС. Естественно, такое развитие событий должно было привести к еще большей потере политического влияния России в Черноморском регионе. И для США был велик соблазн осложнить одним ударом позиции сразу двух своих конкурентов – Европы и России, как правопреемницы Советского Союза.

Большое значение для геополитической безопасности России в условиях процесса перекройкой границ и международной геоэкономической картографии имеет Азово-Черноморская зона. В настоящее время в связи с резкими изменениями геополитических реалий, обусловленных воссоединением Крыма с Российской Федерацией, тем не менее не ослабевает конфронтация различных политических сил вокруг Украины, активная информационная агрессия и русофобия, растет риск повышения социально-политической и международной напряженности.

В данных условиях проблема развития человеческого потенциала в России стоит также остро, как и проблема безопасности страны. Качество развития человеческого потенциала напрямую связано с возможностями реализации инновационных стратегий развития нашей страны и ее регионов, а значит и с возможностями конкурировать на мировой арене. Современные реалии требуют от руководства, как самой России, так и отдельных регионов, большого управленческого внимания к таким территориальным параметрам, как устойчивость развития территории, безопасность и конкурентоспособность на мировой арене. Устойчивость развития страны и регионов означает стабильность их социально-экономического положения, выражающуюся в достаточной сбалансированности состояния, а также стойкость, постоянность, не подверженность риску потерь и убытков, наличие необходимых резервов. Конкурентоспособность территории характеризуется набором ключевых факторов успеха,

¹ Караганов С. Россия и Европа: украинская развилка // Российская газета. 2008. 25 апр.

среди которых далеко не последнее место занимают инновационные возможности как территориального образования в целом, так и локализованных на ней предприятий и организаций. Вектор конкурентоспособности национальной (региональной) экономики характеризует наличие на территории научного, научно-технического и инновационного эффектов, обусловленных развитием научных школ и приоритетных научно-технологических направлений, наукоемкостью ВВП (ВРП), рентабельностью научно-технической и инновационной деятельности. Помимо инновационных эффектов институционального характера, одним из важнейших ресурсов, который обеспечивает прогрессивное развитие территориальной общности, является человеческий ресурс. Ведь в современном мире конкурентные преимущества многих стран базируются на высоком качестве его человеческого капитала. В этой связи, является не случайным тот факт, что в одном из целевых документов российского государства – Стратегии инновационного развития РФ на период до 2020 года¹, в качестве одной из базовых основ утверждается признание решающей роли человека в осуществлении инноваций, создание условий для привлечения молодых поколений к инновационному прорыву, омоложение кадрового состава ученых, конструкторов, инженеров, проектировщиков, активизация общественных объединений и т.д.

Развитие человеческого потенциала приобретает особый смысл в региональном измерении Юга России, который, ввиду своего геополитического положения, играет ключевую роль в построении системы безопасности нашей страны и реализует стратегические задачи в плане укрепления новых государственных границ. Южные пограничные регионы, такие как Краснодарский край и Республика Крым, занимают важное место в политике России. В условиях новых геополитических вызовов и угроз большое внимание уделяется проблемам обеспечения безопасности на южном направлении, развитию человеческого потенциала в полиэтничной среде. Этнический фактор

¹ Об утверждении Стратегии инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года. Распоряжение Правительства РФ от 08.12.2011 № 2227-р (ред. от 18.10.2018) // СПС Консультант-Плюс. URL: <http://ac.gov.ru/files/attachment/4843.pdf> (дата обращения: 12.11.2019).

провоцирует проблему трансграничных социокультурных сообществ, которые можно рассматривать в виде сложносоставного логико-содержательного пространства, выходящего за рамки общегосударственной общности и угрожающего разрывом ментально-культурных границ в условиях, когда общества становятся еще более открытыми, неустойчивыми и подверженными внешним воздействиям, в т.ч. - информационным.

В современной науке проблема человеческого потенциала активно изучается. Созданы различные подходы к интерпретации данного понятия, смысл которых сводится к качеству способностей и потребностям развития, гражданской, социальной и творческой активности, профессиональной компетентности, уровню образованности, социального благополучия и здоровья. Выделяются элементарные компоненты человеческого потенциала: долголетие и здоровье, образованность и высокая профессиональная квалификация, информированность, наличие доступа к ресурсам, необходимым для поддержания достойного уровня жизни, возможности проявлять социальную активность.

Основы теории человеческого капитала заложены в экономической науке. Человеческий капитал стал одним из общеэкономических стержневых понятий, позволяющих описать и объяснить через призму человеческих интересов и действий многие экономические процессы. Исследование производительных способностей человека, их роли и места в процессе общественного воспроизводства всегда занимали важное место в истории экономической мысли и отражены в трудах многих экономистов (У. Петти¹, А. Смита², К. Маркса³), заложивших основы будущей теории человеческого капитала, а

¹ Петти У. Экономические и статистические работы (сборник трудов). М., 1940.

² Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. М., 1956.

³ Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Т. 1 // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Изд. 2-е. М., 1960. Т. 23.

также Т. Шульца¹ и Г. Беккера², в работах которых концепция человеческого капитала получила самостоятельное развитие. Современные взгляды на развитие человеческого потенциала отражены в подходе возможностей, реализуемого Д. Кларком³, И. Робенсом⁴, С. Алкири⁵, М.У. Хедом⁶. Именно данный подход ориентирует на исследование человеческого потенциала с политической точки зрения: расширение возможностей лежит в основе повышения благосостояния и основное внимание в политике развития должно быть сосредоточено на оснащении людей возможностями для достижения функций, которые они ценят в жизни.

Говоря о проблеме развития человеческого потенциала на современном этапе, нельзя обойти стороной и методологические подходы, принятые в современной мировой теории. Новейшие исследования человеческого потенциала в мировой науке посвящены влиянию демократических институтов на человеческое развитие (А.Т. Грундхольм, Дж. К. Хансон⁷), иным факторам (этнокультурные, в том числе языковая политика, деструктивные, например, влияние коррупции, образовательная политика и т.д.), детерминирующим развитие человеческого

¹ Schultz T.W. Investment in Human Capital // The American Economic Review. 1961. Vol. 51. P. 1-17.

² Беккер Г. Человеческое поведение: экономический подход. Избранные труды по экономической теории: пер. с англ. / сост., науч. ред., послесл. Р.И. Капелюшников, предисл. М.И. Левин. М., 2003.

³ Clark A.D. The Elgar companion to development studies / ed. by D.A. Clark. Cheltenham; Northampton (MA), 2006.

⁴ Robeyns I. The capability approach: A theoretical survey // Journal of Human Development. 2005. № 6 (1). P. 93–114.

⁵ Alkire S. Why the capability approach? // Journal of Human Development. 2005. № 6 (1). P. 115–135.

⁶ Haq M.U. The human development paradigm / S. Fukuda-Parr & A. Kumar (Eds.). Readings in human development. New Delhi, 2003.

⁷ Grundholm A.T., Thorsen, M. Motivated and Able to Make a Difference? The Reinforcing Effects of Democracy and State Capacity on Human Development // Studies in Comparative International Development. 2019. № 54. P. 81-414; Hanson J.K. Democracy and State Capacity: Complements or Substitutes? // Studies in Comparative International Development. 2015. Vol. 50 (3). P. 304–330.

потенциала: И. Амате-Фортеc, А. Молина-Моралес¹, Ж. Сармьенту², Д.Д. Лайтин, Р. Рамачандран³ и др. Большой пласт работ в западной политической и социальной науке посвящен проблемам измерения индекса развития человеческого потенциала, а также построению прогнозных математических моделей человеческого развития. В данном направлении для нашей работы представляют ценность исследования таких авторов как Н. Зирогианнис, К. Крутилла, К. Фледдерман, С.Б. Рамос, С.А. Болела и др.⁴

В отечественной литературе идея человеческого потенциала стала привлекать внимание с переходом экономики России к рынку. Благодаря исследованиям таких ученых-экономистов, как Ф.М. Волков, В.С. Гойло, А. Добрынин, С. Дятлов, Р.И. Капелюшников⁵, Е.И. Капустин, М. Критский, С. Курганский, В.Т. Смирнов и др. Развитие концепции человеческого капитала происходит на серьезной методологической основе и соответствует современному подходу формирования и эффективного использования человека как рабочей силы, его роли и места в экономической системе общества, и является отражением меняющихся объективных

¹ Amate-Fortes I., Guarnido-Rueda A., Molina-Morales A. Economic and Social Determinants of Human Development: A New Perspective // Social indicators research. 2017. Vol. 133 (2). P. 561-577. DOI: 10.1007/s11205-016-1389-z.

² Sarmiento J. Corruption and human development: a correlation study between political-social phenomena // CUHSO. Cultura – Hombre - Sociedad. Temuco, 2015. № 25 (1). P. 113-138. DOI: 10.7770/cuhso-v25n1-ART899.

³ Laitin D.D., Ramachandran R. Language Policy and Human Development // American political science review. Washington, 2016. № 110 (3). P. 457-480; Gamlath S. Human Development and National Culture: A Multivariate Exploration // Social indicators research. № 133 (3). P. 907-930.

⁴ Zirogiannis N., Krutilla K., Tripodis Y., Fledderman K. Human Development Over Time: An Empirical Comparison of a Dynamic Index and the Standard HDI // Social indicators research. 2019. № 142 (2). P. 773-798; Sayed H., Hamed R., Hosny S.H., Abdelhamid A.H. Avoiding Ranking Contradictions in Human Development Index Using Goal Programming // Social indicators research. 2018. № 138 (2). P. 405-442; Ramos, S.B., De Paula Silva, J., Bolela C.A. et al. Prediction of Human Development from Environmental Indicators Social indicators research. 2018. № 138 (2). P. 467-477.

⁵ Капелюшников Р.И. Сколько стоит человеческий капитал России? М., 2012.

условий развития российской экономики. Большой вклад в теорию развития человеческого потенциала внесли труды Т.И. Заславской¹, которая рассматривает человеческий потенциал как одну из осей пространства посткоммунистических трансформаций.

Проблеме разграничения понятий «человеческий капитал» и «человеческий потенциал» посвящены исследования Д.Ю. Быченко², М. Базылевой³, А.Б. Докторовича⁴, М.А. Мурашовой⁵.

Особое значение имеют положения синергетической теории, позволяющие исследовать особенности связей между компонентами системы человеческого потенциала и процесс их изменений (Н.Н. Моисеев⁶, И.Р. Пригожин⁷, О.Н. Астафьева⁸ и др.).

¹ Заславская Т.И. Человеческий потенциал в современном трансформационном процессе // *Общественные науки и современность*. 2005. № 4. С. 13–25.

² Быченко Д.Ю. Развитие человеческого потенциала в условиях модернизации российского общества // *Известия Саратовского университета*. 2012. Т. 12. Сер. Социология. Политология. Вып. 1. С. 53-58.

³ Базылева М. Человеческий потенциал и проблемы его трансформации в человеческий капитал // *Наука и инновации*. 2018. № 1 (179). С. 15-19.

⁴ Докторович А.Б. О сохранении и развитии человеческого потенциала // *Пространство и Время*. 2011. № 4. С. 125-130.

⁵ Мурашова М.А. Концептуальные подходы к исследованию человеческого потенциала в истории научного знания // *Гуманитарный вектор*. Серия: Философия, культурология. 2015. № 2 (42). С. 161-166.

⁶ Моисеев Н.Н. Судьба цивилизации. Путь разума. М., 2000.

Моисеев Н.Н. Человек и ноосфера. М.: Молодая гвардия, 1990; Моисеев Н.Н. Экология человечества глазами математика (Человек, природа и будущее цивилизации). М., 1988.

⁷ Пригожин И.Р. Сетевое общество // *Социс*. 2008. № 1. С. 25–26.

⁸ Астафьева О.Н. Коллективная идентичность в условиях глобальных изменений: динамика устойчивого и укоренение становящегося // *Вопросы социальной теории: науч. альманах*. 2011. Т. 5. Человек в изменяющемся мире: пределы идентичности. М., 2011. С. 223-241.

Исследованию структурных составляющих человеческого потенциала посвящены работы А.В. Бодака¹, Т.И. Заславской², Б.Г. Юдина³ и др. Подробное исследование отдельных компонент развития человеческого реализовано в работах А.Г. Вишневого, С.А. Васина, З.А. Зайончковской⁴, О.И. Иванова⁵, В.А. Лапшина⁶, однако стоит заметить, что компоненты человеческого потенциала, представленные в литературе, практически не учитывают этническую и идеологическую составляющую, которая оказывает существенную роль применительно к ситуации на Юге России⁷.

В этой связи необходимо выделить и теоретическую базу, которая создает методологическую основу оценки эффективности функционирования человеческого потенциалов в регионах РФ, в том числе на южнороссийском направлении. Можно выделить исследования, затрагивающие проблемы человеческого развития макрорегионов, сравнительные исследования показателей развития человеческого потенциала в региональном разрезе

¹ Бодак А.В. Человеческий потенциал как базовая модель развития общества // Материалы XX окружных социальных чтений (г. Сургут, 29–30 октября 2015 г.). URL: http://socioprofi.com/sites/default/files/publishings/15_0.pdf (дата обращения: 15.04.2017).

² Заславская Т.И. Человеческий потенциал в современном трансформационном процессе // Общественные науки и современность. 2005. № 3. С. 5-16.

³ Человеческий потенциал как критический ресурс России / отв. ред. Б.Г. Юдин. М., 2007.

⁴ Вишневский А.Г., Васин С.А., Зайончковская Ж.А. Демографический и трудовой потенциал населения России // Современные проблемы России. Путь в XXI век. М., 1999. С. 279-306.

⁵ Иванов О.И. На пути к теории человеческого потенциала // Вестник СПбГУ. Сер. 12. 2010. Вып. 3. С. 331-338.

⁶ Лапшин В.А. Исследование инновационного потенциала студенчества России, через механизм реализации инновационной деятельности // Научные труды Московского гуманитарного университета. М., 2013. Вып. 145. С. 101-105.

⁷ Донцова М.В., Юрченко И.В., Юрченко Н.Н. Факторы интеграции и конфликта в развитии человеческого потенциала Юга России: методология исследования // Историческая и социально-образовательная мысль. Краснодар, 2017. Т. 9, № 5-2. С. 155-161.

(В.В. Локосов, Е.В. Рюмина, В.В. Ульянов¹, Е.В. Еремина², В.Г. Айрапетян, В.Н. Шагалова³, Д.В. Кадочников⁴). Специфика развития человеческого потенциала Краснодарского края продемонстрирована в работах О.И. Кожуры⁵, А.В. Матвиенко⁶, Р.М. Устаева⁷. В исследованиях А.М. Габриелян⁸,

¹ Локосов В.В., Рюмина Е.В., Ульянов В.В. Макрорегионы России: характеристика человеческого потенциала // Народонаселение. 2018. № 3. С. 37-51.

² Еремина Е.В. Значение человеческого потенциала в развитии региона // Russian Journal of Education and Psychology. 2012. № 5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/znachenie-chelovecheskogo-potentsiala-v-razvitiy-regiona> (дата обращения: 17.11.2019).

³ Айрапетян В.Г., Шагаров Л.М. Человеческий капитал как ресурс модернизации экономики Юга России // Вестник ГУУ. 2012. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/chelovecheskiy-kapital-kak-resurs-modernizatsii-ekonomiki-yuga-rossii> (дата обращения: 11.10.2019).

⁴ Кадочников Д.В. Цели и задачи языковой политики и проблемы социально-экономического развития России // Пространство экономики. 2019. № 1. С. 96-111.

⁵ Кожура О.И. Стабильность социального пространства как фактор обеспечения безопасности в Краснодарском крае // Экономика, предпринимательство и право. 2013. № 4. С. 36-52.

⁶ Матвиенко А.В. Развитие человеческого потенциала в Краснодарском крае // Социально-экономическая география. Вестник Ассоциации российских географов-обществоведов. Ростов н/Д, 2012. № 1. С. 198-209.

⁷ Устаев Р.М. Тенденции формирования и оценка инновационной составляющей человеческого капитала регионов Юга России // Социально-экономические явления и процессы. 2016. № 2. С. 53-64.

⁸ Габриелян А.М. Языковая политика в сфере среднего и высшего образования Крыма // Таврический научный обозреватель. Симферополь, 2017. № 9 (26). С. 64–76.

Е.В. Гросфельд¹, Н.В. Киселевой², А.А. Форманчука³, М.А. Кашарной, Ю.Н. Малека, Е.Д. Миловой, А.В. Хохловой⁴ и др. производится анализ развития Республики Крым в контексте становления региональной политики в составе РФ и этноконфессионального самоопределения. Геополитической нестабильности в Черноморском регионе, особенно в зоне нефтегазового транзита, уделяется внимание авторами Атласа социально-политических проблем, угроз и рисков Юга России⁵, а также в докладах А.И. Никитина и Н.А. Самойловской на IX Конвенте РАМИ⁶.

Анализ литературы доказывает, что известный интерес к данной проблематике проявляют аналитики в области государственной политики и государственного управления: Г.В. Атаманчук, А.Н. Овчаренко, В.Л. Романов, О.Ф. Шабров, которые рассматривали социальные проблемы в параметрах

¹ Гросфельд Е.В. Роль национально-культурного и этнорелигиозного самоопределения тюркских народов в Крыму в развитии общероссийской гражданской идентичности // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Философия. Политология. Культурология. Симферополь, 2017. Т. 3 (69). № 4. С. 113–123.

² Этнополитические процессы в Крыму: исторический опыт, современные проблемы и перспективы их решения / Н.В. Киселева, А.В. Мальгин, В.П. Петров, А.А. Форманчук. Симферополь, 2015.

³ Форманчук А.А. Интеграция Республики Крым в государственное пространство Российской Федерации: особенности, проблемы, риски // Проблемы национальной стратегии. 2015. № 3 (30). С. 115–129.

⁴ Кашарная М.А., Малека Ю.Н., Милова Е.Д., Хохлова А.В. Ситуационный анализ социально-экономических проблем полуострова Крым на этапе становления региональной политики // ГосРег: государственное регулирование общественных отношений. 2018. Т. 23. № 1 (23). С. 200–206.

⁵ Матишов Г.Г., Батиев Л.В., Котеленко Д.Г. Атлас социально-политических проблем, угроз и рисков Юга России. Ростов н/Д, 2007. Т. 2. С. 35-36.

⁶ Никитин А.И. Новые геополитические вызовы в адрес России // Дискурс, политика, управление: материалы IX Конвента РАМИ (Москва, 27-28 октября 2015 г.). М., 2016. С. 8-10; Самойловская Н.А. Политика США, ЕС и НАТО в Причерноморье и позиция России // Дискурс, политика, управление: материалы IX Конвента РАМИ (Москва, 27-28 октября 2015 г.). М., 2016. С. 53-56.

исследования А.А. Богданова «Тектология. Всеобщая организационная наука»¹.

Анализ проблем применения естественно-научных методов в социально-гуманитарном познании в аспекте соотношения социальных методов с методами, используемыми в естественных науках², обобщенно отождествлялся с позитивизмом, а также со статистическими теориями средних чисел. О необходимости новой методологии в социальных науках пишут У. Аутвейт, А.О. Бороноев, И. Девятко, А.И. Неклесса, Т.В. Шипунова и др. Обращается внимание на возможности синергетики в работах В.В. Васильковой³, И. Пригожина и Г. Николиса⁴. Современная синергетика, занимающаяся изучением сверхсложных гетерогенных систем, основана на такой мировоззренческой интерпретации мира, которая исходит из его нелинейности, неравновесности. В работах, основанных на данной объяснительной модели, отмечается, что при переходе от неупорядоченности к определенному порядку возникает сходное поведение элементов: так называемый кооперативный или синергетический эффект. Как справедливо отмечает В.В. Василькова, «в синергетическом описании возникает новый образ мира... он не ставший, а становящийся, непрерывно возникающий и изменяющийся, он эволюционирует по

¹ Богданов А.А. Тектология. Всеобщая организационная наука. М., 1989; Атаманчук Г.В. Теория государственного управления. М. 1998; Романов В.Л. Социальная самоорганизация и государственность. М., 2000; Шабров О.Ф. Политическое управление. Проблемы стабильности и развития. М., 1997; Овчаренко А.Н. Стратегическое управление в политической деятельности: теоретико-методологические основы. Автореф. дис... д-ра полит. наук. М., 2007.

² Култыгин В.П. Проблемы социального познания на рубеже тысячелетий // Проблемы теоретической социологии. СПб., 2000. Вып. 4. С. 11-23; Айдинян Э.М., Шипунова Т.В. Методологические тупики социологии // Проблемы теоретической социологии. СПб., 2000. Вып. 4. С.36-50.

³ Василькова В.В. Порядок и хаос в развитии социальных систем. СПб., 1999.

⁴ Синергетическая парадигма. Нелинейное мышление в науке и искусстве. М., 2002.

нелинейным законам...»¹. Необходим поиск трудноуловимого перехода от покоя к движению. Классическое мировоззрение исходит из рациональности мира и перед наукой встает очень сложная задача: рационально объяснить не рационально устроенный мир, создать рациональную модель мира.

В произведениях П. Бергера, П. Бурдьё, Т. Лукмана, К. Поппера, Дж. Ритцера² в рамках разнообразных парадигм рассматриваются проблемы и факторы достижения социального согласия и прогресса на базе междисциплинарных принципов социального анализа. Проблемы социального моделирования и политико-сценарного проектирования анализируются в трудах Э.Н. Ожиганова, Г.Г. Матишова, О.Ф. Шаброва³. Таким образом, востребованность в изучении проблемы использования естественно-научных методов в социально-гуманитарных исследованиях неоднократно поднималась в научном дискурсе, и требует более конкретного изучения и проработки. Теоретическо-методологические и практические аспекты генезиса конфликтологического знания, результаты исследования различных сторон современных международных и российских конфликтов, управления ими в различных сферах жизни общества и техник разрешения представлены в коллективной монографии под редакцией А.И. Стребкова и др., изданной по материалам Второго Санкт-Петербургского международного конгресса

¹ Василькова В.В. Порядок и хаос в развитии социальных систем. СПб., 1999. С. 21.

² Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. М., 1995; Бурдьё П. Социология политики. М., 1993; Поппер К. Эволюционная эпистемология // Эволюционная эпистемология и логика социальных наук: Карл Поппер и его критики. М., 2000; Ритцер Дж. Современные социологические теории. СПб., 2002.

³ Ожиганов Э.Н. Стратегический анализ политики: теоретические основания и методы. М., 2006; Атлас социально-политических проблем, угроз и рисков Юга России / под ред. Г.Г. Матишова. В 6 т. Ростов н/Д, 2006 - 2013; Шабров О.Ф. Моделирование социально-политических объектов: специфика и границы применимости // Моделирование в социально политической сфере: труды межвуз. науч.-практ. семинара. М., 2004.

конфликтологов (2014 г.)¹. В ряде статей анализируется феномен радикализма как вызов кризисного развития общества в результате обострения региональных и этнополитических конфликтов. Наличие современных тенденций радикализации политического сознания подтверждается обострением региональных и этнополитических конфликтов, распространением этнонационализма, идей совмещения конфессиональных, этнических и политических границ, расколом мира на экономически развитые страны и отсталую периферию в условиях кризиса глобализации, политизацией этничности и этнизацией политики². Как считают эксперты, этнополитические конфликты возникают в тех странах, которые становятся регионами «геополитических разломов», к которым относятся, прежде всего, Балканы, Кавказ, Ближний Восток и некоторые другие территории. «После распада СССР и краха биполярной системы резко возросла значимость и Черноморского региона, оказавшегося на пересечении сразу двух «геополитических проектов» - Большой Европы» и «Большого Ближнего Востока». Поэтому Черноморский регион превратился в зону острого соперничества, обостряющегося «в связи с тем, что через многие государства, прилегающие к Черному морю, планировалось осуществлять транзит энергоносителей, в обход территории России, т.е. в геополитическом контексте район приобретает особую важность и с точки зрения обеспечения энергетической безопасности, и с точки зрения снижения политической напряженности.

Рассматривая степень изученности проблемы в поле исследований ситуации в Республике Крым, необходимо отметить, что межэтнические и межконфессиональные отношения в Крыму за период воссоединения с Россией рассматриваются в многочисленных прикладных публикациях. Основное внимание в них сосредоточено на диагностике межэтнических и конфессиональных восприятий, на динамике укрепления

¹ Конфликт как проблема. Очерки современной теоретической и прикладной конфликтологии / под ред. Стребкова А.И. и др. СПб., 2015.

² Юрченко И.В. Радикализация политического сознания в условиях кризиса и технологии противодействия экстремизму // Конфликт как проблема. СПб., 2015. С. 384-399.

российской национальной идентичности. Упомянем в качестве наиболее фундированных монографии: Н.В. Киселёвой, А.В. Мальгина, В.П. Петрова и А.А. Форманчука¹; В.Ю. Зорина, Р.А. Старченко и В.В. Степанова², а также статьи И.В. Задорина³, Г.С. Денисовой⁴, Е.В. Бродовской, А.Ю. Домбровской, Д.Н. Карзубова и С.А. Казаченко⁵, Е.В. Бродовской, А.Ю. Домбровской и А.В. Синякова⁶, И.К. Петрова и А.Х. Абдувалиевой⁷, А.М. Канаха, Л.П. Нелиной и О.В. Ярмач⁸.

¹ Киселёва Н.В. Этнополитические процессы в Крыму: исторический опыт, современные проблемы и перспективы их решения / Н.В. Киселёва, А.В. Мальгин, В.П. Петров, А.А. Форманчук. Симферополь, 2015.

² Этническая и этнополитическая карта Крыма. Организация мониторинга и раннего предупреждения этнических и религиозных конфликтов / ред. В.Ю. Зорин, Р.А. Старченко, В.В. Степанов. М., 2017.

³ Задорин И.В. Регионы «рубежа»: территориальная идентичность и восприятие «особости» // Полития. 2018. № 2. С. 102–136.

⁴ Денисова Г.С. Сравнительный анализ оценок населением Крыма и других регионов ЮФО характера межэтнических отношений // Учёные записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Социология. Педагогика. Психология. Симферополь, 2018. Т. 4 (70). Спецвып. № 1. С. 159–165.

⁵ Бродовская Е.В. Ценностные установки молодежи Крыма и Севастополя в сфере межнациональных отношений: результаты прикладного анализа / Е.В. Бродовская, А.Ю. Домбровская, Д.Н. Карзубов, С.А. Казаченко // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2017. № 3. С. 42–51.

⁶ Бродовская Е.В., Домбровская А.Ю., Синяков А.В. Студенческая молодёжь Крыма и Севастополя о межнациональных и межрелигиозных отношениях на полуострове: результаты кластерного анализа // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2018. № 2. С. 30–41.

⁷ Петров И.К., Абдувалиева А.Х. Особенности формирования этнической идентичности в поликультурном пространстве Крыма // Учёные записки Крым. инж.-пед. ун-та. Серия: Педагогика. Психология. Симферополь, 2017. № 4 (10). С. 130–132.

⁸ Канах А.М. Факторы формирования национальной идентичности студентов Республики Крым и Севастополя: некоторые результаты социологического исследования / А.М. Канах, Л.П. Нелина, О.В. Ярмач // Учёные записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Социология. Педагогика. Психология. Симферополь, 2018. Т. 4 (70). № 1. С. 50–63.

Представляют интерес статьи Р.Э. Бараш¹ и И.В. Ситновой² о специфике межэтнических восприятий и идентичности севастопольского сообщества. Опубликованы статьи А.В. Баранова, М.В. Донцовой и В.А. Чигрина по итогам опросов крымской молодёжи в 2017 и 2018 гг.³

Важны исследования общественных настроений и идентичности крымских татар, влияющих на диспозицию акторов этнополитических процессов в Крыму. Отметим по значимости работы В.И. Мукомеля и С.Р. Хайкина⁴, Т.С. Гузенковой, О.Б. Неменского и Г.А. Хизриевой⁵, Г.И. Макаровой и

¹ Бараш Р.Э. Мировоззренческие, социокультурные и общественно-политические установки жителей г. Севастополя после 2014 г. // Власть. 2017. № 11. С. 116–122.

² Ситнова И.В. Возвращение домой: рефлексия жителей Севастополя после трех лет начала Русской весны // Учёные записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Социология. Педагогика. Психология. Симферополь, 2018. Т. 4 (70). Спецвып. № 2. С. 215–225.

³ Баранов А.В. Межэтнические отношения в Краснодарском крае и Республике Крым в зеркале общественного мнения молодёжи: сравнительный анализ / А.В. Баранов, М.В. Донцова, В.А. Чигрин // Общество: социология, психология, педагогика. Краснодар, 2017. № 11. С. 10–14; Баранов А.В. Ориентации и установки восприятия межэтнических и межконфессиональных отношений работающей молодёжью Кубани и Крыма / А.В. Баранов, М.В. Донцова, В.А. Чигрин // Историческая и социально-образовательная мысль. Краснодар, 2018. Т. 10, № 5–2. С. 43–53.

⁴ Мукомель В.И., Хайкин С.Р. Крымские татары после «крымской весны»: трансформация идентичностей // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2016. № 3. С. 51–68.

⁵ Гузенкова Т.С., Неменский О.Б., Хизриева Г.А. Крымские татары: особенности и проблемы интеграции в российское пространство // Проблемы национальной стратегии. 2016. № 4 (37). С. 31–57.

Г.Ф. Габдрахмановой¹, Р.Н. Лункина², А.В. Бредихина³, Е.В. Гросфельд и В.В. Харабуги⁴, Е.В. Гросфельд и Т.Н. Ходосова⁵.

Перечисленные работы основаны на самостоятельных эмпирических исследованиях. Они в совокупности образуют систему научных знаний об этносоциальных и этнополитических, конфессиональных процессах в современном Крыму.

Значительное внимание этнополитическим и конфессиональным процессам в Крыму, их конфликтогенности после февраля 2014 г. уделяют украинские и западные аналитики, естественно, с антироссийских позиций. В частности, показателен аналитический доклад под редакцией В.П. Горбулина, О.С. Власюка, Е.М. Либановой и О.М. Ляшенко, выполненный в Национальном институте стратегических исследований (г. Киев)⁶.

¹ Макарова Г.И., Габдрахманова Г.Ф. Этнокультурная общность в дискурсе крымскотатарской молодежи и экспертов // Этнографическое обозрение. 2017. № 3. С. 138–153.

² Лункин Р.Н. Крымские татары: от национальных амбиций к религиозному самоопределению // Известия Иркутского гос. университета. Серия «Политология. Религиоведение». 2018. Т. 23. С. 80–89.

³ Бредихин А. Крымскотатарский вопрос во внешней политике украинских властей (2014–2017 гг.) // Россия и новые государства Евразии. 2017. № 4. С. 37–47.

⁴ Гросфельд Е.В., Харабуга В.В. Деятельность Меджлиса крымскотатарского народа по созданию в Крыму национальной государственности крымских татар (2017 год) // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Философия. Политология. Культурология. 2017. Т. 3 (69). № 2. С. 55–64.

⁵ Гросфельд Е.В., Ходосов Т.Н. Национально-культурное и этнорелигиозное самоопределение крымских татар как взаимодействие национального и политического в системе гражданской идентификации // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Философия. Политология. Культурология. Симферополь, 2018. Т. 4 (70). № 4. С. 110–119.

⁶ Донбас і Крим: ціна повернення / за заг. ред. В.П. Горбуліна, О.С. Власюка, Е.М. Лібанової, О.М. Ляшенко. Київ, 2015.

Отметим статьи П.П. Гай-Нижник, О.В. Батрименко и Л.В. Чупрій¹, а также О. Чаррона².

Теоретическую основу исследования представляет конструктивистская парадигма этничности, обоснованная Ф. Бартом³ и Б. Андерсоном⁴. Один из её основателей – Ф. Барт определял этническую группу в качестве воображаемого сообщества, целенаправленно создаваемого на основе культурной самоидентификации, символического разграничения «своей» и «других» групп с использованием маркеров – общего языка, истории, традиций и др.⁵ Б. Андерсон отмечает повышенную роль элит в конструировании наций; вместе с тем, в его трактовке нациестроительство имеет корни в коллективных представлениях этнической группы о своих отличительных признаках. Нациестроительство проводится для закрепления в коллективном сознании представлений о нации – наиболее важно политическом объединении, сплачивающем социальные группы страны⁶.

Э. Хобсбаум подчёркивает, что элитные группы изобретают традицию, формируют дискурс и символические маркеры нации⁷. Более радикальную и, на наш взгляд, спорную трактовку этничности аргументирует Р. Брубейкер. Он считает, что этничность «действует не только (и даже не столько) в ограниченных группах и влияет через них, но и через категории, схемы, столкновения, идентификации, языки, рассказы,

¹ Гай-Нижник П.П., Батрименко О.В., Чупрій Л.В. Реінтеграція Криму та послаблення кримської регіональної проросійської ідентичності в контексті реалізації державної політики національної безпеки України // Гілея. Київ, 2015. Issue 103. P. 333–339.

² Charron A. Whose is Crimea?: Contested Sovereignty and Regional Identity // Region: Regional Studies of Russia, Eastern Europe & Central Asia. Bloomington, 2016. Vol. 5, Issue 2. P. 225–256.

³ Barth F. Ethnic Groups and Boundaries // Theories of Ethnicity: A Classical Reader. N.Y., 1996. P. 294–323.

⁴ Андерсон Б. Воображаемые сообщества: Размышления об истоках и распространении национализма. М., 2001.

⁵ Theories of Ethnicity: A Classical Reader. N.Y., 1996. P. 9.

⁶ Андерсон Б. Воображаемые сообщества ... С. 80–85.

⁷ Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 г. Программа, миф, реальность. СПб., 1998. С. 33.

институты, организации, сети и события»¹. Р. Брубейкер возражает против категоричного противопоставления этнического и гражданского национализма².

Существенный вклад в современную политическую науку вносят исследования сотрудников ПРООН, результаты которых публикуются в ежегодных докладах о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации, которые отражают как общефедеральные, так и региональные тенденции развития данного социального ресурса³.

В целом проблема в современной науке нет четких методологических оснований для исследования человеческого потенциала, поэтому любые исследования, направленные на восполнение данного пробела, представляют научную ценность. Эмпирическая же интерпретация данного концепта имеет более или менее широкое развитие в экономической науке в виде подходов к измерению к уже апробированного и используемого на практике индекса развития человеческого потенциала (ИРЧП). В политических науках проблема измерения человеческого потенциала, особенно на региональном уровне, разработана слабо. Как отмечает М.Ю. Быченко⁴, общетеоретические концепции человеческого потенциала имеют ряд недостатков: 1) в рамках этих разработок только обозначены общие теоретические умозаключения по данному явлению, отсутствуют конкретные разработки, связанные с факторами развития и содержанием его подсистемных компонентов; 2) не конкретизированы параметры оценки развития человеческого потенциала, не ясны основные

¹ Брубейкер Р. Этничность без групп. М., 2012. С. 19.

² Там же. С. 21.

³ Индексы и индикаторы человеческого развития Обновленные статистические данные 2018. URL: http://hdr.undp.org/sites/default/files/2018_human_development_statistical_update_ru.pdf (дата обращения: 11.10.2019); Человек и инновации. Доклад о человеческом развитии в Российской Федерации 2018 года / под ред. С.Н. Бобылева, Л.М. Григорьева; Аналитический центр при Правительстве РФ. URL: <http://ac.gov.ru/files/publication/a/19663.pdf> (дата обращения: 13.10.2019).

⁴ Быченко Д.Ю. Методологические основы исследования человеческого потенциала // Известия Саратовского университета. Серия: Социология, политология. 2011. Т. 11. Вып. 2. С. 56-59.

показатели, которые могут применяться в процессе данной оценки.

Для исследования процессов развития человеческого потенциала в полиэтничной среде необходимо определиться с методологией измерения и факторного анализа процесса интеграции человеческих ресурсов. На уровень развития человеческого потенциала оказывают влияние политико-культурные факторы, исследование природы которых связано с выявлением ценностных оснований социальных взаимодействий в полиэтничной среде. В изучении современных политических процессов наиболее востребованной методологической платформой является конфликтологическая парадигма. Эта объяснительная модель позволяет развивать фундаментальные аспекты прогнозных характеристик политических трансформаций, внешней, внутренней и региональной политики, рассматривать теоретические и практические аспекты сценарного и ситуационного анализа конфликтного и интеграционного потенциалов в различных сферах жизни общества.

Изучение проблемы возникновения социального конфликта связана с выявлением «промежуточных переменных», обусловленных способами легитимации власти и иерархией статусов в сложно дифференцированном обществе со множеством идеологических, религиозных, этнических, демографических, профессиональных и других групп интересов. Для нашего исследования важное значение имеет также подход, предложенный М. Дюверже, который построил свою теорию на понятиях конфликта, интеграции и эволюции, последовательно и комплексно рассматривая биологические, психологические, социально-демографические, географические, социально-культурные и политико-экономические факторы при анализе всевозможных конфликтов и процессов интеграции. Модель социального конфликта, предложенная Л. Крисбергом, доказывает, почему многие конфликты носят циклический характер, что позволяет учитывать как обратные связи, так и измерение управляющих воздействий в направлении интеграции того или иного сообщества в единое социально-политическое пространство, что в частности актуально для изучения состояния и проблем социокультурной и политико-экономической интеграции Крыма в Россию.

РАЗДЕЛ 1. НОВЫЕ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ ВЫЗОВЫ И ЗАДАЧИ ЭФФЕКТИВНОГО УПРАВЛЕНИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКИМИ РЕСУРСАМИ

В нашем исследовании «Конфликтогенные и интеграционные факторы развития человеческого потенциала Юга России в условиях новых геополитических вызовов»¹ предпринята попытка определить влияние конфликтов и интеграционных процессов на формирование человеческих ресурсов в геополитически значимом регионе российского Причерноморья. Территориальными рамками исследования обозначены три субъекта федерации: Краснодарский край, Республика Крым и город федерального значения, город-герой Севастополь. Представляется, что действительно в современном российском обществе наиболее актуальной является проблема «выявления и описания необходимой и достаточной системы факторов, способствующих становлению полноценных, ответственных субъектов социального взаимодействия»².

Россия как страна, как цивилизация в своей истории довольно часто стояла перед дилеммой: либо как европейской державе сойти на нет, либо проводить реформы и догонять соперников, для чего необходимы эффективные, надежные инструменты укрепления внутренних основ Российской государственности. А это, прежде всего - высокое качество человеческого капитала, наличие в стране интеллектуального, аналитического, кадрового потенциала, формируемого во всех социальных группах и, особенно, в молодежной среде.

В контексте анализа вызовов глобального характера, в теории мировой политики отдельными авторами предлагается «концепция суверенных обязанностей»³. Ричард Хаас считает, что «такие обязанности олицетворяют реализм в эпоху глобализации»

¹ Проект РФФИ № 17-03-00802 «Конфликтогенные и интеграционные факторы развития человеческого потенциала Юга России в условиях новых геополитических вызовов».

² Куконков П.И. Современная конфликтология и социология напряжений // Конфликт как проблема. Очерки современной теоретической и прикладной конфликтологии / под ред. А.И. Стребкова, А.В. Алейникова, А.Г. Пинкевич. СПб., 2015. С. 102.

³ Хаас Р. Мировой беспорядок. М., 2019.

и «предназначены для мира, в котором соперники иногда становятся партнерами и в котором предусматриваются коллективные усилия по преодолению общих проблем»¹. Чтобы успешно конкурировать и в то же время эффективно сотрудничать с другими странами, нужно видеть взаимосвязь, о которой Р. Хаас писал в книге под названием «Внешняя политика начинается дома?»², хотя он справедливо отмечает, что «если там же ее и заканчивать, страна окажется в опасности»³. Эта диалектика для Российского государства особенно актуальна: исторически так сложилось, что у нас внутренняя политика во многом, как правило, обусловлена проблемами внешней политики и необходимостью постоянно отстаивать свой суверенитет. А «суверенитет – это очень дорогая вещь, и на сегодняшний день, можно сказать эксклюзивная в мире. Для России суверенитет – не политическая роскошь, не предмет гордости, а условие выживания в этом мире. Россия – такая страна, которая не может существовать без защиты своего суверенитета», - отмечал Президент РФ В.В. Путин, выступая на политическом форуме «Валдай» ещё в 2007 г.⁴ На сегодняшний день эта тема остается приоритетной в политической повестке и еще более усложняется в связи с западной политикой санкций и обострением геополитических противоречий.

Угрозы дестабилизации обществ, роста международной и региональной конфликтности, которые на рубеже XX - XXI вв. в ряде случаев приводили даже к распаду государств, распространению рынков насилия, гражданским войнам и изменению государственных границ, в настоящее время сохраняются и становятся еще более опасными в связи с возобновлением холодной войны и наметившейся тенденцией новой гонки вооружений. Понятие «регионализм» характеризует неравномерное, специфическое и не одинаковое развитие конкретных локальных социумов, их включенность или

¹ Хаас Р. Мировой беспорядок ... С. 274.

² Haass R.N. Foreign Policy Begins at Home: The Case for Putting America's House in Order. New York, 2015.

³ Хаас Р. Мировой беспорядок ... С. 275.

⁴ Шатилов А. Суверенитет не политическая роскошь, а условие выживания. Путин объяснил, что такое суверенная демократия, и рекомендовал ее ЕС // Российская газета. 2007. 02.10. № 0(4481). URL: <https://rg.ru/2007/10/02/suverennaya-demokratia.html> (дата обращения: 11.09.2019).

противодействие процессам глобализации¹. Региональная разобщенность, «региональная несвязанность» - серьезная проблема для обеспечения прочной политической стабильности и эффективного институционального развития с целью укрепления интеграционного потенциала Российской государственности. Предполагается, что в основе регионализма должно лежать понимание того, что только через сотрудничество и партнерство со своими соседями каждый отдельно взятый регион может максимально обеспечить свои региональные интересы. В результате вырабатывается региональное самосознание. Однако на практике регионализм (точнее субгосударственный регионализм) чреват серьезными коллизиями и конфликтами, порой приводящими к системному общественному кризису, к возникновению особого типа геополитического поведения, опасного для целостности государства. Большую опасность представляют сепаратистские настроения радикальных националистических популистов, которые могут находиться в открытой или скрытой оппозиции к центру и стремиться к эскалации конфликтов за счет попыток вовлечения в орбиту своих интересов и соседних территорий, и различных межрегиональных объединений. В современном политическом процессе резко возрастает роль внетерриториальных и трансграничных отношений сетевого характера и одновременно снижается роль таких политических институтов как межгосударственные организации, основанные на договорных отношениях, обеспечивающих безопасность международного порядка. Основной политической институт – государство – имевшее главенствующую роль и влияние на другие институты общества, в настоящее время теряет значительную часть своего влияния на многие из них. Этот процесс в науке получил название деинституционализацией и ослаблением или даже деградацией государственности. Метаморфозы и трансформации институтов наблюдаются и на уровне межгосударственных отношений. Происходящее рассогласование действий различных государств приводит к разрушению сложившегося мирового порядка, к

¹ Ковальский Н.А. О соотношении глобализации и регионализма // Глобализация и регионализм. Черноморский регион. Балканы. М., 2001. С. 106.

состоянию, которое Р. Хаас определил термином «мировой беспорядок». Состояние аномии в мировом пространстве чревато возрастанием рисков и угроз на глобальном, национальном и региональном уровне. Анализируя новейшие тенденции в мировых процессах, Р. Хаас отмечает, что «популизм и экстремизм получили распространение в зрелых демократиях, авторитаризм же закрепился в других странах. В результате сложился порочный круг: вызовы глобализации способствовали возникновению многих проблем в национальном масштабе – и те же самые проблемы затрудняли для правительств эффективное участие в разрешении глобальных задач»¹. Нельзя не согласиться с идеей о суверенных обязанностях, которую выдвигает автор этой работы. Как и в других странах, в многонациональной России серьезную угрозу представляет крайний национализм, абсолютизирующий узко этническую ментальность, что чревато внутренним расколом и распадом полиэтничной государственности. Но политический кризис, переживаемый нашей страной в 1990-е гг., не являлся результатом только внутренних процессов. Значительную роль в тех условиях сыграло информационно-психологическое воздействие внешних сил, чьим геополитическим интересам мешал Советский Союз, и не нужна была единая и сильная Россия. Чем более поведение индивидов и социальных групп институализировано, тем более предсказуемым, а значит и контролируемым оно является. Преодоление региональной разобщенности – это важнейший способ повышения интеграционного потенциала российской государственности. Государство как основной политический институт отвечает за процессы институционализации в обществе. Государственность – это не только территориальный, но, прежде всего, феномен ментального, социокультурного происхождения. Во многом интеграционный потенциал современной российской государственности обеспечивается с помощью механизмов дискурсивного конструирования социально-политической реальности. Реалистическая логика поведения политической элиты, обеспечивающая необходимую степень региональной институционализации, является важнейшим механизмом социально-политической интеграции многосоставного

¹ Хаас Р. Мировой беспорядок. М., 2019. С. 18-19.

Российского общества¹. Геополитические вызовы в адрес России, как правило, проявляющиеся в экономической сфере, связаны с отставанием в технологическом секторе и в настоящее время они «умножаются и усложняются», как отмечают специалисты и аналитики². По данным ООН, основанным на исследовании 192 стран мира, экономический рост лишь на 16% предопределяется наличием капитала, на 20% - природными ресурсами, а на 64% - человеческим и социальным капиталом³.

Новым геополитическим вызовом для России стала ситуация, связанная с событиями украинского «Евромайдана», вызвавшими политический процесс воссоединения Крыма с Российской Федерацией. В этой связи остро встали проблемы противодействия угрозам социокультурного и идеологического экстремизма в процессе реинтеграции Крыма в Российское социально-политическое пространство, обеспечения региональной безопасности в Черноморском регионе. Актуальность крымского вопроса для развития Черноморского региона обусловлена значимостью влияния факторов политического и этнокультурного характера с учетом региональной специфики и идеологии патриотизма российского государства и гражданского общества. Ярко выражена и даже не скрывается заинтересованность мировых держав в оказании своего воздействия на политические процессы в Черноморском макрорегионе. Социально-политические процессы развиваются под постоянным влиянием рисков глобализации, а крупнейшие мировые СМИ активно обсуждают эти проблемы. Анализ информационных сообщений показывает, что ни европейские, ни американские издания не поддерживают Россию по данному вопросу и не признают новый статус Крыма. В контексте

¹ Юрченко И.В. Региональная институционализация как механизм укрепления интеграционного потенциала Российской государственности // Траектории политического развития России: институты, проекты, акторы: Материалы Всерос. науч. конф. РАПН, г. Москва, МПГУ, 6-7 декабря 2019 г. М., 2019. С. 456-457.

² Никитин А.И. Новые геополитические вызовы в адрес России // Дискурс, политика, управление: материалы IX Конвента РАМИ (Москва, 27-28 октября 2015 г.). М., 2016. С. 8-10.

³ Транспортные коммуникации в геополитической стратегии современной России. М., 2008. С. 16.

геополитических взаимодействий Азово-Черноморский регион всегда представлял собой крайне важный стратегический узел международных противоречий. А в процессе воссоединения Крыма с Россией возникают новые феномены в политическом пространстве взаимодействия акторов политического процесса. Особую озабоченность вызывают проблемы этнической, религиозной, лингвистической, социокультурной мозаичности, проявляющиеся в сложносоставной и конфликтной идентичности, и поэтому необходим комплексный ситуационный анализ возможных и уже проявляющихся угроз социокультурного и идеологического экстремизма, создающих опасность дестабилизации на региональном уровне. Помимо общей истории и культуры, которые связывают Россию и Крым, существует еще ряд причин, подчеркивающих значение и естественность процессов интеграции - это население, человеческий и социокультурный капитал.

По данным переписи 2014 г., в Крыму проживало 67,9% русских, причем русский язык признали родным 84% населения, включая г. Севастополь. Принимая во внимание эти факты, представляется неразумным преподавание в крымских школах украинского языка как родного, а русского как иностранного¹, отмечали многие СМИ и представители различных социальных групп в то время. По мнению ведущих политиков, именно выборы депутатов Государственной Думы РФ стали завершающим этапом интеграции Крыма в политико-правовое поле Российской Федерации. В то же время остается немало вопросов социокультурного характера, вызывающие чувство тревоги и неуверенности в сохранении сложившегося экономического и социокультурного порядка, обычаев и традиций представителей различных этно-конфессиональных групп интересов. Культурная, языковая, конфессиональная мозаичность полиэтнического многосоставного общества требует поиска рационального пути предупреждения межэтнических и межконфессиональных конфликтов.

¹ Крымская правда. Симферополь, 2018. 27 апреля. URL: <http://law-inrussia.ru/content/integraciya-kryma-v-politicheskoe-prostranstvo-rossii> (дата обращения: 15.09.2019).

Процессы, которые сейчас разворачиваются в Крыму, имеют последствия для всей страны. От того, как будут интегрированы Крым и Севастополь в Российское пространство и как будут профилироваться конфликтогенные факторы, будет понятно и то, способна ли Российское государство в целом адаптироваться к новым условиям расстановки геополитических сил, требующим эффективного управления обществом в режиме консолидации всех ресурсов и прежде всего результативного использования человеческого потенциала. Насколько политическая элита способна выполнять необходимые в этой международной ситуации идеологические задачи в части разработки правильной формулы правления и механизмов взаимодействия на мировой арене? А также важно определить способно ли гражданское общество и государство «не просто интегрировать близкие по духу и самоопределению регионы, но и отделять интересы простых граждан от интересов паразитических политических и бизнес-элит»¹. Социально-политические процессы, развивающиеся под постоянным влиянием рисков вмешательства ярых сторонников глобализации, находятся под пристальным вниманием исследователей Южного научного центра РАН, о чем говорят эмпирические данные социального мониторинга, разнообразные ведомственные материалы и другая актуальная информация, получаемая по результатам экспедиций². Социальные взаимоотношения между доминирующими этническими группами и меньшинствами могут обостряться в результате использования технологий информационно-психологического воздействия в контексте геополитических устремлений Вашингтона, наделившего себя ролью гаранта стабильности во всем мире. «Гибридные войны», которые ведутся против ряда государств с целью активизации сепаратизма, радикального национализма, провоцирования противоборства этнических групп за доминирование, используются на основе проявлений крайней «русофобии», радикализма и экстремизма на этих территориях.

¹ Уралов С. Интеграция Крыма в Россию. Часть вторая. Экономика. URL: <http://www.odnako.org/blogs/integraciya-krima-v-rossiyu-chast-vtoraya-ekonomika/comments/page-4/> (дата обращения: 22.08.2019).

² Атлас социально-политических проблем, угроз и рисков Юга России / под ред. Г.Г. Матишова. В 6 т. Ростов н/Д, 2006-2013.

Сохраняется опасность уменьшения влияния русской культуры в отдельных регионах Причерноморья, особенно трудно интегрирующихся в единое цивилизационное пространство России. Реальное сужение границ российского влияния в Чёрном море в постсоветский период привело к появлению новых вызовов и угроз для региональной безопасности, что потребовало выработать тактику эффективного реагирования на возникающие ситуации, и внесения серьезных дополнений и корректив в политическую стратегию Российского государства, отказа от стереотипов во взаимодействии с политическими игроками. Необходимо говорить и о других угрозах и вызовах внутреннего и внешнего характера для национальной безопасности современного Российского государства в Черноморском регионе, что актуализирует системный ситуационный политический анализ и конфликтологическую экспертизу развития Причерноморья.

Как мы отмечали в статье «Этнокультурные факторы национальной безопасности современной России в условиях новых геополитических вызовов в Черноморском регионе», социокультурные отношения в субъектах федерации традиционно представляющих приоритетное развитие русской культуры, и оказавшихся в период постсоветского конфликтного противостояния крупных геополитических и геоэкономических игроков в ситуации кардинальной трансформации мироустройства и углубления мирового системного кризиса на пограничных рубежах военных столкновений в Грузии в августе 2008 г. и гражданской войны на Украине в 2014-2016 гг., оказались в ситуации конструируемой изоляции, агрессивной антироссийской дезинформации¹. Основными причинами проявлений крайней «русофобии», радикализма и экстремизма на этих территориях являются искусственное создание экономических трудностей и использование противниками России этноконфессиональных, социально-политических, экономических проблем для разжигания вражды и эскалации конфликтов в условиях неравномерного развития территорий и этно-конфессионального многообразия

¹ Yurchenko I. Ethnocultural factors of national security in modern Russia in terms of new geopolitical challenges in the Black Sea region // Network edition "Science almanac of Black Sea region countries". 2016. No. 3. P. 42-47. URL: <http://science-almanac.ru/documents/94/2016-03-01-Yurchenko.pdf>.

социальных общностей на постсоветском пространстве. А для США всегда велик соблазн осложнить одним ударом позиции сразу двух конкурентов – Европы и России, используя и активно провоцируя украинский внутренний раскол с приоритетной ориентацией на деструкцию российско-украинских отношений¹, - отмечает С. Караганов. В современной западной геополитике одной из новейших тенденций стала стратегия внутригосударственной регионализации, которая является субъектно-управляемым процессом². Таким образом, для решения конкретных практических политических задач, на наш взгляд, необходимо постоянное глубокое изучение, с учетом региональной специфики и с применением различных методов и научного инструментария полипарадигмального анализа этнокультурных факторов национальной безопасности современной России в условиях новых геополитических вызовов в Черноморском макрорегионе³.

В данной коллективной монографии дается комплексный анализ важнейших факторов развития человеческого потенциала, в контексте противодействия угрозам национальной безопасности Российской Федерации в полиэтничном пространстве Южнороссийского региона на примере Краснодарского края, Республики Крым и города Севастополя. Акцентируется внимание на значении конфликтологической парадигмы в процессе анализа современного социально-политического пространства, интеграционных и дезинтеграционных тенденций в политической, экономической и социокультурной сферах. Обосновывается необходимость изучения влияния информационных технологий,

¹ Караганов С. Россия и Европа: украинская развилка // Российская газета. 2008. 25 апреля.

² Юрченко И.В. Регионализация как современная геополитическая тенденция и управляемый процесс // Проблемы национальной безопасности России: уроки истории и вызовы современности. К 70-летию Победы в Великой Отечественной войне. Краснодар, 2015. С. 295-299.

³ Юрченко И.В. Проблемы противодействия угрозам социокультурного и идеологического экстремизма в процессе реинтеграции Крыма в российское социально-политическое пространство // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Социология. Педагогика. Психология. Симферополь, 2018. Т. 4 (70). Спецвып. 2. С. 313-317.

новых социальных медиа на состояние общества, на отношения между различными социально-экономическими, политико-идеологическими и этноконфессиональными группами, особенно в молодежной среде. В частности, необходим комплексный ситуационный анализ, формирования и развития сложносоставной идентичности. В работе подчеркивается важность выявления и всестороннего исследования конфликтных и интеграционных факторов для активизации и воспроизводства интеллектуального, аналитического, кадрового потенциала, восполнения демографических, трудовых и интеллектуальных ресурсов разнообразных регионов современной России, в частности, таких геополитически значимых причерноморских регионов, как Краснодарский край, Республика Крым и город Севастополь.

РАЗДЕЛ 2. КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ПОНЯТИЯ «ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ» КАК НАУЧНОЙ КАТЕГОРИИ

В современной науке общепризнанным становится тот факт, что человеческий потенциал является доминирующим фактором, который оказывает влияние на тренды экономического, социального и политического развития страны и регионов. В настоящее время человеческий потенциал является основным ресурсом страны и общества наряду с природными ресурсами. Конкурентоспособность стран в современном мире основывается главным образом не на ресурсном потенциале, на человеческих достижениях, реализации инновационных идей, которые возможны только с ростом благосостояния граждан. С политической точки зрения развитие человеческого потенциала становится приоритетной стратегической задачей любой страны. Проблема сохранения и развития человеческого потенциала входит в разряд первоочередных задач государственной социально-экономической политики и заключается в разработке программ управления процессом становления человека как профессионала и гражданина, развивающего и реализующего свой потенциал в социально приемлемых формах. В этой связи можно отметить значимость теории благосостояния, в частности подход, сформулированный В. Парето в виде закона, названного его именем – «закона Парето» (80% результатов определяют только 20% причин), который можно экстраполировать на анализ политических систем в области проблемы эффективности распределения благ и ресурсов. Смысл этого закона можно выразить в следующей логической формуле: улучшение экономического положения происходит при таком уменьшении неравенства между людьми, которое имеет место только тогда, когда при улучшении положения хотя бы одного человека не ухудшается положение других.

Понятие человеческого потенциала в настоящее время активно исследуется в современной науке. Человеческий потенциал обосновывается как базовый ресурс общественного развития, особенно в аспекте набирающей темпы глобализации. Концептуальное понимание человеческого потенциала имеет междисциплинарный характер, поскольку затрагивает абсолютно

все сферы мирового, государственного и регионального развития. По мнению А.Б. Докторовича, «в информационном обществе и высокотехнологичной экономике XXI века, особенно в её наукоёмких секторах и отраслях знания, характер и темпы развития, качество товаров и услуг всё в большей степени определяют человек труда, «человеческий потенциал» и «человеческий капитал», а не материальные и финансовые ресурсы. Главной целью и главными приоритетами современного социально-экономического развития становится развитие человека, его потенциала и капитала»¹.

Хронологически научное исследование проблемы развития человеческого потенциала начинается с экономических теорий, в частности теорий политической экономии, в которых использовалось понятие «человеческий капитал». Так, предпосылки теории человеческого развития были заложены еще в трудах классиков У. Петти², Д. Рикардо, А. Смита, К. Маркса. Классическое понимание человеческого капитала основывается на тесной корреляционной связи между развитием экономики и трудовых ресурсов. Так, У. Петти³, основатель трудовой теории стоимости в качестве ключевой детерминанты производственного развития определяет количество затраченного труда. Автор одним из первых предложил методику количественной оценки человеческого капитала с использованием коэффициента дисконтирования.

Самостоятельное развитие концепция человеческого потенциала получила середине XX вв. в работах Т. Шульца и Г. Беккера. Так, Т. Шульц в своей трактовке человеческого капитала акцентировал внимание на инвестициях в развитие человека, под которыми он понимал затраты на образование в широком смысле: на обучение человека как субъекта трудовой

¹ Докторович А.Б. Социально-экономическое развитие современного государства. Индекс развития человеческого потенциала // Регион: социальный, экономический, этнографический и культурный феномен России. Сб. науч. трудов. Саратов, 2003.

² Петти У. Экономические и статистические работы (сборник трудов). М., 1940.

³ Глухова З.В., Куклина Е.С. Человеческий капитал и человеческий потенциал: подходы к оценке // Вестник СибАДИ. Омск, 2013. № 2 (30). С. 95.

деятельности (профессиональное обучение, повышение квалификации на рабочем месте) и капиталовложения в основные социальные сферы (образование, здравоохранение и науку). В расчётах стоимости рабочей силы учёный учитывал не только денежные расходы на образование и профессиональную подготовку, но также время, затраченное на учёбу, так называемое «потерянное» человеческое время. Т. Шульц один из первых сформулировал принципиальное утверждение о том, что «инвестиции в человека повышают не только уровень производительности труда, но и экономическую ценность его времени»¹.

В основе теории Г. Беккера² также лежит представление о корреляции уровня образования и объема человеческого капитала. Подсчет эффективности образования автор производил путем сопоставления выгод от его получения и издержек. В основу разработанной Г. Беккером теории человеческого капитала положена гипотеза рациональных ожиданий, согласно которой при принятии решений человек исходит из принципа экономической целесообразности и принимает решения в расчёте на максимальную выгоду.

Большой вклад в развитие теории благосостояния внёс А.С. Пигу³. Используя разработанный им метод сравнения полезности между индивидами, учёный сформулировал правило, согласно которому экономика может достичь максимума социального благосостояния при значительном вмешательстве правительства на частных рынках, обеспечивающем соответствующие, при необходимости растущие, налоги и субсидии.

Альтернативой традиционной экономики благосостояния, которая истолковывает данную категорию как нечто, что должно быть прямо пропорционально товарам, которыми владеет личность, и полезности этих товаров, является подход

¹ Schultz T.W. Investment in Human Capital // The American Economic Review. 1961. Vol. 51. P. 1–17.

² Беккер Г. Человеческое поведение: экономический подход. Избранные труды по экономической теории: пер. с англ. / сост. науч. ред., послесл. Р.И. Капелюшников, предисл. М.И. Левин. М., 2003.

³ Пигу А. Экономическая теория благосостояния / пер. с англ. под общ. ред. С.П. Аукционерка. М., 1985. Т. I.

возможностей, в котором подчеркивается, что стоимость товаров зависит от того, что люди делают с ними (Д. Кларк¹). В основе подхода возможностей лежит различие между возможностями и функциями: возможности определяют то, что люди могут делать с товарами, которыми они обладают, а функции относятся к тому, что на самом деле они предпочитают делать с имеющимися у них товарами. Именно «подход возможностей» (Д. Кларк) переводит нас в сферу политического взгляда на человеческий потенциал: расширение возможностей лежит в основе повышения благосостояния и основное внимание в политике развития должно быть сосредоточено на оснащении людей возможностями для достижения функций, которые они ценят в жизни (И. Робейнс²). Теория человеческого развития, в основе которой лежит «подход возможностей» базируется на следующих принципах, которые можно продемонстрировать в интерпретациях ряда исследователей:

– благосостояние человека не может быть измерено только в терминах дохода, истинное развитие предполагает обогащение жизни людей за счет расширения имеющихся возможностей выбора (С. Алкир³);

– развитие, ориентированное на человека, является многогранным процессом, который должен расширить возможности людей в социальной, культурной и политической сферах посредством достижения лучшего здоровья, получения более качественного образования, участия в политическом процессе и в социальных отношениях (М. У. Хакв⁴).

В современной научной теории понятия «человеческий капитал» и «человеческий потенциал» в концептуальном плане разграничены, однако, логика их различения и границы интерпретации пока неоднозначны и размыты. На данный момент приняты два подхода к научной интерпретации данных понятий,

¹ Clark A.D. The Elgar companion to development studies / ed. by D.A. Clark. Cheltenham; Northampton, 2006.

² Robeyns I. The capability approach: A theoretical survey // Journal of Human Development. 2005. № 6 (1). P. 93–114. DOI: 10.1080/146498805200034266.

³ Alkire S. Why the capability approach? // Journal of Human Development. 2005. № 6 (1). P. 115–135. DOI: 10.1080/146498805200034275.

⁴ Haq M.U. The human development paradigm // S. Fukuda-Parr & A. Kumar (Eds.). Readings in human development. New Delhi, 2003.

которые имеют значительный вес в содержательном смысле: экономический и социальный. Очевидна слабая разработанность подходов к изучению и интерпретации человеческого потенциала с политической точки зрения.

Дифференцируя понятия «человеческий капитал» и «человеческий потенциал», А.Б. Докторович выделяет различия в интерпретации по направлениям целей развития и инвестиций, факторов и условиях развития. Понятие «капитал» связывается с экономическими целями, которые достигаются в процессе трудовой деятельности населения (рост ВВП и ВРП, получение дохода и повышение эффективности труда).

В теориях развития человеческого потенциала делается упор на социальных параметрах: свобода выбора образа жизни и главных жизненных благ, долгая здоровая и активная жизнь, непрерывное образование и высокое качество жизни¹. По мнению автора, «устойчивое развитие любой государственной системы возможно лишь в условиях сбалансированного развития личности, общества и государства. Для этого необходимо, чтобы политика развития государства в качестве первоочередных приоритетов определяла интересы развития человека и общества наряду с экономическими приоритетами»².

С точки зрения М. Базылевой, человеческий потенциал является «основой для человеческого капитала», который, в свою очередь, является результатом трансформации человеческого потенциала под воздействием фактора мотивации к трудовой деятельности. «Человеческий потенциал – это уже реально сложившийся человеческий капитал с социально-экономическими условиями его формирования, с учетом особенности социальной среды, которая оказывает влияние на личность, систему ее ценностей и преимуществ, структуру интересов, степень активности, а также качество жизни населения, которое вместе с уровнем здравоохранения и образования характеризуется такими

¹ Докторович А.Б. Социально ориентированное развитие общества и человеческого потенциала: современные теории, методы системного исследования... Автореф. дис. ... д-ра экон. наук. М., 2004. С. 35.

² Там же. С. 19.

показателями, как уровень занятости населения, его платежеспособность, доступ к участию в политической жизни»¹.

Концептуальное различие «капитала» и «потенциала» приводится и в работе М.А. Мурашовой, в которой человеческий капитал понимается как «результат вложений, затрат, приносящий впоследствии прибыль, и связан в основном с ролью индивида в рыночных отношениях», а человеческий потенциал, «рассматривается не в отношении отдельного человека, а с точки зрения общественного богатства»².

В исследовании Д.Ю. Быченко акцентируется внимание по понятию «деятельностного человеческого потенциала», который с точки зрения автора выступает «как промежуточный компонент между потенциальными возможностями человека и их социальным накоплением в форме человеческого капитала»³. Автор утверждает, что в условиях модернизации социальная политика должна быть направлена именно на совершенствование деятельностного человеческого потенциала, что подразумевает, например, «развитие трудовой мотивации», «способности к творческому саморазвитию социума, его самосовершенствованию и самоадаптации»⁴. Данный подход ориентирует нас на необходимость учета в человеческих измерениях мотивационной составляющей, которая указывает именно на «потенциальные» возможности, тогда как «капитал» – это уже состоявшийся продукт трудовой / творческой деятельности.

В общем и целом, современная теория человеческого потенциала ориентируется на понимание «сбалансированного социально-экономического развития»⁵ позиционирует человека как центральное звено социальных, политических и

¹ Базылева М. Человеческий потенциал и проблемы его трансформации в человеческий капитал // Наука и инновации. 2018. № 1 (179). С.15.

² Мурашова М.А. Концептуальные подходы к исследованию человеческого потенциала в истории научного знания // Гуманитарный вектор. Серия: Философия, культурология. Чита, 2015. № 2 (42). С. 162.

³ Быченко Д.Ю. Развитие человеческого потенциала в условиях модернизации российского общества // Известия Саратовского университета. 2012. Сер. Социология. Политология. Т. 12. Вып. 1. С. 54.

⁴ Там же.

⁵ Докторович А.Б. О сохранении и развитии человеческого потенциала // Пространство и Время. 2011. № 4. С. 126.

экономических отношений. Т.И. Заславская вкладывает в понятие «человеческий потенциал» представление о суммарной энергии, которая направлена на благо как всего общества, так и отдельных индивидов. «Человеческий потенциал страны – это совокупность физических и духовных сил граждан, которые могут быть использованы для достижения индивидуальных и общественных целей, как инструментальных, так и экзистенциальных, включая расширение самих потенций человека и возможность его самореализации¹». То есть, данное определение методологически затрагивает уровень социального субъекта, который является носителем определенных черт и установок, что снова нас переводит в плоскость мотивационной составляющей человеческого потенциала.

Теория Т.И. Заславской в некоторой степени коррелирует с идеей кинетической политики, которая получила развитие, например, в исследованиях С. Сулимана², профессора Университета Гриффита (Австралия). В своих статьях «Мобильность и кинетическая политика миграции и развития» и «Мобилизация теории кинетической политики» автор выдвигает идею развития так называемой политики мобильности. Исследования мобильности ученый тесно связывает с критическими исследованиями в области безопасности, что, в свою очередь, повышает возможность более глубокого понимания движения в глобальной политике. Человеческое развитие в этом смысле тесно связано с глобальным трендом на достижение целей развития тысячелетия, которые находят реализацию, как в европейской политике, так и в целях устойчивого развития России. В рамках описанного подхода человеческий потенциал с политической точки зрения можно интерпретировать как объем кинетической энергии населения, направленный на реализацию базовых задач государственной политики и развития общества.

Говоря о развитии человеческого потенциала, нельзя не затронуть региональный уровень, который имеет свою специфику,

¹ Заславская Т.И. Человеческий потенциал в современном трансформационном процессе // Общественные науки и современность. 2005. № 4. С. 13–25.

² Suliman S. Mobility and the kinetic politics of migration and development February // Review of International Studies. 2016. № 1 (04). P. 11–22.

особенно в части раскрытия факторов человеческого развития. Аспекты региональной политики образования затрагиваются в теории креативного класса Р. Флориды¹, которая акцентирует внимание на проблеме эффективности внедрения образовательных программ в контексте существования единого мнения о важности человеческого потенциала для регионального развития, а также на значимости формирования толерантности и терпимости, что особенно актуально для конструирования эффективной политики полиэтничного региона. По мнению Р. Флориды, именно креативный класс стимулирует развитие постиндустриального общества, а уровень толерантности, по мнению автора, имеет исключительное влияние на человеческий потенциал, которое находит свое непосредственное отражение на уровне заработной платы и дохода.

В работе Николы Геннайоли, Рафаэля Ла Порты, Флоренцио Лопес-де-Силанеса и Андрея Шлейфера «Человеческий капитал и региональное развитие» исследуются определяющие факторы регионального развития, на основе выстроенной базы данных, включающей в себя информацию о 1569 регионах 110 стран, охватывающих 74% мирового населения и 97% мирового ВВП. В своем труде авторы объединяют анализ географических, институциональных, культурных и человеческих факторов регионального развития с оценкой уровня производительности предприятий, расположенных в рассматриваемых регионах.

Значительный вклад изучение проблемы человеческого капитала на региональном уровне внесли отечественные исследователи. Так, работа В.Н. Парахиной и Р.М. Устаева «Влияние инновационного потенциала человеческого капитала на развитие экономики региона: аналитические аспекты» обосновывает значимость развития человеческого капитала для инновационного роста экономики региона. В статье отмечается влияние институциональной среды на создание инновационного потенциала человеческого капитала предприятий региона.

Проблеме экономического развития Юга России посвящена, в частности, работа В.Г. Айрапетян и В.Н. Шагалова, в которой проанализированы некоторые статистические данные и дана оценка потенциалу Южного и Северо-Кавказского федеральных

¹ Флорида Р. Креативный класс: люди, которые меняют будущее. М., 2005.

округов «с точки зрения его возможного использования в качестве одного из ресурсов модернизации многоукладной экономики Юга России»¹. Авторы отмечают, что большую роль в реализации человеческого потенциала играют «социокультурные и этнополитические факторы». «Человеческий капитал обладает довольно четко выраженными субъектными свойствами, т.е. способностью реагировать на внешние раздражители среды на свое усмотрение. Если приложить сказанное к экономическим процессам, то можно сделать вывод, что территория Юга России, особенно СКФО, представляет довольно «взрывоопасное» место, где развиваемые проекты могут просто «прогореть» из-за эскалации какого-либо конфликта, связанного с распространением негативного или экстремистского мировоззрения среди местного населения»². Данный вывод переводит проблему человеческого потенциала в идеологическую плоскость, тесно связанную с национальной политикой. Таким образом, идеологическая и этническая составляющая является важнейшими структурными элементами развития человеческого потенциала в южном макрорегионе.

В статье Н.Н. Школьниковой³ автор дает оценку экономического потенциала субъектов Северо-Кавказского федерального округа, а также рассматривает возможности его реализации. Автором также обозначены вероятные пути модернизации экономики некоторых регионов Юга России. Работа А.Ш. Ахмедуева⁴ также касается проблем СКФО и анализирует стратегию социально-экономического развития регионов Северо-Кавказского федерального округа до 2025 г. Автор раскрывает ключевые проблемы развития этих субъектов, и

¹ Айрапетян В.Г., Шагаров Л.М. Человеческий капитал как ресурс модернизации экономики Юга России // Вестник ГУУ. 2012. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/chelovecheskiy-kapital-kak-resurs-modernizatsii-ekonomiki-yuga-rossii> (дата обращения: 11.10.2019).

² Айрапетян В.Г., Шагаров Л.М. Указ. соч.

³ Школьникова Н.Н. Оценка экономического потенциала субъектов Северо-Кавказского федерального округа и возможности его реализации // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2010. № 12. С. 77-82.

⁴ Ахмедуев А.Ш. К вопросу об экономическом прорыве на Северном Кавказе, «точках роста» и угрозе застоя // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2010. № 36. С. 49–56.

приходит к выводу, что некоторые положения нынешней стратегии не ориентированы на преодоление отставания региона и могут привести к застою экономической деятельности.

Важное значение для данного исследования имеют положения синергетической теории, позволяющие исследовать особенности связей между компонентами системы человеческого потенциала и процесса их изменений (Г. Хакен¹, С.И Астафьева², Н.Н. Моисеев³, В.А. Лапшин, С.И. Некрасов и др.). Так, С.И. Некрасов указывает, что компоненты системы человеческого потенциала изменяются в зависимости от внутренних и внешних факторов, при этом каждый из типов потенциала может оказывать влияние как на другие потенциалы - компоненты системы, так и на развитие или деградацию всей системы в целом.

В.А. Лапшин также реализует синергетический подход⁴ к пониманию изучаемого явления, рассматривая человеческий потенциал как систему, состоящую из основных компонентов потенциалов, функционально наиболее значимых: инновационно-деятельностного, интеллектуального и культурно-ценностного. Каждый из них, формируясь и развиваясь в созданных для него благоприятных условиях, способствует развитию остальных компонентов системы. «Для понимания феномена человеческого потенциала региона важна не только его количественная величина, но и социально-экономические условия, при которых он формируется и реализуется. Наибольшим влиянием на условия, в которых конкретный человек живет и работает, обладают органы государственной власти регионального уровня. Реализуя в регионе социально-экономическую политику, учитывающую особенности, присущие конкретному региону. Именно на уровне регионов

¹ Хакен Г. Самоорганизующееся общество / Синергетическая парадигма. Социальная синергетика. М., 2009. С. 350–369.

² Астафьева О.Н. Концептуальные основания культурной политики: от теории к практике // Синергетика: будущее мира и России. М., 2008. С. 194-222.

³ Моисеев Н. Н. Судьба цивилизации. Путь разума. М., 2000; Моисеев Н.Н. Устойчивое развитие или стратегия переходного периода. М, 1996.

⁴ Лапшин В.А. Исследование инновационного потенциала студенчества России, через механизм реализации инновационной деятельности // Научные труды Московского гуманитарного университета. 2013. Вып. 145. С. 101-105.

становится возможным создание максимально благоприятных условий для превращения человеческого потенциала, отражающего сформировавшиеся возможности индивида, в человеческий капитал, являющийся источником дохода индивида и общества в целом»¹.

В исследовании В.А. Лапшина затронута также проблема развития современной молодежи как ресурса нации. Согласно теории автора, «человеческий потенциал молодежи определяется как совокупность присущих ей инновационных, культурных, интеллектуальных, биосоциальных свойств, способностей и ресурсов, которые накапливаются и готовятся к реализации как основа присвоения молодежью социальной субъектности»². Инновационные свойства, способности и ресурсы являются с точки зрения автора, основными доминантами, специфичными для данной социально-демографической когорты.

Синергетический подход также отражен в исследовании О.И. Иванова. Автор определяет человеческий потенциал как социально-биологическую целостность, структурно включающую в себя следующие компоненты: демографическую, компоненту здоровья, образовательную, трудовую, культурную, гражданскую, духовно-нравственную³. Большой интерес вызывает определение автором элементарной единицы человеческого потенциала, в качестве которой выделяется система «потребностей, способностей, готовности одного человека выполнять социально значимые функции и роли. Это личностный потенциал, или потенциал личности. Совокупности личностных потенциалов составляют нижний уровень совокупного потенциала общности, над которым надстраиваются более высокие уровни»⁴. Пример данного подхода к интерпретации и операционализации человеческого потенциала имеет существенное значение для

¹ Чучулина Е.В. Роль человеческого потенциала в становлении инновационной экономики региона // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Сер.: Экономические науки. 2010. № 4 (102). С. 52-56.

² Лапшин В.А. Человеческий потенциал молодежи как источник социокультурных изменений. Автореф. дис. ... канд. филос. наук. М., 2013. С. 6.

³ Иванов О.И. На пути к теории человеческого потенциала // Вестник СПбГУ. Сер. 12. 2010. Вып. 3. С. 334.

⁴ Там же. С. 335.

нашего исследования, поскольку учитывает «гражданскую» компоненту, имеющую высокую степень актуальности применительно к измерениям человеческого потенциала полиэтничного региона.

Таким образом, в науке очень подробно анализируются структурные составляющие человеческого потенциала, (А.В. Бодак¹, Т.И. Заславская², Б.Г. Юдин³ и др.), однако стоит заметить, что компоненты человеческого потенциала, представленные в литературе, не учитывают этническую и идеологическую составляющую, которая оказывает существенную роль применительно к ситуации на Юге России, поэтому список компонентов необходимо дополнить данными параметрами⁴. С нашей точки зрения, наиболее оптимальной для интерпретации человеческого потенциала полиэтничного социума является синергетический подход. Составляющие человеческого потенциала можно выделить на трех структурных уровнях, в которых субъективные свойства и интенции непосредственно связываются с объективными показателями⁵ (см. табл. 1).

¹ Бодак А.В. Человеческий потенциал как базовая модель развития общества // Материалы XX окружных социальных чтений (г. Сургут, 29-30 октября 2015 г.). URL: http://socioprofi.com/sites/default/files/publishings/15_0.pdf (дата обращения: 15.04.2017).

² Заславская Т.И. Человеческий потенциал в современном трансформационном процессе // Общественные науки и современность. 2005. № 3. С. 5-16.

³ Человеческий потенциал как критический ресурс России / отв. ред. Б.Г. Юдин. М., 2007.

⁴ Донцова М.В., Юрченко И.В., Юрченко Н.Н. Факторы интеграции и конфликта в развитии человеческого потенциала Юга России: методология исследования // Историческая и социально-образовательная мысль. Краснодар, 2017. Т. 9. № 5-2. С. 155-161.

⁵ Там же. С. 157.

Структурные компоненты человеческого потенциала с учетом этнической составляющей¹

Уровень	Компонента уровня	Содержание компоненты
<i>I. Потенциал стабильности и воспроизводства населения</i>	Демографическая компонента	Физические возможности человека, зависящие от его здоровья, способность и готовность к продолжению рода, обеспечивающие на макроуровне воспроизводство населения
	Трудовая компонента	Способность к трудовой деятельности, постоянной занятости, ответственному отношению к труду, обеспечивающие стабильность экономического производства
	Социальная компонента	Способность к воспроизводству социальных связей, волевые и лидерские качества человека, мотивация к достижению целей, уровень социального доверия, готовность вступать в отношения сотрудничества, способность членов общности выражать свое мнение, защищать национальные ценности, исполнять закон, уровень жизни
<i>II. Культурный и духовно-нравственный потенциал</i>	Идеологическая компонента	Ценностные ориентиры, на которые опирается человек в процессе жизнедеятельности, на макроуровне обеспечивает единство общности и устойчивость информационным угрозам
	Этнокультурная компонента	Способность воспринимать культурные ценности, уровень воспитания, способность воспроизводства культурных

¹ Донцова М.В., Юрченко И.В., Юрченко Н.Н. Факторы интеграции и конфликта ... С. 157-158.

		образцов своей общности, обеспечение поколенческой преемственности, уровень межэтнического доверия, готовность вступать в отношения сотрудничества с носителями другой веры, представителями иной национальности, уровень предубежденности и свобода от предрассудков
	Духовно-нравственная компонента	Нравственные ориентиры, способность к саморазвитию, самообразованию, способность к творческой деятельности, восприятию культурных и духовных ценностей, осознание своего места в мире, полезности своего участия в общественном развитии
<i>III. Потенциал будущего</i>	Интеллектуальная компонента	Включает в себя уровень знаний и умений, врожденные способности, талант
	Инновационная компонента	Готовность и способность к занятию инновационной деятельностью, достижения в новаторской сфере, обеспечивающие на макроуровне технологическое развитие страны, ее конкурентоспособность на мировом рынке высоких технологий

Подводя итог анализу теоретических подходов к интерпретации базового понятия отметим, человеческий потенциал в данном исследовании понимается в широком смысле как система инновационных, культурных, интеллектуальных, биосоциальных свойств, способностей и ресурсов, которые накапливаются и могут реализовываться в полезной деятельности индивидов и социальных групп в полиэтничной среде. С эмпирической точки зрения данная категория рассматривается как сочетание индивидуальных потенциалов: 1) потенциала

стабильности и воспроизводства (демографический, трудовой, социальный); 2) этнокультурного (идеологический, этнокультурный); 3) потенциала прогрессивного развития (интеллектуальный, инновационный).

РАЗДЕЛ 3. НОВЕЙШИЕ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ПОЛИТИЧЕСКОМУ АНАЛИЗУ РАЗВИТИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА В МИРОВОЙ НАУКЕ

Теория человеческого развития в настоящий момент очень активно развивается в современной науке, особенно за рубежом, где человеческие измерения с использованием методов математического моделирования стали общепринятой нормой прогнозирования и поиска оптимальных решений в сфере политики развития. Используя формальные аналитические методы, ученые осуществляют поиск причинно-следственных связей для оптимизации управленческих решений. Примечательной чертой исследований западных ученых является доказательство важности построения демократического государства и эффективной системы управления, которая не должна при этом ограничивать права и свободы граждан, потенциальные возможности развития. Характеризуя данное направление, можно привести пример исследований Дж.К. Хансона¹ и А.Т. Грундхолма, М. Торсена², в которых осуществляется анализ корреляции между уровнем развития демократии и потенциалом государственных институтов, их влияние на человеческое развитие. Ученые производят анализ на глобальных выборках с разными временными промежутками (35 лет и 107 лет). А.Т. Грундхолм и М. Торсен, уточнив исследования Дж.К. Хансона, и собрав статистически более валидные данные, получили схожие результаты. Изучив глобальные выборки стран с временным интервалом 107 лет, ученые обнаружили, что демократия и возможности государств усиливают положительное влияние друг друга. При прочих равных условиях, самые высокие уровни человеческого развития достигаются тогда, когда страны обладают и тем, и другим: демократическими политическими институтами и сильными,

¹ Hanson J.K. Democracy and State Capacity: Complements or Substitutes? // Studies in Comparative International Development. 2015. Vol. 50. № 3. P. 304–330. DOI: <https://doi.org/10.1007/s12116-014-9173-z>.

² Grundholm A.T., Thorsen M. Motivated and Able to Make a Difference? The Reinforcing Effects of Democracy and State Capacity on Human Development // Studies in Comparative International Development. 2019. № 54. P. 81–414.

дееспособными государственными институтами. Поэтому, хотя демократия и обеспечивает политические стимулы для развития человеческих ресурсов, эти стимулы не имеют большого значения, если в стране отсутствуют государственные институты с достаточным потенциалом эффективного осуществления политики развития. При наличии таких государственных институтов, демократия может оказать существенный положительный эффект и этот эффект может пропорционально увеличиваться. В целом, определенный уровень потенциала государственных институтов представляется необходимым для того, чтобы демократия имела положительный эффект и наоборот. Результаты исследований А.Т. Грундхолма и М. Торсена свидетельствуют о том, что для того, чтобы политика в области человеческого развития была наиболее эффективной, усилия по поощрению демократии должны производиться в сочетании с усилиями по формированию хорошо функционирующих административных и властных структур. Только тогда развивающиеся страны смогут воспользоваться благоприятными последствиями демократического управления в области борьбы с нищетой и содействия благосостоянию человека.

С точки зрения факторной операционализации понятия «человеческий потенциал» с политической точки зрения изучение корреляции между уровнем демократизации общества и потенциалом государственных институтов, предпринятый в данных работах, имеет важнейшее значение, поскольку методологически измерение человеческого благосостояния должно происходить не только в экономической плоскости, но в плоскости реализации прав и свобод, личного счастья на государственном уровне, при поддержке сильных государственных институтов. В этой связи ученые дискутируют на тему возможности соотнесения сильного государственного аппарата и высокого уровня демократизации общества.

Таким образом, задача государственной политики – это обеспечение безопасности и благосостояния граждан, а также обеспечение возможности поступательного развития и конкурентоспособности на мировой арене. Большинство ученых сходятся во мнении, что потенциал государства в широком смысле следует понимать, как способность государства эффективно осуществлять политику на всей его территории (Андерсен;

Фортин; Хэнсон; Манн). Потенциал государства будет иметь положительное влияние на изучаемые явления, но только до тех пор, пока эти явления имеют приоритет с политической точки зрения.

И. Амате-Фортес, А. Гуарнидо-Руэда и А. Молина-Моралес¹ предпринимают исследования в русле синергетического подхода к анализу человеческого потенциала, определяют факторы, влияющие на его развитие. Результаты исследований этих ученых позволяют сделать вывод, во-первых, что повышение уровня здоровья, а также стимулирование расходов на НИОКР должны быть основными направлениями любой политики развития. Аналогичным образом, официальная помощь в целях развития должна быть переосмысливается, если не достигает своих целей. В этом смысле роль институтов очень важна для развития человеческого потенциала, и демократия играет в этом большую роль. Те страны, которые желают увеличить свой уровень развития должны, прежде всего, повысить уровень демократии. Коррупция, наоборот, оказывает негативное влияние на развитие человека, и, эффективная борьба с коррупцией должна стать главной целью экономической политики страны. Политическая стабильность, с точки зрения авторов, – это третий институциональный фактор, определяющий развитие человека. В целом, экономическое и социальное развитие требует политики, которая реализует повышение качества государственных институтов путем внедрения более высоких уровней демократии, достижения большей политической стабильности и борьбы с коррупцией.

Португальский исследователь Ж. Сармьенту² также указывает на то, что коррупция - это явление, которое присутствует практически во всех обществах, в большей или меньшей степени. Коррупционные деяния связаны с превышением государственных интересов частными, с рядом конкретных

¹ Amate-Fortes I., Guarnido-Rueda A., Molina-Morales A. Economic and Social Determinants of Human Development: A New Perspective // Social indicators research. 2017. Vol. 133. № 2. P. 561–577. DOI: 10.1007/s11205-016-1389-z.

² Sarmiento J. Corruption and human development: a correlation study between political-social phenomena // CUHSO. Cultura – Hombre – Sociedad. 2015. № 25 (1). P. 113–138. DOI: 10.7770/CUHSO-V25N1-ART899

незаконных действий, непосредственно затрагивающих государственную политику и эффективность государственной службы. Через индекс корреляции Пирсона было установлено, что коррупция и развитие человека имеют сильную корреляцию.

Негативное влияние коррупции на человеческое развитие статистически доказывается в статье Б. Ортеги, А. Каскоро и Х. Санжуана¹, в которой показана взаимосвязь коррупции и развития человеческого потенциала. Авторы перечисляют каналы (см. рис. 1), по которым негативные последствия коррупции могут быть перенесены на человеческое развитие: погоня за рентой, неправильное распределение, незаконное присвоение, волокита, мошенничество, взяточничество, утечка информации, кумовство, вымогательство, патронаж, влияние, дискриминация, хищение.

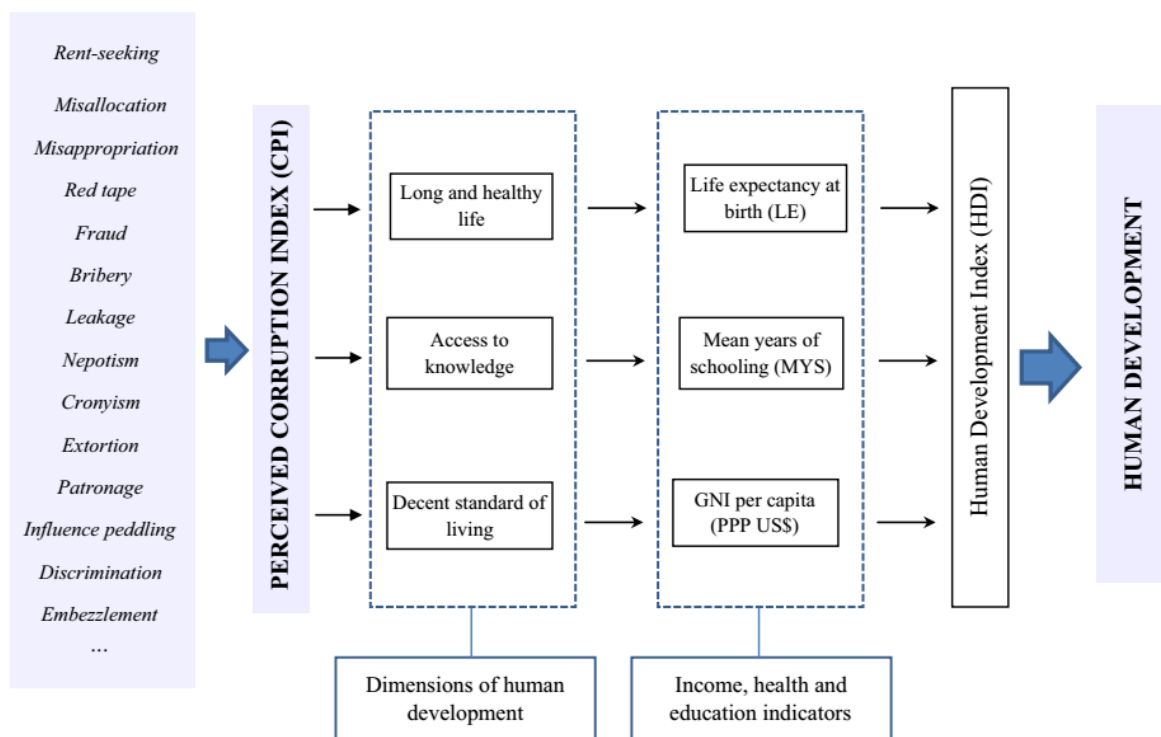

Рисунок 1 – Каналы коррупции как факторы влияния на человеческое развитие²

¹ Ortega B., Casquero A., Sanjuan, J. Corruption and Convergence in Human Development: Evidence from 69 Countries During 1990-2012 // Social indicators research. 2015. № 127 (2). P. 691–719.

² Ortega B., Casquero A., Sanjuan, J. Corruption and Convergence in Human Development: Evidence from 69 Countries During 1990–2012 // Social indicators research. 2015. № 127 (2). P. 699.

Результаты данного исследования также свидетельствуют о том, что коррупция является значительным препятствием развитию человеческого потенциала, поскольку через различные каналы передачи снижает экономический рост и отвлекает ресурсы от социальных услуг. Уровень развития коррупции может измеряться количественно через индекс восприятия коррупции – Perceived Corruption Index (CPI).

Рассматривая социокультурные факторы развития человеческого потенциала нельзя не упомянуть о языковой политике. Как отмечают Д.Д. Лаитин и Р. Рамачандран, выбор языка влияет на человеческий потенциал, поскольку он обеспечивает тем, кто говорит на официальном языке государства широкий доступ к экономическим и политическим возможностям¹. Для полиэтничного Юга России языковой фактор является важным элементом этносоциального развития человеческого потенциала. Однако, «конечная цель языковой политики – это благосостояние граждан и общества в целом, обеспечение возможности удовлетворения материальных и нематериальных потребностей, всесторонней реализации человеческого потенциала, прослеживается разве что косвенно, в положениях о языковых правах граждан»².

В методологическом плане также для нас интерес представляет исследование С. Гамлат³, в котором анализируется влияние культурных факторов на уровень развития человеческого потенциала. По мнению автора, культура – это первичный детерминант того, что люди ценят в жизни, и выбор, который важен для них. Следовательно, культура вносит некоторую степень релятивизма в процесс человеческого развития. Как таковые, культурные воздействия имеют важное влияние на восприятие людьми того, что представляет собой желаемое качество жизни и эти представления, в свою очередь, могут влиять

¹ Laitin D.D., Ramachandran R. Language Policy and Human Development // American political science review. 2016. №110 (3). P. 457–480.

² Кадочников Д.В. Цели и задачи языковой политики и проблемы социально-экономического развития России // Пространство экономики. 2019. № 1. С. 98.

³ Gamlath S. Human Development and National Culture: A Multivariate Exploration // Social indicators research. № 133 (3). P. 907–930.

на их политический выбор и тем самым определять направление государственной политики, касающейся развития¹.

Современную теорию человеческого развития невозможно представить без количественных измерений. Универсальный показатель сравнения стран по уровню человеческого развития – ИРЧП является одним из основных показателей качества жизни населения. Этот индекс был введен США в рамках Программы развития наций (ПРООН) в 1990 г. для оценки относительной эффективности стран в области развития человеческого потенциала. Индекс развития человеческого потенциала (ИРЧП) представляет собой сводный показатель, отражающий средние показатели достижения в трех основных аспектах человеческого развития:

- долгая и здоровая жизнь (продолжительность жизни);
- доступ к знаниям (уровень образования);
- достойный уровень жизни (доход на душу населения по паритету покупательной способности в долларах США).

С 1990 г. ИРЧП широко используется в качестве индикатора благосостояния и прогресса человека, тесно связанного с идеей развития возможностей человека, предложенные М. Десаи и А. Сен (1985 г.), и в более широком смысле. Несмотря на свою простоту и ограниченность, ИРЧП вызвал большой интерес среди исследователей социальной практики и политики. Уже более 20 лет ИРЧП позволяет оценивать благосостояние граждан с точки зрения развития человеческого потенциала в разных странах в течение продолжительного времени, и помог сформировать идею «целей тысячелетия» – мировую политику и практику, которая может привести к улучшению жизни людей и расширить их выбор и возможности во всем мире, особенно в развивающихся странах.

В то же время, с момента своего появления ИРЧП породил в академической сфере широкую дискуссию, в которой присутствовали многочисленные критические замечания и предложения ряда потенциальных улучшений данного показателя. Критические замечания были в основном сосредоточены на двух основных областях: 1) как определить развитие человека, наблюдать и измерять его составляющие, концентрируясь на такие

¹ Gamlath S. Human Development and National Culture: A Multivariate Exploration // Social indicators research. № 133 (3). P. 907–930.

темы, как выбор показателей для точного отражения идеи развития человеческого потенциала, и внутренней корреляция всех компонентов ИРЧП; 2) как агрегировать различные показатели для получения общепринятого составной индекса, сосредоточенного, главным образом, на функциональной форме ИРЧП и таких аспектах, как заменяемость, нормализация показателей, асимметричность доходов в разных странах, а также выбор весовых коэффициентов.

В 2010 г., совпав с двадцатой годовщиной первого Глобального доклада о развитии человеческого потенциала (ДРЧ), ИРЧП был пересмотрен, и в него было внесено несколько крупных изменений. В то время как ожидаемая продолжительность жизни при рождении сохранялась как показатель длительной и здоровой жизни, показатели, используемые для измерения развития образования и уровня жизни, были изменены. В аспекте образования средняя продолжительность обучения в школе заменила грамотность, а валовая численность учащихся была пересчитана в соответствии с ожидаемыми годами обучения. Для измерения уровня жизни валовой национальный доход (ВНД) на душу населения был заменен валовым внутренним продуктом (ВВП). Что касается функциональной формы, то одним из ключевых изменений стало замена среднего арифметического достижений на уровне стран в трех основных измерениях на геометрическое среднее в виде формулы агрегирования.

Проблемы многомерной аналитики данных ИРЧП исследуются в новейших работах зарубежных исследователей. Основная задача исследований данного направления – это преодоления недостатка моделирования и прогноза с помощью традиционного метода измерения ИРЧП. Так, в исследовании Н. Зирогианниса, К. Крутилла и др. (2019 г.)¹ представлен новый алгоритм DFA, который используется для оценки динамического показателя ИРЧП на основе панели, работающей с 2005 по 2013 гг. Авторы доказывают преимущества динамических моделей перед статическими. Указанный подход позволяет с помощью математических методов изучать темпы изменений человеческого

¹ Ziropiannis N., Krutilla K., Tripodis Y., Fledderman K. Human Development Over Time: An Empirical Comparison of a Dynamic Index and the Standard HDI // Social Indicators Research. 2019. № 142 (2). P. 773–798.

развития. В частности, с помощью метода Монте-Карло сравнивается качество выявления поворотных точек в траекториях человеческого развития при использовании динамических и статических ИРЧП (классическое измерение ПРЧП). С точки зрения принятия политических решений относительно человеческого развития динамический показатель ИРЧП дает более точный прогноз. Динамический анализ, с точки зрения авторов метода, служит полезным инструментом, в дополнение к статическому подходу, дающим наглядное представление о показателях развития страны.

В работе Дж. Шаабана, А. Ирани и А. Хоури¹ описывается история и методология индексации качества человеческого развития через агрегированные количественные показатели. Авторами приводится критика стандартных методов оценки через объективные количественные показатели государственной статистики, поскольку они не отражают реальной картины. В статье демонстрируется работоспособность опросной методики – Глобальный индекс благосостояния (PGWBI), которая включает в себя 11 показателей: безопасность и защищенность, здравоохранение, образование, жилищные условия, окружающая среда и жизненное пространство, занятость, доход, удовлетворенность жизнью, общественная и общественная жизнь, гражданская активность. Результаты данного исследования показывают, что разработанные CGWB имеет высокую корреляцию с широко используемым индексом развития человеческого потенциала (ИРЧП); однако РГРБ менее чувствителен к эффектам дохода, чем ИРЧП. Поэтому CGWB обеспечивает улучшение по сравнению с ИРЧП за счет охвата дополнительных ключевых аспектов благосостояния и минимизация влияния дохода на душу населения на общие показатели развития человеческого потенциала.

Х. Сайед, Р. Хамед, С.Х. Хосни, А.Х. Абдельхамид решают проблемы прогноза через использования модели «Benefit-of-the-

¹ Chaaban J., Irani A., Houry A. The Composite Global Well-Being Index (CGWBI): A New Multi-Dimensional Measure of Human Development // Social indicators research. 2016. № 129 (1). P. 465-487.

Doubt» (MGP-BOD) (метацелевое программирование)¹. Составные показатели ИРЧП полезны при определении приоритетов политики в области оценки прогресса страны с течением времени. Тем не менее, плохо построенные показатели могут привести к ошибочным решениям. Например, ненадежный способ конструирования индекса может привести к политическим спорам. Кроме того, существует зависимость рейтингов стран от методов нормализации, взвешивания и агрегирования, которые ограничивают достоверность индикаторов индекса. Был предпринят ряд усилий по совершенствованию ИРЧП ПРООН. Это улучшение, с точки зрения данных исследователей, может быть сделано в двух направлениях. Первый ориентирован на повышение переменных ИРЧП, которые должны полностью отвечать концепции развития человеческого потенциала. Второе направление включает в себя совершенствование методологии ИЧР для расчета веса и итогового рейтинга. Авторы решают проблему нормализации весов для построения более точного рейтинга стран.

В западной науке значительное развитие получает политическое моделирование и модное на сегодняшний день направление кинетической политики. Возможности многомерного статистического моделирования для факторного анализа развития человеческого потенциала представлены, например, в работах таких авторов, как С.Б. Рамос, С.А. Болела и др.² В целях устойчивого развития (ЦУР) перечислены цели и задачи, которые следует обратиться к решению глобальных вопросов, касающихся устойчивого развития. Они призваны охватить социальные, экономические и экологические аспекты поиска решений, расширить возможности контроля операционных показателей, приписываемых каждой цели. Ожидается, что многие из этих показателей связаны друг с другом и точное понимание корреляций позволяет построить прогностическую статистику

¹ Sayed H., Hamed R., Hosny S.H., Abdelhamid A.H. Avoiding Ranking Contradictions in Human Development Index Using Goal Programming // Social indicators research. 2018. № 138 (2). P. 405-442.

² Ramos S.B., de Paula Silva, J., Bolela, C.A. et al. Prediction of Human Development from Environmental Indicators // Social indicators research. 2018. № 138 (2). P. 467-477. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11205-017-1693-2>.

модели, которые могут улучшить мониторинг и контроль переменных. Это увеличило бы показатели успеха в достижении целей устойчивого развития.

Изучение проблем и тенденций развития человеческого потенциала в условиях геополитических, информационных и социально-экономических вызовов предполагает выявление конфликтогенных и интеграционных факторов политического участия в современную эпоху формирования власти через масс-медиа. Анализ факторов политического участия является актуальным направлением исследования человеческого капитала как стратегического ресурса развития полиэтнического социума. Среди других факторов, необходимо акцентировать внимание на издержках кадровой политики и управленческой дисфункциональности, которые проявляются на разных уровнях социально-политических взаимоотношений. Системный подход предполагает рассмотрение микро и макро- уровней взаимодействий акторов политического процесса. Если определять политику через концепт ограничений, то ее можно охарактеризовать как ограниченное применение социальной власти. А изучение сущности политики в этом контексте представляет собой определение природы и источников этих ограничений и техники применения социальной власти в рамках данных ограничений». С точки зрения конфликтологической парадигмы, политика всегда является и фактором конфликта, и поиском механизмов согласования интересов, и способом нахождения компромисса, а также технологией навязывания своей воли другим, вопреки сопротивлению. Возникающие в этой схеме противоречия создают различные векторы поведения лиц, принимающих решения, в зависимости от менталитета и ценностных ориентаций конкретного руководителя, его представлений о профессиональной этике, различных психологических особенностей личности. На этот процесс накладываются особенности традиций и обычаев этноса, к которому принадлежит данный политик или руководитель организации. Таким образом, в политическом анализе и конфликтологической экспертизе форм протестной активности и лояльного поведения избирателей всегда необходим многофакторный подход. Учет региональных особенностей, в частности фактор региональной депривации, также имеет

немаловажное значение в процессе мониторинга технологий и форм политического участия различных акторов политического процесса. Так, Южный макрорегион России, в частности Краснодарский край, Ростовская область и Республика Крым, ввиду повышенной миграционной активности, фактора пограничного пространства, этнополитических проблем и противоречий, негативных процессов в экономике и роста социальной напряженности в результате региональных и структурных диспропорций развития территорий, рассматривается в соответствии с современной типологией сложносоставных конфликтов. При этом необходим анализ угроз трансформации социальных напряжений низкой интенсивности в деструктивные процессы распада. Поскольку на Юге России сохраняется высокая значимость миграционной проблематики, как фактора радикализма и экстремизма, а миграционные потоки, изменяют этноконфессиональную структуру социума, в результате чего увеличивается степень социальной напряженности, опасность новых конфликтов и реанимации старых. Это активно используют политтехнологи, работающие против Российского государства как «мишени» и ведут, по сути, подрывную пропаганду, в том числе, с помощью деструктивных информационных воздействий. Поэтому одним из аспектов конфликтологической экспертиза коммуникативного поля полиэтничного региона должен быть эпистемологический анализ социального проектирования, воздействующего на политическое участие в период нового избирательного цикла. Кроме того, изменения, которые провоцирует мировой кризис, меняют и структуру факторов, которые оказывают существенное влияние на развитие человеческого потенциала, в том числе с учетом идеологической составляющей интеграционных процессов. Структурирование конфликтующих групп происходит в параметрах аксиологической парадигмы и под воздействием применения политических технологий.

Соответствующие критерии и применение необходимого научного инструментария позволяют получить информацию об уровне интеграции жителей Крыма в социокультурные и социально-экономические условия нашей страны, а также о качестве социальных связей южнороссийских субъектов федерации с приграничными регионами. Конфликтогенные

факторы антропологического и ментального характера активно используются оппозиционными политтехнологами, акцентирующими в политическом сознании и поведении, особенно молодежи, проявления радикализма взглядов и действий, источником которых являются социальная депривация и фрустрация, и тогда, как считают психологи, практически единственным выходом для них становится взрыв жестокости, агрессии и экстремизма, которые необходимо нейтрализовать¹.

Говоря о роли общественного мнения в политическом процессе Э. Ноэль-Нойман отмечала: «ничто не кажется более удивительным, чем легкость, с какой *многими* управляют *немногие*, а также чем готовность людей свои собственные ощущения и желания подчинить ощущениям и желаниям правительства. Если попытаться проанализировать, каким образом осуществляется такое чудо, то мы увидим, что управляющие не могут опереться ни на что, кроме мнения, кроме одобрения»². Одна из актуальных проблем сегодня – это проблема определения того, каким образом общественное мнение различных социальных групп и представления отдельных индивидов вызывают социальные и политические изменения, трансформации политических институтов, а порой и мощные политические потрясения. Борьба за доминирование в языке и коммуникации – это борьба за власть, поэтому для политической конфликтологии важно изучить конкретные, применяемые на практике способы формирования социального мнения большинства. Учитывая специфику медиатизации общества в различных регионах полиэтнического пространства, следует акцентировать внимание на технологиях формирования политической идентичности. Идентичность – это социальный, культурный, политический и лингвистический феномен. Критический дискурс-анализ позволяет выявить тех, кто определяет тематизацию дискурса, обеспечивает персуазивность

¹ Юрченко И.В. Конфликтогенные факторы политического участия в период нового избирательного цикла // Время больших перемен: политика и политики: материалы Всероссийской научной конференции РАПН. Москва, 24-25 ноября 2017 г. М., 2017. С. 434-435.

² Ноэль-Нойман Э. Общественное мнение. Открытие спирали молчания. М., 1996. С. 113.

политических текстов, используя, в том числе и суггестивные технологии», что позволяет влиять на «моду» на политическом рынке идей. Очевидная задача критического дискурс-анализа заключается в том, чтобы определить, кто обладает властью говорить, или устанавливать условия его/её репрезентации в языке, а кто не обладает этой властью, а поэтому вынужден принимать на себя такую роль, которая навязана другими людьми¹. По мнению М. Фуко, дискурс заставляет нас занимать определенные позиции, когда мы говорим или слушаем², сталкиваются дискурс власти и дискурс оппозиции

Политические расколы в современных обществах в основном происходят по линии противостояния Запада и России. Ориентация на западные ценности – с одной стороны, и поддержка позиции России, защищающей свою идентичность и суверенитет, – с другой, актуализируются технологиями политического влияния, реализуемыми заинтересованными группами. Современные исследования политических процессов и отношений все больше сталкиваются с новой проблемой – с феноменом политического доминирования через масс-медиа. Средства массовой информации используются политическими акторами преимущественно как технология формирования массовых мнений и настроений людей, а общество тотально медиатизируется. Изучение проблемы технологий управления поведенческими аспектами в публичной политике, таким образом, напрямую связано с политической дискурсологией, точнее – с критическим дискурс-анализом, позволяющим в сложном потоке событий определить, как и кем осуществляется контроль над публичным дискурсом, фактически – контроль над сознанием.

Социальная феноменология (особенно в лице этнометодологии) в центр исследования ставит созданные людьми смыслы и значения видимой реальности. Соответственно изучению подвергается не сама по себе социальная реальность, а методы, при помощи которых люди создают себе представления о ней, договоренность и согласие о ее смыслах и значениях³. Этим объясняется важность исследования политического дискурса,

¹ Матисон Д. Медиа-дискурс. Анализ медиа-текстов. Харьков, 2013. С. 103.

² Матисон Д. Медиа-дискурс ... С. 97.

³ Тернер Д. Структура социологической теории. М., 1985. С. 418-419.

который может иметь консолидирующую или деструктивную функцию в обществе.

Одна из форм феноменологической редукции – замещение явлений объективной действительности их субъективным смыслом или значением. Это – важный аспект анализа субъективных оценок угроз и рисков. Они могут быть как завышенными, так и заниженными. В информационном обществе люди всё более имеют дело с создаваемыми средствами массовой информации образами, которые влияют на модели поведения граждан, их взгляды и убеждения, а главное на жизненную картину социального мира индивида. Особенно высокая ответственность государства за выбор и реализацию стратегии в ситуации необходимости радикальных перемен связана с ценностно-идеологическим опустошением общественного сознания. Угрозы утраты национального самосознания, духовной и культурной самобытности равносильны угрозам прекращения исторического бытия самобытной цивилизации. Постсоветская информационно-духовная экспансия создала угрозу для идентификационной составляющей политической целостности России. В условиях открытых трансграничных информационных взаимодействий деструктивные механизмы быстро проникли и в массовое сознание¹. Ценностно-культурный раскол особенно опасен для социума.

Опасное погружение современного мирового сообщества в хаос непредсказуемости и неопределенности, проявляющийся в этнополитических, религиозных, миграционных, ценностно-культурных, торгово-экономических и финансовых конфликтах, в научной литературе получило название «гибридной войны»². Есть основания для утверждения того, что специфика этой войны определяется множеством факторов, из которых на первый план выступают региональные и информационные³. Непрерывно ведущаяся борьба за контроль над пространством особенно ярко

¹ Проблемы полиэтничного макрорегиона в условиях дестабилизации Каспийско-Черноморского зарубежья: материалы Всерос. науч. конф. Ростов н/Д, 2015. С. 86.

² «Гибридные войны» в хаотизирующемся мире XXI века. М., 2015.

³ Юрченко И.В., Юрченко Н.Н. Конфликтный потенциал социально-политического дискурса. Краснодар, 2016. С. 4.

проявляется в настоящее время: в процессе информационного противоборства и применения технологий экспорта нестабильности, информационно-психологического воздействия на массовое сознание. Рассматривая варианты смены политических режимов в геополитически и геоэкономически значимых для себя регионах, эти политические акторы делают ставку на недовольство предпринимателей, среднего класса, молодежи и так называемых «дискриминируемых этнических меньшинств». В этих целях применяются самые новые информационно-сетевые практики массированного охвата населения России и особенно Юга России, а также постсоветского пространства.

Таким образом, исходя из теоретического анализа проблем исследования развития человеческого потенциала, можно сделать следующие выводы.

В процессе исследования развития человеческого потенциала важно учитывать мотивационную составляющую, что указывает на необходимость внедрения в методику измерений не только регистрацию фактических эффектов деятельности, но и субъективных интенций, которые будут отражать «потенциальные возможности» человека.

С политической точки зрения понятие «человеческий потенциал» можно интерпретировать как объем кинетической энергии населения, направленный на реализацию базовых задач государственной политики в рамках целей устойчивого развития.

Основываясь на мировом опыте измерения показателей человеческого развития, эмпирическую интерпретацию и измерение уровня развития человеческого потенциала на российском и региональном уровне необходимо осуществлять в рамках концепции достижения целей устойчивого развития.

Объективные показатели человеческого потенциала должны учитывать уровень развития демократических институтов, устойчивость государственной системы и уровень распространения коррупции. Эффективность человеческого развития обеспечивается за счет политического поощрения демократии в сочетании с усилиями по формированию эффективно и стабильно функционирующих административных и властных структур с минимальным уровнем коррупции.

Современная эмпирическая интерпретация понятия «человеческий потенциал» должна строиться в русле синергетической парадигмы, предполагающей подробное исследование его структурных компонентов, системных связей между компонентами, что поможет решить задачу изучения специфики человеческого развития в полиэтничном макрорегионе за счет включения идеологической и этнокультурной компонент.

Исследование развития человеческого потенциала молодежи невозможно без учета инновационной составляющей, поскольку она является базовой доминантой развития данной когорты.

Медийные стратегии современного мира являются частью политических стратегий государственных институтов, политических партий, негосударственных акторов политического процесса, лидеров общественного мнения, лиц, принимающих решения, то есть всех тех, кто стремится к доминированию в языке и коммуникации с целью достижения властных позиций или удержания политической власти.

Важнейшим инструментом вмешательства во внутренние дела той или иной страны в XXI в. стали социальные сети, которые, в частности, следует рассматривать как когнитивную технологию, информационное и организационное оружие, направленные на дезорганизацию и дезориентацию той или иной социальной общности с целью ослабления целостности государства-мишени¹. Они превращаются в информационное оружие или в технологии «мягкой силы», формируя виртуальную или «цифровую» толпу, специфическое социально-политическое пространство эпохи Интернета.

¹ Юрченко И.В. Проблемы сетевого анализа этнополитических процессов в сфере публичной политики // V Столыпинские чтения. Публичная политика и социальные науки: материалы науч.-практ. конф. с междунар. участием. Краснодар, 2016. С. 173-174.

РАЗДЕЛ 4. КОНФЛИКТОГЕННЫЕ И ИНТЕГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В КРЫМУ И СЕВАСТОПОЛЕ¹

Аргументируя актуальность исследования, отметим следующие моменты. Приграничные регионы государств, особенно – полиэтничных и поликонфессиональных, развиваются в качестве перекрестного геополитического поля, на котором конкурируют «центры силы». Одновременно государства стремятся сохранить суверенитет и территориальную целостность, эффективно проводить этнополитику. Интеграция Крыма и Севастополя в российское общество и государство – это длительный процесс, для успеха которого важным аспектом являются позитивные межэтнические и межконфессиональные отношения в крымском сообществе. Интеграция обретает прочность, когда весомое большинство в социуме вырабатывает посредством повседневных практик близкие ценности и ориентации, установки политической культуры. Социокультурная интеграция в полиэтничных и многоконфессиональных регионах, к которым, несомненно, относится Крым, означает «единство в многообразии», а не унификацию. Пятилетний юбилей воссоединения Крыма с Россией – важная дата для осмысления задач и методов интеграционной политики.

Молодёжь является «группой риска», не обладая достаточным жизненным опытом и познаниями в области межэтнических отношений. В условиях воссоединения Крыма и России важно выявить движущие силы интеграции полиэтничного общества, а также дезинтеграционные факторы в этнической сфере. Молодёжь является группой, ещё не имеющей устойчивых практик позитивных межэтнических отношений и податливой к радикализму. Поэтому сравнение восприятий межэтнических отношений в общественном мнении молодёжи Краснодарского края и Республики Крым, измерение потенциала конфликтности, прогнозирование этнических процессов является актуальной научной задачей. Данный приграничный регион развивается в условиях информационной войны со стороны стран Запада и Украины, угроз терроризма и экстремизма. Но актуальная тема

¹ Данный раздел создан А.В. Барановым на основе ряда предшествующих статей и докладов.

исследована фрагментарно и неравномерно. Быстро изменяющиеся политические условия интеграции побуждают проводить социологические опросы часто и регулярно, что не всегда соблюдается.

Наибольшее внимание аналитиков вызывает оценка крымчанами политических преобразований¹, межэтнических и межрелигиозных взаимоотношений². Реже проводятся исследования уровня осведомлённости³ и мотиваций политического поведения⁴, особенностей общественного мнения важнейших этнических групп⁵. Достаточно редко проводятся массовые анкетные опросы⁶, преобладают исследования на основе

¹ Киселёва Н.В. Этнополитические процессы в Крыму: исторический опыт, современные проблемы и перспективы их решения / Н.В. Киселёва, А.В. Мальгин, В.П. Петров, А.А. Форманчук. Симферополь, 2015.

² Этническая и этнополитическая карта Крыма. Организация мониторинга и раннего предупреждения этнических и религиозных конфликтов / ред. В.Ю. Зорин, Р.А. Старченко, В.В. Степанов. М., 2017; Гарас Л.Н. Религиозный фактор в социально-политических процессах: крымское измерение // Политическая экспертиза. ПОЛИТЭКС. СПб., 2014. № 2. С. 199–214.

³ Межэтнические отношения и религиозная ситуация в Крымском федеральном округе. Экспертный доклад 2015 года / ред. В.А. Тишков, В.В. Степанов. М.: Симферополь, 2016.

⁴ Масеев С.В., Чигрин В.А. Роль и место политической социализации молодежи в формировании ее электоральной культуры // Ученые записки Крым. федерал. ун-та им. В.И. Вернадского. Социология. Педагогика. Психология. Симферополь, 2018. Т. 4 (70). № 2. С. 54–63.

⁵ Ладилова Е. 61% крымских татар поддерживают Владимира Путина. URL: <https://iz.ru/news/669021> (дата обращения: 12.07.2019); Макарова Г.И., Габдрахманова Г.Ф. Этнокультурная общность в дискурсе крымскотатарской молодежи и экспертов // Этнографическое обозрение. 2017. № 3. С. 138–153.

⁶ Примеры массовых опросов: Проект «Открытое мнение – Крым–2016». Краткий аналитический отчет по итогам исследования. Версия от 15.07.2016. М., 2016; Игорь Баринов: крымские татары не хотят переезжать на Украину. URL: <https://iz.ru/news/665752> (дата обращения: 12.07.2019); Почти 90% крымчан довольны своей жизнью – ВЦИОМ. 19.02.2018 г. URL: <http://www.c-inform.info/news/id/62091> (дата обращения: 12.07.2019).

методов глубинного интервью¹ и наблюдения². Быстро изменяющиеся политические условия интеграции побуждают проводить социологические опросы часто и регулярно, что не всегда соблюдается. В то же время, началась научная саморефлексия³ того, насколько объективны и репрезентативны проведённые исследования.

Социальная и политическая ситуация в Крыму изменяется быстро, и необходим постоянный мониторинг конфликтогенных и интеграционных факторов развития человеческого потенциала. Ряд аспектов темы – конкуренция идентичностей, состояние и перспективы украинского и крымскотатарского движений в регионе остаются малоизученными и дискуссионными.

Этнические группы трактуются нами как сообщества людей, сознательно конструируемые на основе культурных отличительных признаков (языка, дискурса, символов, исторических мифов и памяти, обычаев и др.). Следовательно, таксономия этнических групп и границы между ними, проявляющиеся в ориентациях и установках самосознания, подвижны и достаточно быстро могут быть изменены путём целенаправленных информационных кампаний, вследствие повседневных социальных практик.

Это подтверждается, в частности, значительным уменьшением численности украинцев в Крыму за 2001–2018 гг., зафиксированном переписями населения, а также социологическими опросами.

Соответственно, межэтнические и межконфессиональные отношения трактуются как сфера взаимодействий групп, обусловленная не только их общественным статусом, ресурсами

¹ Рожков А.Ю., Сабля А.А. Молодежь о социокультурной интеграции Крыма и Севастополя в состав Российской Федерации: оценки, мнения, перспективы // Учёные записки Крым. федерал. ун-та им. В.И. Вернадского. Социология. Педагогика. Психология. Симферополь, 2018. Т. 4 (70). Спецвып. № 2. С. 174–179.

² Кабицкий М.Е., Чубукова Д.Г. В Севастополе и Крыму. Год 2016 // Новые российские гуманитарные исследования. 2016. № 11. URL: <http://www.nrgumis.ru/articles/1995/> (дата обращения: 12.07.2019).

³ Савицкий И.В. Российская историография о вхождении Крыма в состав Российской Федерации в 2014 году // Учёные записки Петрозаводск. гос. ун-та. 2017. № 3 (164). С. 43–50.

влияния и структурой политических возможностей, но и стереотипами коллективного самосознания, повседневными социальными практиками, целенаправленной политикой этнических и конфессиональных элит, органов государственной власти и иных влиятельных акторов. На основе конструктивизма этнополитические отношения понимаются нами в качестве устойчивых практик взаимодействия субъектов политики, которые считают этническую самооценку смысловым ядром своей идентичности, наделяют политические явления и деятельность этническим смыслом, склонны распределять ресурсы политического влияния по этническому признаку. В условиях информационного общества этничность становится более изменчивой и виртуализируется вследствие коммуникационных технологий.

Применён субъектно-деятельностный подход, позволяющий исследовать межэтнические и межконфессиональные восприятия как следствие повседневных видов деятельности и практик общения молодых представителей народов. Учтено, например, что на момент опросов 2018 и 2019 гг. респонденты младше 19 лет не имели личного опыта сознательного участия в событиях воссоединения Крыма с Россией и, следовательно, их ориентации и установки поведения формируются во многом без учёта «дороссийского» контекста межэтнических взаимодействий. Проведено бинарное синхронное сравнение однопорядковых объектов (молодежь регионов России) с целью выявления сходств и различий, детерминант общественного мнения о межэтнических и межконфессиональных отношениях.

Многие приграничные регионы России (Крым, Юг России, Северный Кавказ, Дальний Восток, Калининградская область и др.) являются ареалами межцивилизационных и межконфессиональных контактов, конкуренции между государствами. Ресурсы влияния этнических групп (численность, компактность проживания, престижные профессиональные статусы, уровень образования, сплочённость и наличие организаций – «этнических лоббистов») стали конкурентными преимуществами в этнополитических отношениях.

Конкурирующие субъекты политики (элиты, политические партии, группы интересов и др.) используют межэтнические отношения для перераспределения власти и влияния в свою

пользу. Одним из важных аспектов конкуренции является борьба за определение иерархии идентичностей в полиэтническом обществе. Преобладание национальной (русской) идентичности, её отчётливая артикуляция в совокупности маркеров увеличивает легитимность государства и его политического курса. Преобладание региональных, этнических, конфессиональных идентичностей в условиях геополитических вызовов означает пагубную фрагментацию. Необходимо найти методы этнополитики, которые будут эффективными для укрепления русской идентичности, достижения созидательного баланса идентичностей и регулирования конфликтов.

Социальная интеграция интерпретирована в качестве системного включения индивидов и социальных групп разного рода (этнических и конфессиональных, классовых, профессиональных, гендерных, возрастных, территориальных и др.) в конвенциональные социокультурные отношения путём институционализации совместной деятельности с целью реализации сводимых интересов и потребностей. Социальная интеграция означает распространение и закрепление в качестве нормативных, одобряемых большинством граждан, практик и институтов, ценностей и ориентаций культуры. Социальная интеграция предполагает усиление влияния ценностного и институционального ядра общественной системы, равно как и ослабление и маргинализацию центробежных импульсов взаимодействий общественных субъектов.

Мы предполагаем, что воссоединение Крыма с Россией, в том числе, выражается в сближении ориентаций и установок общественного мнения по социально значимым проблемам, в формировании на региональном уровне близкой «повестки дня» восприятия межэтнических и межконфессиональных отношений. В то же время, продолжают действовать специфические для сравниваемых регионов факторы «обусловленного пути» развития межэтнических и межконфессиональных отношений, различаются меры государственной этнополитики, как и уровень доверия к ним. Русское, украинское и крымскотатарские этнические сообщества, православные и мусульмане, проявляют различную степень одобрения воссоединения Крыма с Россией, оценки состояния межэтнических отношений и степени их

конфликтности. Различается и соотношение идентичностей – российской национальной, крымской региональной, этнических, конфессиональных, локальных, демонстрируемых основными этническими сообществами в Крыму. Работающая молодёжь в большей мере, чем учащаяся, вовлекается в практики повседневных межэтнических и межконфессиональных отношений, а референтные агенты социализации данной группы могут транслировать как позитивные, так и негативные социальные установки действия.

Наряду с другими задачами, в процессе исследования требовалось определить тип межэтнических и конфессиональных отношений молодёжи в современной Республике Крым и г. Севастополе¹. Это предполагает определить межэтнические дистанции и стереотипы межэтнических восприятий, иерархию групповых идентичностей, установить стереотипы политизации этничности и уровень этнизации вопросов миграции. Необходимо также выявить сходства и различия этнической идентичности респондентов в Республике Крым и г. Севастополе.

Эмпирическая основа исследования включает в себя:

- материалы анкетных опросов, проведённых на Крымском полуострове ВЦИОМ, ФОМ, Центром Юрия Левады и другими социологическими службами, а также коллективом грантового проекта – сотрудниками Кубанского государственного университета под руководством И.В. Юрченко;

- материалы экономической и социальной статистики о Республике Крым (РК) и г. Севастополе, в том числе – переписей населения 2001 и 2014 гг.;

- нормативно-правовые акты Российской Федерации, Республики Крым и г. Севастополя;

- отчётные и экспертно-аналитические материалы органов государственной власти (Государственного комитета по делам межнациональных отношений и депортированных граждан Республики Крым);

¹ Авторы выражают глубокую благодарность за помощь в проведении социологических опросов д-ру социол. наук, проф. В.А. Чигрину и канд. филос. наук, доц. Л.Н. Гарас.

- отчётные и экспертно-аналитические материалы Общественной палаты Республики Крым, Общественной палаты г. Севастополя, общественных объединений народов Крыма;
- сообщения периодической печати.

Обоснование инструментария и процедур эмпирического исследования. Коллектив нашего грантового проекта провел пилотажный анкетный опрос (июнь – сентябрь 2017 г.) и две волны массового анкетного опроса в Республике Крым (РК) и г. Севастополе (август – сентябрь 2018 и май – июнь 2019 гг.), а также экспертный опрос (апрель – июнь 2019 г.). Инструментарий массового и анкетного опросов представлен в Приложениях А и Б данной монографии.

Пилотажный опрос студенческой молодёжи в городах Республики Крым проведён в октябре 2017 г. (выборка 90 чел., face to face, пропорциональная по полу и возрасту, этническому составу). В выборку вошли бакалавры и магистранты вузов, проживающие в г. Симферополе, Ялте, Бахчисарае и Белогорске. Одновременно по той же программе проводился пилотажный опрос в г. Севастополе (выборка 50 чел.). Программа социологического исследования скорректирована по итогам пилотажных опросов. Так, в программу исследования добавлен раздел об иерархии и сочетаемости идентичностей респондентов, а также о межэтнических и межконфессиональных дистанциях по шкале Е. Богардуса. Выборка респондентов, первоначально включавшая только студентов высших учебных заведений, была расширена за счет учащихся средних общеобразовательных и специальных учреждений, а также работающей молодёжи в возрасте 16–39 лет. Работающая молодёжь составила 43% общей численности опрошенных в 2018 г. в Крыму.

Массовые опросы проведены по пропорциональной этнической и гендерной выборке, в населённых пунктах различного размера (административные центры двух регионов, города среднего и малого размера, сельская местность). Выборка массовых опросов – 630 чел. (380 в Республике Крым (РК) и 250 в г. Севастополе), возраст 16–35 лет; работает и совмещает работу с учёбой 39,8%, только учится 57,9%, остальные ведут домашнее хозяйство либо безработные). Территориальное распределение выборки по типам населённых пунктов вызвано размещением студенческой молодёжи, в основном, в крупных городах.

В Республике Крым по 27,4% опрошенных живут в г. Симферополе и Керчи, 33,4% – в г. Евпатории, 7% – в г. Джанкое и Джанкойском районе. Симферополь – административный центр региона с многоотраслевой экономикой, привлекательный для получения образования и трудовой карьеры. Евпатория – типичный курортный город, Керчь – старопромышленный и экономически отстающий в развитии город. Джанкойский район отличителен приграничным расположением и повышенным удельным весом крымских татар в населении. Выбранные для исследования местные сообщества олицетворяют наиболее распространенные в Крыму.

Этнический состав респондентов в Республике Крым (по самооценке) включает в себя 62,7% русских, 14,2% крымских татар, 11,2% украинцев, по 0,75% – армян, болгар и евреев. Доля респондентов, не назвавших свою этничность, в Крыму значительно выше, чем в Краснодарском крае (9,7%), что объясняется распространением гибридных и неустойчивых идентичностей в условиях быстрых преобразований. В анкетах часто встречается этническая самооценка «крымчанин» (среди христиан и атеистов). Эти пропорции близки зафиксированным в переписи населения 2014 г. на Крымском полуострове¹. Религиозная самоидентификация опрошенных в Крыму такова: 61,9% – христиане различных конфессий (28,4% – православные и 32,1% – христиане без указания предпочтений, 1,4% – протестанты и католики), 12,7% – мусульмане, 6% – атеисты и 18,7% не указали свою конфессию. Распределение соответствует предыдущим опросам других исследователей².

Итак, на Крымском полуострове основными по численности этническими группами являются русские, украинцы и крымские татары, а конфессиональными сообществами – православные и мусульмане. Поэтому итоги опросов излагаются применительно к данным народам и конфессиям.

¹ Доклад об итогах федерального статистического наблюдения «Перепись населения в Крымском федеральном округе» со 100-процентным охватом населения. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/demo/perepis_krim/perepis_krim.html (дата обращения: 14.10.2018).

² Проект «Открытое мнение – Крым-2016». Краткий аналитический отчет по итогам исследования. Версия от 15.07.2016. М., 2016. С. 33.

Опросы проведены коллективом грантового проекта РФФИ под руководством И.В. Юрченко (Кубанский государственный университет), с участием Баранова А.В., Юрченко Н.Н. и Донцовой М.В. (КубГУ), а также В.А. Чигрина и Е.Г. Городецкой (Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского), Л.Н. Гарас (Севастопольский государственный университет). Результаты опроса даны по текущему архиву грантового проекта.

Факторы межэтнических и межконфессиональных отношений. Прежде всего, следует учитывать стадиальные различия в уровне экономического и социального развития Краснодарского края и Республики Крым, определяющие специфику формирования человеческого капитала молодёжи и, следовательно, «повестку дня» её общественного мнения. Краснодарский край занимает в рейтинге субъектов федерации по валовому региональному продукту на душу населения 36-е место в 2017 г., а Республика Крым – 79-е из 85 (здесь и далее – по официальным сведениям Госстата России)¹. По среднедушевым ежемесячным доходам Краснодарский край являлся 15-м в рейтинге, а Крым – 78-м². Важен и уровень социального неравенства. В 2016 г. к двум малообеспеченным 20-типроцентным группам населения в РК относились 19,8%, а в Краснодарском крае – 15,2%. Удельный вес населения с денежными доходами ниже прожиточного минимума составлял 22,2% в республике и 11,6% – в крае (2016 г.)³. Уровень безработицы по критериям Международной организации труда составлял в 2016 г. 7,5% занятого населения в РК и 6,2% в Краснодарском крае⁴.

Для обоих регионов значимым фактором этнического статуса является проживание народов преимущественно в городах либо сельских местностях, в курортной зоне (Черноморское побережье Краснодарского края, Южный берег Крыма), зернопроизводящих районах (степная часть Кубани, предгорный Крым) либо

¹ Регионы России. Социально-экономические показатели. 2017: Стат. сб. М., 2017. С. 538-544. URL: http://www.gks.ru/free_doc/doc_2017/region/regrok17.pdf (дата обращения: 10.10.2018).

² Там же. С. 31.

³ Там же. С. 272, 280.

⁴ Наши расчеты по: Там же. С. 114, 198.

малодоходных засушливых районах (северный Крым). Вопросы землевладения сохраняют центральную роль в дискурсе «прав коренных народов», для него характерны доводы давности проживания, автохтонности, «восстановления справедливости» (случай крымских татар)¹.

Крым всегда был полиэтничным и многоконфессиональным регионом в зоне контактов цивилизаций. Сложились устойчивые сообщества: русские, украинцы и крымские татары, контрастно представляющие своё политическое будущее. Взаимодействуют преобладающие русская, украинская и крымскотатарская идентичности. Важный фактор – взаимоусиление этнической и религиозной идентичности. По переписи 2001 г., русские составляли 60,2% совокупного населения Автономной Республики Крым и г. Севастополя, украинцы – 23,9%, крымские татары – 10,2%². 97,8% крымских татар, судя по опросу 2008 г., считали себя мусульманами, а 85,1% украинцев и 84,9% русских – православными³. Темпы религиозного возрождения в Крыму высоки. Если в 1990 г. Крым занимал среди регионов Украины 27-е (последнее) место по числу религиозных организаций, то в 2007 г. – 8-е⁴. Линии политической сегментации во многом совпадают с этническими и религиозными, что делает Крым многосоставным сообществом. Опрос, проведенный Украинским центром экономических и политических исследований им. А. Разумкова в феврале-марте 2011 г. (выборка 2020 чел.), показал, что 78,9% респондентов считали себя православными,

¹ Маковская Д.В. Этническое неравенство как фактор этнополитической конфликтности: крымский опыт // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. СПб., 2014. Т. 10, № 2. С. 215–230.

² Численность и состав населения Украины по итогам Всеукраинской переписи населения 2001 г. URL: <http://2001.ukrcensus.gov.ua/rus/results/general/nationality/> (дата обращения: 10.10.2018).

³ Кримський соціум: лінії поділу та перспективи консолідації: Аналітична доповідь Центру Разумкова // Національна безпека і оборона. Київ, 2009. № 5 (109). С. 4.

⁴ Сеть религиозных организаций АРК на 01.01.2007 г. URL: <http://www.com-relig.crimea.portal.gov.ua/rus/index.php?v=1&tck=0&l=&art=34> (дата обращения: 10.10.2018).

8,8% - мусульманами, по 5,2% назвали себя «просто христианами» или не отнесли себя ни к одному вероисповеданию¹.

Сложилась региональная идентичность крымчан. Её разделяют не только русские, но и многие украинцы, белорусы, евреи, греки, поволжские татары. Для них русские исторические символы и язык более привлекательны, чем навязывавшаяся украинская идентичность, имевшая этнократические коннотации.

Отметим весомые изменения баланса этнических идентичностей. В октябре 2014 г. состоялась перепись населения Республики Крым и г. Севастополя. По сообщению Росстата, в Крымском федеральном округе постоянно проживали 2284,8 тыс. чел., из них 96,2% указали свою этническую самооценку². Русские составляют 67,9% совокупного населения Республики Крым и г. Севастополя, указавших свою этничность, украинцы – 15,7%, крымские татары – 10,6%. Ещё 2,05% назвали себя татарами, что на порядок превышает уровень 2001 г. (0,57%). Не указали этничность 87,2 тыс. жителей Крыма (3,8%) – в 8 раз больше, чем в 2001 г. Этот уровень близок удельному весу жителей, не ставших гражданами РФ – 2,5%.

Многие украинцы и белорусы сделали выбор в пользу признания себя русскими. Это подтверждается тем, что при переписи 2014 г. назвали русский язык родным 84% жителей Крыма – больше, чем в 2001 г. (79,1%). Считают русский язык родным 79,7% украинцев в Крыму и 5,6% крымских татар³. Согласно итогам переписи 2014 г., «сравнительно низкий уровень владения языком, соответствующим национальности, у крымчаков (2,6%), караимов (4,9%), греков (25,5%) и немцев (22,8%). Сравнительно высокие показатели владения языком, соответствующим национальности, среди русских (99,9%), армян

¹ Ставлення жителів Криму до імовірних загроз та до питань, які мають значний конфліктний потенціал // Національна безпека і оборона. Київ, 2011. № 4–5 (122–123). С. 27–39.

² Росстат: большинство крымчан считают себя русскими. URL: <http://ria.ru/society/20150319/1053370183.html#14267873405313&message=resize&relto=register&action=addClass&value=registration> (дата обращения: 11.11.2018).

³ В Крыму живут представители 175 национальностей — предварительные итоги переписи. URL: <http://www.c-inform.info/news/id/20417> (дата обращения: 11.11.2018).

(45,6%), украинцев (44,6%), татар (39,9%) и болгар (по 39,5%). Среди крымских татар 38,7% населения указали владение крымскотатарским языком и 13,5% – татарским»¹.

Этнические дистанции между русскими и украинцами в Крыму на порядок меньше, чем между русскими и крымскими татарами. Так, опрос, проведенный Украинским Центром экономических и политических исследований имени А. Разумкова в феврале – марте 2011 г. (выборка 2020 чел.), доказал неравномерность межэтнических дистанций по шкале Э. Богардуса. Самым низким был уровень дистанции относительно крымских русских – 1,91 балл, по нарастающей – крымских украинцев (2,11), жителей Юга и Востока Украины – 2,89, граждан РФ – 3,11, жителей Центра Украины – 3,12. Наиболее высок уровень дистанции в отношении крымских татар – 3,97 балла, жителей Запада Украины – 4,54, турок – 5,60 и цыган – 6,02 балла. С сентября 2008 г. заметно снизилась дистанция в отношении татар и жителей Центра и Востока Украины, заметно возросла – в отношении жителей Запада Украины. Уровень дистанции между русскими и татарами (4,22 балла) почти не отличался от такового между украинцами и татарами (4,10)². Русское и украинское этнические сообщества в Крыму во многом малоразделимы, используя русский язык как основной в повседневном общении и публичной сфере.

Вместе с тем, Республика Крым и г. Севастополь, а также 25 муниципальных сообществ РК имеют качественно различную этническую структуру (табл. 2 и рисунок 2). Удельный вес русского населения прямо пропорционально связан с уровнем урбанизации, тогда как удельный вес крымских татар имеет обратно пропорциональную связь с процентом горожан в том или ином районе. Население РК составило 1889,4 тыс. чел., в том числе русских – 65,0%, украинцев – 16,0%, крымских татар – 12,6%, белорусов – 1,0% (в РК проживает 175 этнических групп).

¹ Итоги переписи населения в Республике Крым / пред. редкол. А.Е. Суринов. М., 2015. С. 119.

² Ставлення жителів Криму до імовірних загроз та до питань, які мають значний конфліктний потенціал // Національна безпека і оборона. Київ, 2011. № 4–5 (122–123). С. 29.

Население г. Севастополя - 395,0 тыс. чел., из них русских – 81,0%, украинцев – 14,2%, белорусов – 1,0%, крымских татар – 0,7%¹.

Русское этническое (по самооценке) сообщество составляет наибольший удельный вес в населении г. Керчи (87,3%), Севастополя (81,0%), Феодосии (79,7%), Ялты (74,0%), Евпатории (73,7%), Симферополя (72,4%), а наименьший – в Красноперекопском районе (41,3%), Первомайском (45,7%), Джанкойском (46,1%), Раздольненском (49,8%), Кировском (51,9%), Сакском (52,2%), Белогорском (52,6%), Симферопольском сельском (56,1%) районах².

Украинское (по самооценке) население Крыма в наибольшей мере размещается в Красноперекопском сельском районе – 32,5%, г. Красноперекопске – 30,5%, Раздольненском районе – 30,3%, г. Армянске – 29,5%, Первомайском районе – 28,6%, Джанкойском районе – 23,5%, Сакском районе – 21,5%, Нижнегорском районе – 19,6%, г. Ялте – 19,3%. В наименьшей степени украинцы проживают в г. Керчи – 8,5% и Белогорском районе – 10,1%³.

Среди муниципальных образований с наибольшим удельным весом крымских татар и татар (суммированы) выделяются Белогорский район (34,3% населения), Кировский (33,2%), Советский (28,6%), Бахчисарайский (27,6%), Джанкойский (26,1%), Симферопольский сельский (25,3%) районы и г. Судак (24,7%). Прирост удельного веса крымских татар идёт в 21 из 25 муниципальных образованиях республики, наиболее быстро – в престижных г. Ялта, Симферополь, Судак⁴. Численность крымских татар и география их расселения в сравнении переписей 2001 и 2014 гг. не претерпели серьёзных изменений. Прирост численности крымских татар соответствует показателям естественного и механического движения населения в регионе. Это доказывает отсутствие выраженной эмиграции крымских татар с полуострова.

Таким образом, русское население сосредоточено в больших и средних городах, а для украинцев и крымских татар характерно

¹ Итоги переписи населения в Республике Крым / пред. редкол. А.Е. Суринов. М., 2015. С. 121–134.

² Там же. С. 135–142.

³ Итоги переписи населения в Республике Крым ... С. 135–142.

⁴ Там же.

проживание в сельской местности и малых городах. Среди постоянного русского населения Республики Крым горожане составляют 64,2%, среди украинского – 50,3%, а среди крымскотатарского – 26,2%¹. Этот фактор вносит вклад в локальное многообразие этнополитических и конфессиональных процессов на полуострове, служа триггером конкуренции в этностатусном пространстве.

Таблица 2

Этнический состав территориальных образований Крымского полуострова по переписям населения 2001 и 2014 гг.
(в проц. от населения)

Территориальное образование	Русские		Украинцы		Крымские татары ²	
	2001 г.	2014 г.	2001 г.	2014 г.	2001 г.	2014 г.
Бахчисарайский район	54,3	56,5	19,6	12,9	21,3	27,6
Белогорский район	49,2	52,6	16,2	10,1	29,2	34,3
Джанкойский район	38,9	46,1	33,8	23,5	21,6	26,1
Кировский район	50,5	51,9	17,6	10,7	25,5	33,2
Красногвардейский район	48,7	54,3	27,3	19,0	16,7	21,7
Красноперекопский район	33,2	41,3	43,4	32,5	17,2	21,5
Ленинский район	54,8	64,0	15,5	15,2	29,2	17,2
Нижнегорский район	50,4	56,6	16,0	19,6	28,8	20,2
Первомайский район	35,1	45,7	37,9	28,6	21,5	22,2
Раздольненский район	41,1	49,8	40,1	30,3	13,3	16,2
Сакский район	45,2	52,2	31,5	21,5	17,5	21,8
Симферопольский район	49,4	56,1	23,5	15,0	22,2	25,3
Советский район	48,5	53,5	22,1	13,5	22,2	28,6

¹ Итоги переписи населения в Республике Крым / пред. редкол. А.Е. Суринов. М., 2015. С. 121–134.

² Суммированы «крымские татары» и «татары» по самооценке.

Черноморский район	52,8	63,1	23,0	18,9	12,7	14,8
г. Алушта	67,1	72,8	23,0	16,5	5,9	7,0
г. Армянск	55,7	61,4	36,2	29,5	3,5	4,5
г. Джанкой	59,8	68,0	25,9	16,9	8,1	9,6
г. Евпатория	64,9	73,7	23,3	14,8	6,9	7,4
г. Керчь	78,7	87,3	15,4	8,5	1,9	1,8
г. Красноперекоск	51,0	60,5	40,9	30,5	3,0	4,5
г. Саки	65,1	72,2	24,3	16,6	5,8	7,4
г. Симферополь	66,7	72,4	21,3	13,1	7,0	9,9
г. Судак	59,2	59,9	17,6	12,4	17,4	24,7
г. Феодосия	72,2	79,7	18,8	12,3	4,6	4,3
г. Ялта	65,6	74,0	27,6	19,3	1,3	2,6
Республика Крым	58,3	65,0	24,3	16,0	12,0	12,6
г. Севастополь	71,6	81,0	22,4	14,2	0,5	0,7
Крымский полуостров	60,3	67,9	24,0	15,7	10,2	12,7

Источники: Этносостав населения районов и горсоветов АР Крым и Севастополя. URL: http://krumology.info/index.php/Население_Крыма (дата обращения: 12.11.2018); Итоги переписи населения в Крымском федеральном округе / Федеральная служба государственной статистики. М.: ИИЦ «Статистика России», 2015. С. 135–141.

Молодёжь является достаточно массовой социально-демографической группой в сравниваемых регионах. По данным территориального органа Федеральной службы государственной статистики, в Республике Крым к началу 2014 г. удельный вес лиц от 14 до 30 лет насчитывал 22% постоянных жителей, из них получали очное образование 27% молодёжи¹. В г. Севастополе на конец 2014 г. молодёжь насчитывала 21% населения². Молодёжи труднее, чем лицам среднего возраста, найти работу. По данным

¹ Государственная программа Республики Крым «Молодежь Крыма» на 2015–2017 годы. URL: http://krbm.ru/wp-content/uploads/2016/02/Postanovlenie_ob_utverzhdenii_Gosudarstvennoy_programmy_Respubliki_Krym_Molodezh_Kryma_na_2015-2017_gody.pdf (дата обращения: 11.11.2018).

² Государственная программа «Молодежь Севастополя» на 2015–2020 годы. URL: <http://docs.cntd.ru/document/430654449> (дата обращения: 11.11.2018).

Госстата РФ, на 2016 г. в Республике Крым лица в возрасте 15–29 лет составляли 29,0% безработных, а в г. Севастополе – 32,6%¹. С учётом этнических и конфессиональных различий уровня рождаемости можно предположить, что проблема безработицы более остро может восприниматься молодыми представителями народов и конфессий с повышенным уровнем рождаемости – крымских татар, мусульман.

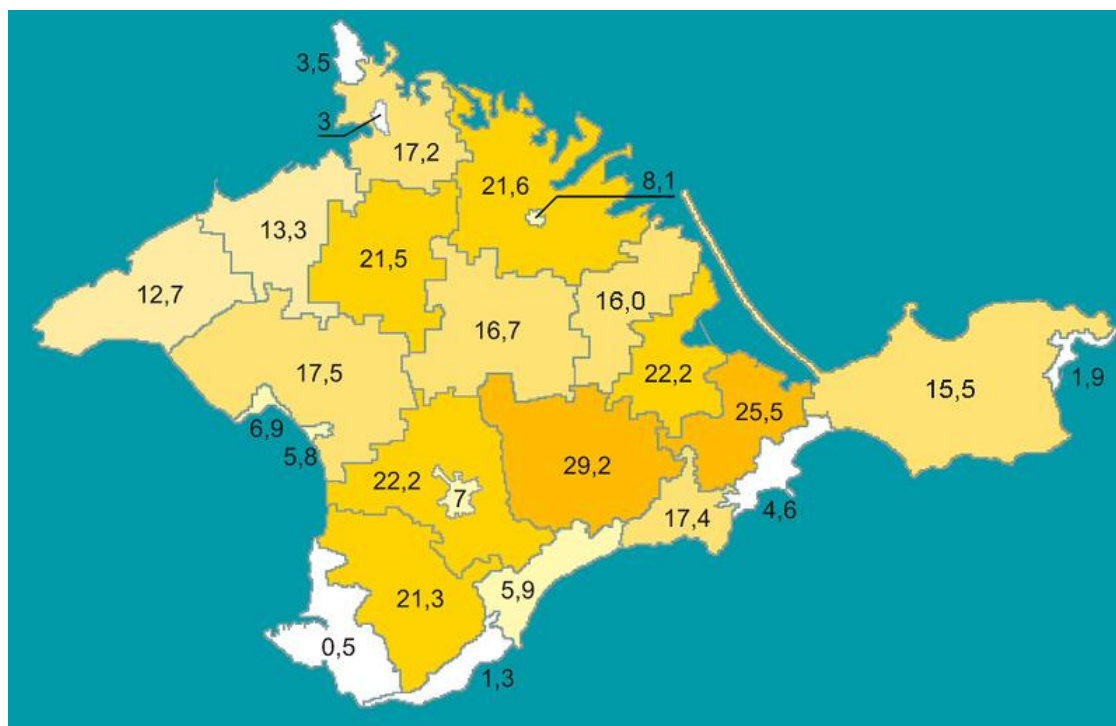

Рисунок 2 – География расселения крымских татар в Республике Крым в 2001 г. (в проц. от всего населения)²

Интерпретация результатов пилотажного опроса 2017 г. Межэтнические отношения оцениваются нами по таким индикаторам, как уровень субъективно ощущаемой безопасности, частота межэтнических коммуникаций, существующие у этнических групп взаимные стереотипы восприятия, уровень

¹ Регионы России. Социально-экономические показатели. 2017: Стат. сб. М.: Росстат, 2017. С. 202. URL: http://www.gks.ru/free_doc/doc_2017/region/reg-rok17.pdf (дата обращения: 10.10.2018).

² Источник: Численность и состав населения Украины по итогам Всеукраинской переписи населения 2001 г. URL: <http://2001.ukrcensus.gov.ua/rus/results/general/nationality/> (дата обращения: 12.11.2018).

межгрупповой конфликтности / согласия, дистанции, иерархия идентичностей.

Субъективно воспринимаемый характер межэтнических отношений связан с общей оценкой респондентами уровня безопасности в Севастополе и Крыму. Считают, что г. Севастополь можно назвать стабильным регионом, 40% опрошенных молодых людей, а называют город нестабильным 36%. Чувствуют себя защищёнными в аспекте финансовой безопасности 32% опрошенных в Севастополе и 28,2% – в Республике Крым. Ощущают себя в имущественной безопасности 58% в городе и 45,9% – в республике, в физической безопасности – 64% в Севастополе и 51,8% в РК, а в правовой безопасности – только 28% в городе и 24,7% респондентов в республике¹. Иерархия уровней субъективного восприятия безопасности в городе и республике одинакова. В наибольшей мере молодые крымчане ощущают физическую и имущественную безопасность, а в наименьшей мере – правовую и финансовую.

Доверяют в большей мере российской государственной власти, чем оппозиции, 38% респондентов в Севастополе и 29,4% в Республике Крым. Преобладает нейтральное отношение – 58% в городе и 65,9% в республике. Скорее, оппозиции, чем действующей власти доверяют 4% севастопольских респондентов и 4,7% опрошенных в РК². Иерархия общественных институтов в восприятии опрошенных молодых крымчан своеобразна. Рейтинг доверия Вооружённым Силам составляет 71%, Президенту Российской Федерации и органам государственной безопасности – превышает 60%. В то же время, снижен уровень доверия региональным и муниципальным институтам, за исключением Главы Республики Крым и Правительства региона. Наиболее тревожит низкое доверие крымчан СМИ и политическим партиям.

Допускали возможность личного участия в массовых акциях протеста против сокращения уровня жизни, несправедливых действий органов власти, в защиту своих прав 10% опрошенных

¹ Баранов А.В., Донцова М.В., Чигрин В.А. Межэтнические отношения в Краснодарском крае и Республике Крым в зеркале общественного мнения молодёжи: сравнительный анализ // Общество: социология, психология, педагогика. Краснодар, 2017. № 11. С. 11.

² Там же. С. 11–12.

нами при пилотаже в г. Севастополе и 35,4% в Республике Крым, а не допускают такой возможности 62% в городе и 54% – в республике¹. Важно, что различий установок протестной активности по этническим подвыборкам нет ни в городе, ни в республике. Эти данные близки уровню протестного потенциала населения Республики Крым, выявленного при массовом опросе Фонда «Общественное мнение» (ноябрь 2016 г., выборка 1783 чел. всех возрастов старше 18 лет). Допускали возможность личного участия в каких-либо акциях протеста 19% опрошенных ФОМ крымчан².

Декларируемая степень значимости этнической принадлежности человека в повседневном общении опрошенных умеренна. Считают этничность значимой (ответ «Скорее, да») 16% респондентов в Севастополе (для сравнения – в Республике Крым 21,2%), не считают (ответ «Скорее, нет») – 74% в городе (в РК – 70,6%), затруднились ответить 10% в Севастополе и 8,2% в РК. В ситуациях, требующих доверия и риска (совместное дело, финансовые операции, лечение близких), значение этнической принадлежности человека повышается до 18% в Севастополе (в РК – до 29,4%)³. Эти пропорции мало различаются по этническим подвыборкам. Следует учесть, что 20% опрошенных не указали свою этническую самооценку либо сформулировали её неопределённо: «славянка», «россиянин» и т.д.

Характер межэтнических отношений в г. Севастополе положительно оценивается большинством респондентов (44%) как «доброжелательность, мирное сосуществование» (почти не отличается от мнения студентов в РК – 43,5%) либо «терпимость» (26% в Севастополе и 30,6% в РК), «доверие» (10% ответов в Севастополе и 7,1% в РК). Напряжёнными межэтнические отношения сочли 20% опрошенных в Севастополе и 17,6% в республике, а конфликтными – никто в Севастополе и 1,2% в РК⁴.

¹ Там же. С. 12.

² Опрос в Крыму: ситуация и протестные настроения в регионе. URL: <http://fom.ru/Nastroeniya/13113> (дата обращения: 06.11.2019).

³ Баранов А.В., Донцова М.В., Чигрин В.А. Межэтнические отношения в Краснодарском крае и Республике Крым в зеркале общественного мнения молодёжи: сравнительный анализ // Общество: социология, психология, педагогика. Краснодар, 2017. № 11. С. 12–13.

⁴ Там же.

Общая оценка межэтнических отношений опрошенными молодыми крымчанами умеренно позитивна. Считают, что реальными препятствиями для достижения личных целей может стать их этничность либо конфессия, только 6% респондентов. Вместе с тем, указали на личный опыт оскорблений/конфликтов на почве национальной, религиозной нетерпимости 22,4% всех опрошенных (в том числе 52,6% опрошенных крымских татар); считают, что они пережили случаи дискриминации по половому, возрастному, религиозному, национальному признаку 7,5% всех опрошенных (9% крымских татар); бытовые конфликты с представителями других народов – 10,4% всех опрошенных (столько же – крымских татар); указали на то, что им пришлось вынужденно покинуть свой дом, 5,2% всех респондентов (10,5% из числа опрошенных крымских татар). При ограниченности итогов пилотажного опроса они подтверждают повышенную виктимность общественного мнения крымских татар в сравнении с другими этническими группами Крыма.

Вероятность реальных межэтнических столкновений в г. Севастополе оценивается респондентами в среднем на 29,6 баллов из 100 максимальных (опрошенные в Республике Крым дали оценку 36 баллов). В крымскотатарской подвыборке эта оценка возрастает до 47,8 баллов, а в русской снижена до 27,9 баллов¹. Оценка вероятности реальных межэтнических столкновений более высока среди студентов технических направлений подготовки в г. Севастополе (32,3 балла в сравнении с 26,8 в подвыборке студентов-гуманитариев).

Будущее межэтнических отношений в городе воспринимаются опрошенными студентами противоречиво. Считают, что через 5 лет характер межэтнических отношений, «скорее, улучшится», 28% респондентов в г. Севастополе и 10,6% – в республике; «не изменится» - 40% в Севастополе и 32,9% в РК; «скорее, ухудшится» – 8% в городе и 18,8% в республике; затруднились с ответом 24% в Севастополе и 37,7% в Республике Крым. Ввиду малого числа украинцев и крымских татар в севастопольской выборке их ответы не репрезентативны. Но характерно, что опрошенные в Республике Крым студенты–

¹ Баранов А.В., Донцова М.В., Чигрин В.А. Межэтнические отношения ... С. 13.

украинцы предпочли ответы о неизменности межэтнических отношений в регионе либо уклонились от ответа. В подвыборке опрошенных крымских татар считали, что межэтнические отношения «скорее улучшатся» – 6,7%, «никак не изменятся» – 26,7%, «скорее ухудшатся» – 20%, а затруднились с ответом – 46,6%¹. Итак, риски негативного восприятия межэтнических отношений проявились в наибольшей мере среди опрошенных крымских татар.

Восприятие проблемы миграции молодёжью Крыма более позитивное, чем в Краснодарском крае, что связано с меньшим миграционным притоком. За январь – сентябрь 2017 г. в Республике Крым коэффициент миграционного прироста составил 41,5 на 10 000 постоянных жителей, то есть в 2 раза меньше, чем в Краснодарском крае². Более половины молодых респондентов в Краснодарском крае (53%) считает в 2017 г., что необходимо ограничить приток мигрантов в край и 46,3% выступают за ужесточение миграционного законодательства. Зависимость между субъективным восприятием безопасности и миграции такова: молодые кубанцы, ощущающие себя незащищёнными, чаще других выступают за стратегию ограничения притока мигрантов, особенно – за ужесточение миграционного законодательства.

Студенты г. Севастополя и Республики Крым скептически оценивают наличие трудовой конкуренции между постоянными жителями и мигрантами в своём регионе. Считает в Крыму, что проблема трудовой конкуренции между старожилами и новосёлами существует, 19,4% опрошенных молодых работников, а считают эту проблему надуманной 40,3%. Полагают, что миграция полезна для экономического развития республики, 18,7%, а что она вредна – 13,4%. Признают конкуренцию «скорее, реальной проблемой» 26% опрошенных студентов в Севастополе и 28,2% – в РК. Считают её «скорее, надуманной проблемой» 40%

¹ Баранов А.В., Донцова М.В., Чигрин В.А. Межэтнические отношения ... С. 12-13.

² Оперативные данные по миграционному движению населения Республики Крым. URL: http://crimea.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/crimea/resources/d49daf00478c3da6aafafa6923df9336/МН+на+ВЭБ+сайт_+09+2018.pdf (дата обращения: 16.11.2018).

в Севастополе и 35,3% – в республике. Уклонились от ответа 34% в городе и 36,5% – в республике. Большинство молодых крымчан не ориентируется в вопросе, видимо, из-за относительно слабого развития издержек миграции. Но и пилотажный опрос 2017 г., и массовый опрос 2018 г. отчётливо подтвердили более негативную оценку миграции крымскими татарами и украинцами. Считают, что надо ограничить миграцию в Крым, 48,5% всех молодых респондентов в республике. За привлечение мигрантов на полуостров, напротив, выступают 44,0% всех опрошенных молодых крымчан. Но в подвыборке крымских татар, опрошенных в РК, степень признания трудовой конкуренции с мигрантами достигает 33,3%, а в подвыборке украинцев – 44,4%¹. Модальность восприятия миграции зависит от этнической самооценки.

В то же время, в подвыборке студентов Севастопольского государственного университета мнения разделились поровну в оценке предпочтительной стратегии миграционной политики – нацеленной на привлечение переселенцев или на ограничение их притока. Полагают, что мигранты «скорее, способствуют развитию региона» 24% респондентов, а 20% – напротив, считают, что мигранты «скорее, препятствуют его развитию». Такие распределения оценок делают необходимой просветительскую работу органов власти, учреждений образования и СМИ, коммерческих структур, приглашающих трудовых мигрантов.

В поликультурных регионах крайне важным показателем состояния межэтнических и межконфессиональных отношений выступает межэтническая приемлемость. Она выявляет степень доверия между этническими группами. Показателем данной приемлемости можно считать шкалу социальной дистанции. Уровень межэтнической дистанции по шкале Э. Богардуса составил: в отношении русских 2,08 балла из 9 возможных; украинцев – 2,30; крымских татар – 3,53; армян – 4,23. Дистанция повышалась в подвыборке молодёжи приграничного и экономически бедственного г. Джанкоя. Высокая дистанция в отношении армян, вероятно, вызвана их малочисленностью и занимаемой социально-профессиональной нишей. Уровень межконфессиональных дистанций составил в отношении

¹ Баранов А.В., Донцова М.В., Чигрин В.А. Межэтнические отношения ... С. 12-13.

христиан всех конфессий 2,64 балла, а мусульман – 3,70. Восприятие христианских конфессий в Крыму несколько положительнее, чем на Кубани, а ислама – умеренно отрицательнее, то есть, взаимное дистанцирование двух идентификационных групп выражено более отчетливо.

Частота встречаемости установки абсолютной близости («Готов принять как члена моей семьи») составила: 56,9% в отношении русских, 46,2% – украинцев, 26,2% – крымских татар, 16,9% – армян. В отношении христиан установка абсолютной близости на уровне 34,6%, а мусульман – 24,6%. Итак, выявлен достаточно значительный потенциал межэтнической и межконфессиональной терпимости молодёжи в Крыму.

Частота встречаемости установки абсолютной неприемлемости («Я не хотел бы видеть их в моей стране») составила в отношении крымских украинцев 0,8%, русских – 1,5%, армян – 6,2%, крымских татар – 7,7%. В отношении основных конфессий установка абсолютной неприемлемости составила 3,8% для христиан и 8,5% для мусульман. Таким образом, подтвердилась зафиксированная в предшествующих опросах ВЦИОМ, ФОМ и Фонда «Общественное мнение» (2015–2016 гг.) и пилотажном опросе 2017 г. асимметрия межэтнических и межконфессиональных дистанций, при которой русские и украинцы в Крыму близки, а крымские татары отчетливо воспринимаются как «иная» этническая и конфессиональная общность, чем консолидированное большинство крымчан.

Для Крыма специфична также повышенная роль конфессий как маркера групповой идентичности молодёжи. Увы, мы не имеем доказательных сведений о соотношении влияния православной, протестантских и католической идентичностей внутри подвыборки молодых крымчан, определившей себя как христиан. Можно предположить, что в Крыму влияние протестантских конфессий повышено, а это – интересный сюжет для последующих исследований.

Восприятие установок межэтнических и межконфессиональных отношений во многом производно от ориентаций самосознания, от того, насколько единым или фрагментированным молодые респонденты считают своё региональное сообщество, какие виды идентичностей для них субъективно более значимы. Соответствующий вопрос задавался

в формулировке: «Кем Вы себя ощущаете в наибольшей степени? (выберите один ответ, который лучше всего характеризует Ваше самоощущение, при необходимости конкретизируйте Ваш ответ)». Молодые респонденты на Кубани однозначно предпочли национальную идентичность (россиянин – гражданин России) – 34% ответов; на втором месте по распространённости – глобальная идентичность – 28,2%; на третьем – этническая 10,5%, на четвёртом – региональная (8,8%), на пятом – макрорегиональная (житель Юга России) – 7,5%, на шестом – локально-территориальная (житель населённого пункта) – 5,4% и на седьмом – конфессиональная (2,7%). В Республике Крым иерархия идентичностей своеобразна. На первое место вышла региональная самооценка себя как крымчан – 26,9% ответов; на второе – глобальная (житель Земли, человек мира, представитель человечества) – 20,1%, на третье – российская гражданская (17,9%), на четвертое – этническая (14,2%), на пятое – конфессиональная (6,7%), на шестое – локальная (5,2%) и на последнем месте – макрорегиональная южнороссийская идентичность (4,5% ответов).

Столь контрастное состояние ансамбля идентичностей молодёжи в сравниваемых регионах свидетельствует о слабости политики, формирующей российскую гражданскую идентичность в Республике Крым, а также о необходимости кардинального повышения её эффективности. Косвенно об этом же говорит крайне низкое доверие молодёжи Крыма к СМИ, политическим партиям и местному самоуправлению, то есть к институтам, призванным непосредственно контактировать с населением, зафиксированное в нашем пилотажном опросе.

Интерпретация результатов массовых опросов 2018 и 2019 гг. Выборка респондентов, первоначально включавшая только студентов высших учебных заведений, была расширена за счет учащихся средних общеобразовательных и специальных учреждений, а также работающей молодёжи в возрасте 16–39 лет.

Молодые крымчане считают себя защищёнными финансово на 1,39 баллов по 3-балльной шкале; имущественно – 1,67; физически – 1,76; в области своих прав – 1,54. Снижен только уровень информационной безопасности (1,11 балла в сравнении с 1,28). Самое скептическое восприятие безопасности – у молодёжи

г. Симферополя, более оптимистичное – на остальной территории РК.

Отношение молодых респондентов к воссоединению Крыма с Россией значительно более позитивное, чем негативное, а резких колебаний уровня поддержки в сравнении трех регионов нет (см. табл. 3). С различной степенью категоричности поддержали воссоединение 66,2% опрошенных молодых крымчан и 80,0% севастопольцев, а также 77,3% жителей Краснодарского края. Поддержка реинтеграции с Россией в Севастополе повышается за счёт подгрупп респондентов, проявляющих умеренное одобрение данного процесса. Показательно, что в Севастополе ниже процент затруднившихся ответить и равнодушных (суммарно 12,0% в сравнении с 17,4% в РК). С различной степенью радикальности осудили воссоединение 16,2% респондентов в республике, 7,7% в Краснодарском крае и 8,0% в Севастополе.

Результаты более раннего массового опроса, организованного Независимым содружеством социологов «Открытое мнение» (апрель – июнь 2016 г., выборка 1101 чел. старше 18 лет всех поколений) показали: воссоединение поддерживали 96% русских, 84% украинцев и 46% крымских татар (ещё 36% крымских татар уклонились от отчётливых вариантов ответа)¹.

В то же время, поддержка воссоединения нуждается в постоянной аргументации, экономической, социальной и культурной, информационной «подпитке», чтобы увеличить слой респондентов, выражающих полную и безоговорочную поддержку данного процесса.

Готовность участвовать в разрешённых протестных акциях сравнительно невысока (ответ «Определённо, да» – 8,5% в РК и 3,6% в Севастополе; ответ «Скорее, да» – 20,4% в РК и 24,8% в Севастополе). Она ниже, чем в Краснодарском крае (где ответили «Определённо, да» 11,3%). При этом протестная готовность опрошенной молодёжи в Симферополе несколько выше, чем в Севастополе: «Определённо, да» – соответственно, 6,1 и 3,6%.

¹ Проект «Открытое мнение – Крым-2016». Краткий аналитический отчет по итогам исследования. Версия от 15.07.2016. М., 2016. С. 40-41.

Таблица 3

Отношение молодежи к вхождению Крыма в состав России
(в проц. от ответивших)

Варианты ответа	Регион		
	Краснодарский край	Республика Крым	г. Севастополь
	%	%	%
Однозначно положительно, полностью поддерживаю этот шаг	33,3	31,5	33,2
Положительно	25,3	21,7	30,4
Скорее положительно	18,7	13,0	16,4
Мне все равно	13,9	12,0	8,8
Скорее отрицательно	4,0	5,4	4,8
Отрицательно	2,2	4,3	1,2
Крайне отрицательно, считаю этот шаг большой ошибкой	1,5	6,5	2,0
Затрудняюсь ответить	1,1	5,4	3,2

Частота межэтнических контактов оценивается как «постоянная» 38,7% респондентами в РК и 19,2% в Севастополе; «регулярная и частая» – 25,1 и 17,6%. Считают, что почти не общаются с другими народами, 5,9% в РК и 9,6% в Севастополе; «стараятся избегать контактов» – 2,4 и 4,8% (табл. 4).

Таблица 4

Частота контактов с людьми иной национальности
(в проц. от ответивших)

Варианты ответа	Регион		
	Краснодарский край	Республика Крым	г. Севастополь
	%	%	%
Постоянно	30,9	38,7	19,2
Регулярно и часто	27,1	25,1	17,6
Не регулярно, но довольно часто	24,5	19,5	32,8
Редко и нерегулярно	12,5	8,5	16,0
Почти не контактирую	3,5	5,9	9,6

Стараюсь избегать таких контактов	1,6	2,4	4,8
-----------------------------------	-----	-----	-----

Частота межрелигиозных контактов несколько ниже (см. табл. 5). Считают, что они постоянно контактируют с людьми иной веры, 33,7% молодых респондентов в РК и 16,5% в Севастополе; регулярно и часто контактируют 25,3% в РК и 17,3% в Севастополе; нерегулярно, но довольно часто – 21,6% и 20,1%. В то же время, считают свои межконфессиональные контакты редкими и нерегулярными 11,1% опрошенных в республике и 23,7% в городе. Почти не контактируют, по самооценке, 6,2 и 15,7%. Стараются избегать контактов с представителями других вероисповеданий 2,2% респондентов в РК и 6,8% в Севастополе. И в этом аспекте Краснодарский край и г. Севастополь имеют близкие распределения вариантов ответов, а Республика Крым резко выделяется повышенной частотой признаваемых межрелигиозных контактов.

Таблица 5

Частота контактов с людьми иной веры (в проц. от ответивших)

Варианты ответа	Регион		
	Краснодарский край	Республика Крым	г. Севастополь
	%	%	%
Постоянно	19,5	33,7	16,5
Регулярно и часто	15,7	25,3	17,3
Не регулярно, но довольно часто	27,0	21,6	20,1
Редко и нерегулярно	22,1	11,1	23,7
Почти не контактирую	13,1	6,2	15,7
Стараюсь избегать таких контактов	2,7	2,2	6,8

Интерес представляет степень значимости этнических и конфессиональных вопросов как таковых для крымской молодёжи (см. табл. 6). Установлена близость размеров двух подгрупп респондентов: которые ориентированы на традиционализм и

этноконфессиональную «интравертность», а также открытых к межгрупповым контактам и обмену ценностями. Так, ответ «Я живу по традициям, моральным нормам, ценностям, которые приняты у моего народа» набрал в выборке РК и Севастополя 1,58 балла из максимальных 3; «Я намерен(а) воспитывать своих детей в традициях своего народа / своей веры» – соответственно, 1,69 и 1,55; «Я – верующий человек и живу по традициям своей веры, исповедую мораль и ценности своей веры» – 1,23 и 1,08 балла. «Экстравертная» подгруппа характеризуется ответами: «Я стремлюсь понимать и изучать культуру и традиции других народов, кроме своей собственной» – 1,30 балла в РК и 1,25 в Севастополе; «Я стремлюсь понимать и изучать различные религии, кроме своей собственной» – соответственно, 1,00 и 0,68 балла.

Таблица 6

Средние показатели ответов на вопрос: «Укажите, какие из перечисленных утверждений соответствуют Вашим внутренним установкам, характеризуют Вас как личность? (шкала от 0 до 3)

Установки	Краснодарский край		Республика Крым		Севастополь	
	Среднее	Ст. отклон.	Среднее	Ст. отклон.	Среднее	Ст. отклон.
Я живу по традициям, моральным нормам, ценностям, которые приняты у моего народа	1,78	0,94	1,58	0,97	1,59	0,90
Я – верующий человек и живу по традициям своей веры, исповедую мораль и ценности своей веры	1,46	1,05	1,23	0,97	1,08	0,94
Я стремлюсь понимать и изучать культуру и традиции других народов, кроме своей собственной	1,54	1,01	1,30	0,95	1,25	0,98
Я стремлюсь понимать и изучать различные религии, кроме своей собственной	1,33	1,08	1,00	1,01	0,68	0,81
Я намерен(а) воспитывать своих детей в традициях своего народа / своей веры	1,76	1,02	1,69	1,10	1,55	1,03
Я стремлюсь собрать вокруг себя единомышленников, близких по духу людей, со схожими взглядами, целями	2,02	0,91	1,85	1,03	1,90	1,04
Я полностью свободен в своем выборе, в том, что я делаю в жизни	1,98	0,85	2,08	0,87	2,22	1,02

Я удовлетворен своим уровнем жизни, тем, что я могу купить и сделать	1,59	0,92	1,60	0,94	1,54	0,89
Для достижения важной цели я готов(а) пожертвовать всем, что у меня есть	1,35	0,93	1,47	0,95	1,35	0,97
Я готов пойти на многое, лишь бы что-то изменить в нашей стране к лучшему	1,52	0,89	1,37	0,95	1,40	0,91
Я точно знаю, чем хочу заниматься, чего хочу добиться, кем хочу стать	1,93	0,91	1,97	0,91	1,83	0,93
У меня есть устойчивые взгляды, четкая гражданская позиция и я готов(а) их отстаивать невзирая ни на что	1,91	0,86	1,82	0,90	1,77	0,90

Выявлен достаточно весомый потенциал межэтнической терпимости молодёжи. Среди опрошенных (лето 2018 и весна 2019 гг.) в РК 41,3% полагают, что крымские татары не конфликтуют с другими народами, 59,7% – что они знают и уважают российские законы, 66,5% – что они уважают языки, традиции и культуру других народов, 59,5% – что они выражают доверие к крымским татарам.

В отношении русских и украинцев уровень интеграции в сообщество оценивается выше. 76,5% респондентов в РК ответили, что не конфликтуют с другими народами русские, а 60,6% – что не конфликтуют украинцы. По мнению 85,1% опрошенных в Республике Крым, знают российские законы русские, а по мнению 57,3% – украинцы. Считают, что русские в Крыму уважают языки, традиции и культуру других народов, 83,5% респондентов, а об украинцах так думают 72,2%. Уровень доверия опрошенной молодёжи в РК к русским – 89,3%, а к украинцам – 76,7%.

Характерно, что в более этнически однородном сообществе г. Севастополя даны более критические оценки качеств народов, нежели в полиэтничной Республике Крым (см. табл. 7).

Таблица 7

Уровень интеграции отдельных национальных и конфессиональных групп в представлениях жителей Краснодарского края (КК), Республики Крым (РК) и г. Севастополя (С), 2018 г.

Группа оценки	Субъект РФ	Согласие со следующими утверждениями (в % от общего кол-ва валидных ответов (исключены ответы «не знаю») по региону)					
		А. Не конфликтуют с другими национальными и религиозными группами	Б. Честно работают	В. Знают и уважают российские законы	Г. Знают русский язык, говорят на нем	Д. Уважают язык, традиции и культуру других народов	Е. Вызывают доверие
О русских	КК	80,0	78,1	80,6	95,3	78,8	92,5
	РК	76,5	76,8	85,1	96,6	83,5	89,3
	С	74,7	66,7	81,9	98,6	81,0	88,4
	<i>P-level*</i>	<i>0,368</i>	<i>0,036</i>	<i>0,413</i>	<i>0,139</i>	<i>0,402</i>	<i>0,354</i>
Об украинцах	КК	61,9	70,4	56,4	87,6	68,7	68,1
	РК	60,6	71,5	57,3	92,0	72,2	76,7
	С	60,8	61,3	50,0	90,2	71,3	80,2
	<i>P-level</i>	<i>0,953</i>	<i>0,144</i>	<i>0,405</i>	<i>0,221</i>	<i>0,684</i>	<i>0,032</i>
Об армянах	КК	58,6	51,0	58,4	77,9	73,9	61,5
	РК	66,7	59,8	67,1	84,2	73,1	67,9
	С	50,8	48,0	54,8	78,4	72,9	51,1
	<i>P-level</i>	<i>0,017</i>	<i>0,112</i>	<i>0,087</i>	<i>0,165</i>	<i>0,973</i>	<i>0,029</i>
О крымских татарах	КК	58,0	61,9	59,4	73,5	68,7	58,8
	РК	41,3	61,8	59,7	84,4	66,5	59,5
	С	42,9	48,1	56,3	86,0	66,7	44,3
	<i>P-level</i>	<i>0,022</i>	<i>0,040</i>	<i>0,840</i>	<i>0,001</i>	<i>0,878</i>	<i>0,031</i>
	КК	80,8	82,6	83,2	93,2	82,5	85,9
	РК	83,3	85,5	85,3	95,0	85,4	87,3

О христи анах	С	80,9	81,4	74,3	95,5	88,6	82,7
	<i>P-level</i>	<i>0,771</i>	<i>0,632</i>	<i>0,055</i>	<i>0,528</i>	<i>0,333</i>	<i>0,550</i>
О мусуль манах	КК	50,9	68,6	59,5	74,0	65,3	54,9
	РК	61,5	74,1	63,5	83,9	71,2	64,8
	С	44,6	55,7	51,2	76,7	64,6	47,1
	<i>P-level</i>	<i>0,008</i>	<i>0,016</i>	<i>0,168</i>	<i>0,033</i>	<i>0,371</i>	<i>0,016</i>

*P-level показывает наличие статистически значимых различий в соотношениях ответов по регионам. Различия в соотношениях относительных частот признаются статистически значимыми на уровне $p < 0.05$. Например, в Севастополе число считающих, что русские в большинстве случаев честно работают достоверно меньше, чем в других субъектах ($p = 0,036$).

Вопрос, заданный по аналогичной методике о взаимном восприятии представителей различных конфессий, подтвердил асимметрию оценок основных конфессиональных групп – христиан и мусульман (см. табл. 8).

Таблица 8

Уровень интеграции христиан и мусульман в представлениях
молодёжи в Республике Крым, 2018 г. (в проц.)

Группа оценки	Религиозная принадлежность	Согласие со следующими утверждениями (в % от общего количества валидных ответов (исключены ответы «не знаю») по региону)					
		А. Не конфликтуют с другими национальными и религиозными группами	Б. Честно работают	В. Знают и уважают российские законы	Г. Знают русский язык, говорят на нем	Д. Уважают язык, традиции и культуру других народов	Е. Вызывают доверие
	Христиане	85,6	87,2	84,8	94,4	88,9	88,2

О христи анах	Мусульма не	78,4	92,0	93,5	100	90,6	86,7
	Атеисты	64,2	68,5	72,3	92,9	70,7	78,6
	Иная вера	88,2	78,6	69,2	87,5	71,4	62,5
	Не указали принадле жность	78,0	75,9	74,7	94,1	76,7	83,6
	<i>P-level</i>	<i>0,001</i>	<i>0,002</i>	<i>0,016</i>	<i>0,38 1</i>	<i><0,00 1</i>	<i>0,028</i>
О мусуль -манах	Христиан е	50,3	68,4	61,4	77,1	67,6	52,8
	Мусульма не	80,5	96,7	82,8	95,1	91,9	97,2
	Атеисты	46,7	59,2	47,6	75,4	56,0	52,5
	Иная вера	37,3	69,2	30,8	64,7	60,0	42,9
	Не указали принадле жность	55,3	62,0	53,9	79,1	64,2	61,8
	<i>P-level</i>	<i>0,002</i>	<i>0,006</i>	<i>0,005</i>	<i>0,05 4</i>	<i>0,008</i>	<i><0,00 1</i>

Большинство опрошенных положительно оценивает состояние межэтнических и конфессиональных отношений. В то же время, сказали, что они лично переживали оскорбления / конфликты на почве национальной, религиозной нетерпимости 30,6% в РК и 24,1% – в Севастополе (см. табл. 9). Считали, что они подвергались дискриминации по половому, возрастному, религиозному или национальному признаку 24,2% в РК и 19,5% в Севастополе.

Таблица 9

Частота распределения ответов на вопрос: «Какие из перечисленных сложных жизненных ситуаций Вам пришлось пережить лично?» (в проц. от ответивших)

Ситуации	Регион		
	Краснодарский край (n=380)	Республика Крым (n=380)	г. Севастополь
	% от n	% от n	% от n
ситуации, реально угрожающие жизни и здоровью (физическое насилие, грабеж и т.д.)	26,1	27,5	28,6
оскорбления /конфликты на почве национальной, религиозной нетерпимости	29,0	30,6	24,1
случаи дискриминации по половому, возрастному, религиозному, национальному признаку	27,5	24,2	19,5
случаи коррупции (в системе здравоохранения, образования, гос. аппарата, в правоохранительных органах, в судах и т.д.)	56,2*	37,3	34,5
проблемы с выплатами кредитов, угрозы коллекторов	20,6*	5,8	5,9
потеря работы не по Вашей воле	24,6*	10,7	12,7
снижение доходов (урезание з/п, ставки, вынужденный переход на работу /должность с более низкой оплатой и т.д.)	37,7*	26,6	20,9
бытовые конфликты с представителями иных этнических групп	17,7*	11,3	7,7

случаи мошенничества в интернете, преступного использования личных данных, взлома личных счетов и кражи средств через сеть	28,7	41,3*	37,7
случаи нарушения Ваших гражданских прав	31,9	26,6	23,6
ситуацию, когда вам пришлось вынужденно покинуть свой дом	13,6*	7,3	8,6

* - достоверно больше, чем в других регионах

Однако проверочный вопрос: «В какой мере национальность может стать реальным препятствиям при достижении личных, профессиональных, творческих, деловых целей, раскрытию Вашего потенциала» дал гораздо более позитивные ответы: лишь 6,1% в РК и 4,0% в Севастополе считают препятствием свою национальность, а соответственно, 4,0% и 3,2% – свою религию.

Значимым аспектом межэтнических отношений становится восприятие миграции, поскольку приток в Крым инвестиций и рабочей силы из «материковой» части России неизбежно усиливает этническую мозаичность и привносит новую повестку дня взаимодействия народов. В массовом опросе крымской и севастопольской молодёжи под руководством И.В. Юрченко (2018 и 2019 гг.) особенно показательное сравнение с соседним Краснодарским краем, где экономический рост привёл к повышению уровня мигрантофобии. Но молодёжь Крымского полуострова чаще всего затрудняется ответить, есть ли в их регионе проблема трудовой конкуренции между местными жителями и переселенцами (42,5% ответов в РК и 42,0% в г. Севастополе). Считают, что проблема существует, 26,5% респондентов в республике и 32,8% – в городе.

При ответе на вопрос, способствует или препятствует приток мигрантов развитию Крыма, уже наметился небольшой перевес негативных ответов: 20,9 против 19,6% позитивных в РК и 23,7 против 16,9% в Севастополе. Характерно, что значительная часть опрошенных молодых крымчан затрудняется выразить своё отношение к миграции: ответили, что приток мигрантов «никак не

влияет» на развитие Крыма, 27,8% в РК и 22,1% в Севастополе. Ещё 1/3 респондентов ответила: «не знаю».

Среди молодёжи, опрошенной в РК, ответили, что лучше привлечение рабочей силы, чем ограничение её притока, 47,1% (желают ограничить приток 52,9%). Однако в г. Севастополе отношение более негативное: за привлечение мигрантов 38,1%, против – 61,9%.

Прослойка опрошенной молодёжи, считающей, будто мигранты чаще местных жителей совершают преступления, составляет в РК 19,5%, в Севастополе – 21,7%, что меньше, нежели в Краснодарском крае – 25,5%. В целом по выборке преобладает либо незнание данного вопроса, либо мнение о равном уровне преступности среди постоянного населения и мигрантов.

Респонденты в 3,5 раза чаще предлагают ужесточить миграционное законодательство, чем ослабить: 34,4 против 11,0% в республике и 37,6 против 11,0% в Севастополе. Однако абсолютное большинство опрошенной молодёжи считает, что действующее законодательство эффективно и его достаточно для регулирования миграции. Положительная оценка достаточности российского миграционного законодательства в РК (54,6%) и Севастополе (51,4%) значительно выше, нежели среди молодёжи Краснодарского края (39,8%).

Межэтническая и межконфессиональная дистанция выявляет уровень доверия между этническими группами, степень интеграции общества. Уровень межэтнической дистанции по шкале Э. Богардуса в отношении русских в РК – 2,17 балла из возможных 9; украинцев – 2,61; крымских татар – 3,38; армян – 3,78. В г. Севастополе дистанции увеличены: к русским – 2,43 балла, украинцам – 2,91, крымским татарам – 4,26, армянам – 4,19. Уровень межконфессиональных дистанций в отношении христиан всех конфессий – 2,92 балла в РК и 3,38 в Севастополе, а мусульман – 3,54 в РК и 4,16 в Севастополе (см. табл. 10–13).

Частота встречаемости установки абсолютной близости («Готов принять как члена семьи») составила: 56,9% в отношении русских, 46,2% – украинцев, 26,2% – крымских татар, 16,9% – армян. В отношении христиан установка абсолютной близости – 34,6%, а мусульман – 24,6%. Выявлен достаточно значительный потенциал межэтнической и межконфессиональной терпимости молодёжи. Частота встречаемости установки абсолютной

неприемлемости («Я не хотел бы видеть их в стране» в отношении украинцев – 0,8%, русских – 1,5%, армян – 6,2%, крымских татар – 7,7%. В отношении конфессий установка абсолютной неприемлемости – 3,8% для христиан и 8,5% для мусульман. «Точки риска» – экономически депрессивный и приграничный Джанкойский район, а также г. Симферополь и его пригороды (это подтверждается и более ранним исследованием в 2015 г. В.И. Мукомеля и С.Р. Хайкина)¹.

Таблица 10

Взаимная приемлемость этнических групп в Республике Крым и г. Севастополе (2018 г.), в баллах

Этническая группа	Оценка социальной дистанции по отношению к...			
	Русским	Украинцам	Армянам	Крымским татарам
Русские	2,07	3,22	4,11	4,11
Украинцы	1,87	1,91	3,95	4,23
Армяне	1,57	3,37	1,67	3,32
Татары	3,16	2,82	3,68	2,61

Таблица 11

Взаимная приемлемость этнических групп (2018 г.) в зависимости от места опроса, в баллах

Место опроса	Оценка социальной дистанции по отношению к...			
	Русским	Украинцам	Армянам	Крымским татарам
Краснодар	1,90	3,45	3,97	4,01
Краснодарский край	1,87	3,83	4,07	4,65
Республика Крым	2,17	2,61	3,78	3,38
Севастополь	2,43	2,91	4,19	4,26

¹ Мукомель В.И. Крымские татары после «крымской весны»: трансформация идентичностей / В.И. Мукомель, С.Р. Хайкин // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2016. № 3. С. 51-68.

Таблица 12

Социальная дистанция в Республике Крым и г. Севастополе (2018 г.) по отношению к христианам и мусульманам в зависимости от религиозной принадлежности, в баллах

Религиозная принадлежность респондента	Оценка социальной дистанции по отношению к...	
	Христианам	Мусульманам
Христиане	2,88	4,12
Мусульмане	3,14	2,15
Атеисты	3,37	4,10
Носители иной веры	3,13	3,92
Не указали религиозную принадлежность	3,58	3,98

Таблица 13

Социальная дистанция по отношению к христианам и мусульманам (2018 г.) в зависимости от места опроса, в баллах

Место опроса	Оценка социальной дистанции по отношению к...	
	Христианам	Мусульманам
г. Краснодар	2,98	4,12
Краснодарский край	3,24	4,41
Республика Крым	2,92	3,54
г. Севастополь	3,38	4,16

Важна также иерархия идентичностей, позволяющая судить о степени социокультурной интегрированности молодых крымчан в российское общество (см. табл. 14). Респонденты ощущают себя, в первую очередь, «представителем человечества» – 31,8% в РК и 34,9% в Севастополе, жителем полуострова – 23,2 в РК и 12,9% в городе, россиянином – 18,2 в РК и 20,1% в Севастополе, жителем города или села – 7,6% в РК и 14,1% в городе, «человеком своей национальности» – 7,4 в РК и 5,6% – в городе, жителем Юга России – 2,6 в РК и 4,4% – в городе, «человеком определённой веры» – 3,2% в РК и 1,6% – в Севастополе. Удельный вес отдающих первенство российской идентичности среди молодых респондентов полуострова ниже, чем в Краснодарском крае (в сравнении, 18,9 и 32,1%).

Эти достаточно неожиданные результаты, видимо, связаны с высоким процентом учащейся молодёжи в выборке («глобальная»

идентичность – скорее, виртуальная фронда и проект на будущее, поскольку на деле респонденты не включены в подобные практики достаточно массово). С ними логично сочетается повышенный уровень неопределённых вариантов ответов о своей преобладающей идентичности (6,1% в РК, 6,4% в Севастополе на фоне 3,4% в Краснодарском крае).

Предсказуемо высок среди респондентов в Республике Крым уровень региональной идентичности (23,2%) в сравнении с подвыборкой в г. Севастополе (12,9%) и Краснодарском крае (8,7%). Напротив, в Севастополе вдвое выше, чем в РК, уровень локальной идентичности. Макрорегиональная (общероссийская) идентичность ещё не имеет сколько-нибудь массовой поддержки на полуострове (2,6% опрошенных в РК и 4,4% в Севастополе).

Таблица 14

Частота ответов на вопрос: «Кем Вы себя ощущаете в наибольшей степени?» (в проц.)

Варианты ответа	Регион		
	Краснодарский край	Республика Крым	Севастополь
	%	%	%
Жителем Земли, представителем человечества	29,2	31,8	34,9
Россиянином	32,1	18,2	20,1
Южанином или жителем иного макрорегиона	8,9	2,6	4,4
Жителем определенного региона	8,7	23,2	12,9
Жителем своего города, села	5,8	7,6	14,1
Человеком определенной национальности	9,2	7,4	5,6
Человеком определенной веры	2,6	3,2	1,6
Что-то иное	2,1	4,7	4,4
Затрудняюсь ответить	1,3	1,4	2,0

Верификация результатов исследования. Бесспорно, мнения и выводы политологов должны проверяться на основе репрезентативных результатов массовых опросов, статистики, документов органов государственной власти. Полезную информацию дал анкетный опрос крымских татар, проведённый ВЦИОМ и Институтом социологии РАН в октябре 2015 г. Выборка исследования – 1200 чел. Респонденты идентифицируют себя, в первую очередь, как народ (81% ответов), жители Крыма (58%), мусульмане (51%). Среди опрошенных 16% назвали себя россиянами, в том числе среди поддержавших воссоединение Крыма с Россией – 36%. В сравнении подвыборок из разных типов поселений (г. Симферополь, средние и малые города, сёла) видно: исламская идентичность наиболее важна для татар Симферополя (86% ответов), в селах её отметили 49%, а в средних и малых городах – 44%¹. Массовые социологические опросы крымских татар доказывают полное совпадение этнической и конфессиональной (исламской) самоидентификации, а также приоритетность региональной и этнической идентичности над национально-государственной, чего нет в Крыму у более урбанизированных этнических групп – русских, украинцев, армян и др.

Важны опубликованные итоги исследования общественного мнения крымских татар (проведены Федеральным агентством по делам национальностей, декабрь 2016 – январь 2017 гг.²). По данному опросу (выборка 1000 крымских татар всех возрастов), 46% респондентов ощущают себя гражданами России, а гражданами Украины – лишь 7%. Не ощущают межэтническую напряженность в повседневной жизни 81% опрошенных. 72% опрошенных за 2016 г. не сталкивались с неприязнью или враждебностью к себе из-за этничности, а 89% не испытывали неприязни и недоверия к себе из-за религиозных убеждений. Оценивают изменения в Крыму положительно 31% респондентов.

¹ Мукомель В.И., Хайкин С.Р. Крымские татары после «крымской весны»: трансформация идентичностей // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2016. № 3. С. 60, 62, 64, 65.

² Игорь Баринов: «70% крымских татар успешно адаптировались к жизни в России». URL: <http://fadn.gov.ru/news/2017/03/13/3145-igor-barinov-70-krymskih-tatar-uspeshno-adaptirovalis-k-zhizni-v-rossii> (дата обращения: 11.11.2018).

Большинство – 61% не одобряют политику Украины в отношении Крыма, а в её поддержку высказалось только 13% респондентов. В решении своих проблем рассчитывает на власти России – 26%, на власти Крыма – 24%, власти города и района – 11%. На помощь со стороны властей Украины надеются 2% респондентов¹.

Значимые данные о балансе идентичностей в Крыму даёт опрос, проведённый Независимым содружеством социологов «Открытое мнение» (апрель – июнь 2016 г., выборка 1101 чел.). В сравнении основных этнических групп считают себя, в первую очередь, гражданами России 52% русских, 28% украинцев и 8% крымских татар. Воспринимают себя, прежде всего, как жителей Крыма, 30% русских, 42% украинцев и 65% татар. Степень оптимизма оценок политической ситуации в Крыму слабо различается по линии «русские – украинцы», но резко контрастна по оси «славяне – крымские татары». Удовлетворены положением дел в Крыму 44% татар и 70% респондентов всей выборки². Отношение трех групп к воссоединению с Россией различается. Воссоединение поддерживают 96% русских, 84% украинцев и 46% крымских татар (среди последних ещё 36% дали неопределённые оценки)³. В то же время, эти результаты опросов подтверждают значительную положительную динамику интеграции крымских татар в российское общество, начиная с марта 2014 г.

По итогам опроса ВЦИОМ (июнь – июль 2016 г., выборка 2000 чел. старше 18 лет, погрешность не более 3,1%), на вопрос «Были ли за последний год в республике или населённом пункте, районе, где Вы живете, ссоры или конфликты на национальной почве?», 83% крымчан ответили отрицательно, а лишь 10% – положительно. 90% опрошенных крымчан оценивают межэтнические отношения как «скорее доброжелательные» и 4% – как конфликтные⁴. Но восприятие межэтнических взаимоотношений асимметрично в этнических группах.

¹ Игорь Баринов ...

² Проект «Открытое мнение – Крым – 2016»: Краткий аналитический отчёт по итогам исследования. М., 2016. С. 15, 25–27.

³ Там же. С. 40–41.

⁴ Крым и Севастополь: о жизни после воссоединения с Россией // ВЦИОМ. Пресс-выпуск № 3155. 18.07.2016. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115782> (дата обращения: 01.11.2018).

Можно проверить выводы по опросу студенческой молодёжи Крыма (март 2016 г., выборка 1100 чел. в городах, возраст 17–30 лет), проведённому коллективом под руководством Е.В. Бродовской¹. РК и Севастополь сходны высоким уровнем региональной и локальной идентичностей, опережающих по влиянию общероссийскую (национально-государственную), значительной политизацией взаимных восприятий индивидов и этнических групп. Этнический и конфессиональный маркеры идентификации почти совпадают, тогда как языковой маркер (предпочтение русского языка) характерен для всех этнических групп. Соотношение идентичностей неустойчивое и сложное: в марте 2016 г. затруднялись определить иерархию самоидентификаций до 1/3 крымских и более 1/4 севастопольских опрошенных студентов². По выводам Е.В. Бродовской, А.В. Домбровской и их соавторов, среди молодых респондентов распространены три базовых стратегии восприятия межэтнических отношений: игнорирование, позитивное признание полиэтничности и негативное отношение к полиэтничности³.

Важны материалы массового опроса, проведённого сотрудниками Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского и Севастопольского государственного университета (2017 г., выборка 1600 чел., студенческая молодёжь всего полуострова, 17–25 лет, погрешность не больше 3%)⁴. Иерархия идентичностей такова (по всей выборке): 50% считают себя в первую очередь гражданами России, 36% – жителями

¹ Бродовская Е.В. Ценностные установки молодежи Крыма и Севастополя в сфере межнациональных отношений: результаты прикладного анализа / Е.В. Бродовская, А.Ю. Домбровская, Д.Н. Карзубов, С.А. Казаченко // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2017. № 3. С. 42–51.

² Бродовская Е.В. Ценностные установки молодежи ... С. 44–45.

³ Бродовская Е.В. Ценностные установки молодежи ... С. 44–46.

⁴ Канах А.М. Факторы формирования национальной идентичности студентов Республики Крым и Севастополя: некоторые результаты социологического исследования / А.М. Канах, Л.П. Нелина, О.В. Ярмак // Учёные записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Социология. Педагогика. Психология. Симферополь, 2018. Т. 4 (70). № 1. С. 50–63.

полуострова, 18% – жителями своей местности, 7% – представителями своей конфессии и 6% – представителями своего народа.

Однако распространённость национальной идентичности контрастна в сравнении трёх этнических подвыборок. Считают себя, в первую очередь, гражданами России, 54% русских, 19% украинцев и 17% крымских татар. Среди крымских татар в большей степени, чем у русских (38%) и украинцев (46%), проявляется региональная приверженность. 54% опрошенных крымских татар отнесли себя к группе «мы – жители полуострова». Характерно и то, что считают себя, прежде всего, представителями своей конфессии 6% русских, 24% украинцев и 12% крымских татар; представителями своего народа – 4% русских, 9% украинцев и 10% крымских татар. Авторы исследования делают вывод: «у русских студентов национальная идентичность базируется, в первую очередь, на основе принадлежности к государству, что не присуще украинской и крымскотатарской студенческой молодежи»¹. Крымскотатарская подвыборка самоопределяется через региональную, этническую и гендерную принадлежности. В то же время, все сравниваемые подвыборки имеют общие черты: региональную приверженность, самооценка по этническому и культурному признакам, слабость политического воздействия на идентичность.

Представляет интерес сравнение этнической идентичности студентов вузов г. Симферополя – славян и крымских татар, проведённое в 2017 г. И.К. Петровым и А.Х. Абдувалиевой. В нём применены: методика Дж. Финни, шкала экспресс-оценки выраженности этнической идентичности (Н.М. Лебедева), методика «Кто я?» (М. Кун и Т. Макпартленд), шкала экспресс-оценки чувств, связанных с этнической принадлежностью (Н.М. Лебедева)². Их применение позволило сопоставить степень интенсивности этнической идентичности (повышенную – у крымских татар), преобладание аффективного компонента над когнитивным. Установлены различия в иерархии факторов выбора идентичности. У студентов – славян по убывающей такими

¹ Канах А.М. Указ. соч. С. 54–55.

² Лебедева Н.М. Методы этнической и кросскультурной психологии / Н.М. Лебедева, А.Н. Татарко. М., 2011.

факторами выступают: семья и непосредственное социальное окружение; язык; культурно-ценностные ориентации (религия – на 7-м ранговом месте). У крымских татар иерархия несколько иная: семья и непосредственное социальное окружение; язык; обычаи, обряды и традиции (религия – на 4-м месте)¹.

Важным представляется выявление источников знаний крымской молодёжи о политике и межэтнических отношениях. Массовый опрос, организованный под руководством В.А. Чигрина (2018 г., выборка 1400 студентов КФУ имени В.И. Вернадского, включая филиалы), показал тенденцию: на первом месте по влиянию социальные сети – 66,6%, на втором разговоры с родственниками, друзьями, знакомыми – 63,5%, на третьем общероссийские телеканалы – 41,6%, на четвёртом иностранные Интернет-ресурсы – 34,1%, на пятом случайные разговоры в общественных местах и слухи – 24,2%, на шестом крымские телеканалы – 15,5%. Аутсайдерами стали общественные организации и сайты вуза – по 8,8%, крымские газеты – 6,7%². Следовательно, российские акторы этнополитики и политики идентичности должны учитывать эти распределения при выборе каналов и методов информационного влияния на крымскую молодёжь.

Недостаточно изученным аспектом темы можно считать межрегиональные сравнения восприятий идентичности и межэтнических отношений. Г.С. Денисова провела синхронный массовый опрос 2016 г. в РК (выборка 400 чел.), а также в Республике Адыгея, Краснодарском крае и Ростовской области (все возраста старше 18 лет)³. Выявлен примерно равный уровень

¹ Петров И.К., Абдувалиева А.Х. Особенности формирования этнической идентичности в поликультурном пространстве Крыма // Учёные записки Крым. инженер.-пед. ун-та. Серия: Педагогика. Психология. Симферополь, 2017. № 4 (10). С. 130–132.

² Масеев С.В. Роль и место политической социализации молодежи в формировании ее электоральной культуры / С.В. Масеев, В.А. Чигрин // Учёные записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Социология. Педагогика. Психология. Симферополь, 2018. Т. 4 (70). № 2. С. 54–63.

³ Денисова Г.С. Сравнительный анализ оценок населением Крыма и других регионов ЮФО характера межэтнических отношений // Учёные записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского.

оценки межэтнических отношений, что подтверждает и более позднее исследование И.В. Задорина¹. В том числе, при исследовании Г.С. Денисовой в Крыму сочли, что отношения хорошие, 44,6% респондентов; назвали отношения спокойными при обособленности этнических групп – 28,2%; предполагали наличие напряжённости 10,0%; признали существование межнациональных конфликтов 6,7%; затруднились с ответом – 10,5%². В числе причин межэтнической напряжённости назвали «несовместимые нормы и правила поведения представителей разных этнических групп» 29,4% опрошенных крымчан (значительно меньше, чем в других регионах Юга России). Та же тенденция – с признанием причиной напряжённости «конкуренции за рабочие места» – 19,9% и «вызывающих форм бытового повседневного поведения молодежи» – 14,2% в РК. Повышенное значение опрошенные крымчане придают таким причинам напряжённости, как «требование предоставления особых прав и льгот тем или другим народам» – 29,7%, «соперничество за землю между представителями разных этнических групп» – 26,9%, «агрессивность в межгрупповых отношениях» – 20,6%³. Итак, в восприятии крымчан иерархия факторов межэтнической напряжённости своеобразна, а уровень субъективно признаваемой напряжённости несколько ниже, чем в иных регионах ЮФО.

Эксперты обращают внимание на различия детерминант идентичности сообществ Республики Крым и г. Севастополя. Так, в РК значительно большую роль в конструировании ценностей и политических индивидов играют этнический и конфессиональный факторы, а в г. Севастополе – социальный статус индивидов. Различия объясняются в научной литературе с помощью концепта «тропы зависимости» и сравнения уровня этнической мозаичности обоих сообществ⁴.

Социология. Педагогика. Психология. Симферополь, 2018. Т. 4 (70). Спецвып. № 1. С. 159–165.

¹ Задорин И.В. Регионы «рубежа»: территориальная идентичность и восприятие «особости» // Полития. 2018. № 2. С. 102–136.

² Денисова Г.С. Указ. соч. С. 159–164.

³ Там же.

⁴ Бараш Р.Э. Мировоззренческие, социокультурные и общественно-политические установки жителей г. Севастополя после 2014 г. // Власть.

Специфика социокультурного сообщества севастопольцев раскрыта Р.Э. Бараш по материалам массового опроса (июнь – сентябрь 2015 г.). Отмечается преобладание русской самоидентификации респондентов (76%), ещё 12% считают себя носителями «двойной национальности». Считали себя гражданами России 93%, только гражданами Украины – 1,9%, имели двойную приверженность 2%. Принципиально важен и вопрос об иерархии идентичностей. Национально-государственную идентичность назвали первоочередной 77% опрошенных, региональную – 16% и этническую – 4%. Вместе с тем, считают своей «большой Родиной» Россию 55%, Крым – 12%, Севастополь – 5%, СССР – 4,5%, Украину – 2%. На вопрос о «малой Родине» 33% севастопольцев назвали свой город и только 22% – Крым в целом¹.

Характерно двуязычие севастопольского сообщества (умеют говорить, читать и писать по-русски 100% опрошенных, а по-украински – 56%). Однако языком бытового и делового общения выступает только русский язык (70% в сравнении с 0,5% предпочитающих украинский язык)².

Межэтнические отношения считали спокойными 85% севастопольцев, 10% затруднились дать оценку и лишь 5,2% назвали отношения напряжёнными. Считающих, что за последний год межэтнические отношения в Крыму улучшились, 34%. Относительное большинство (48%) назвало отношения неизменными. Лишь 7,5% считали, что данные отношения ухудшились (10% воздержались от оценок)³.

Таким образом, в самосознании севастопольцев отчётливо преобладает российская национальная идентичность, она сочетается с ярко выраженным регионализмом и локальным патриотизмом. Это позволяет нам счесть севастопольскую

2017. № 11. С. 116–122; Ситнова И.В. Возвращение домой: рефлексия жителей Севастополя после трех лет начала Русской весны // Учёные записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Социология. Педагогика. Психология. Симферополь, 2018. Т. 4 (70). Спецвып. № 2. С. 215–225.

¹ Бараш Р.Э. Указ. соч. С. 116–122.

² Там же. С. 118–120.

³ Бараш Р.Э. Указ. соч. С. 118–120.

идентичность сложносоставной, а данное сообщество – отчётливо выраженным в сравнении с крымским.

Таким образом, восприятие уровня безопасности в Крыму студенческой молодёжью в целом позитивное, но отмечено сниженное восприятие уровня правовой и финансовой безопасности. Это объясняется трудностями перехода крымского регионального сообщества на российское законодательство, а также финансовыми трудностями, вызванными блокадой полуострова.

Установки опрошенной студенческой молодёжи по преимуществу демонстрируют модель избегания межэтнического конфликта, добрососедских межэтнических отношений. Межэтнические отношения в г. Севастополе более устойчивы и позитивны, чем в Республике Крым. Одновременно, наблюдается латентная конфликтность, связанная с восприятием статуса этнических групп региона, их поведения в публичной политике, возможных намерений повысить свой коллективный статус. Риски негативного восприятия межэтнических отношений проявились в наибольшей мере среди опрошенных крымских татар.

Миграционные процессы и миграционная политика воспринимаются работающей молодёжью Крыма в качестве менее конфликтного и этнически маркированного процесса, чем молодёжью Кубани. Модальность восприятия миграции зависит от этнической самооценки респондентов. Наиболее позитивно воспринимают трудовую миграцию на полуостров опрошенные студенты – русские, а относительно сдержанно – крымские татары и украинцы.

Сравнительно повышена конфликтность межэтнических и межконфессиональных взаимовосприятий молодёжи в Республике Крым в сравнении с Севастополем, преобладает социокультурное размежевание «славяне – крымские татары», во многом совпадающее с конфессиональным размежеванием. Этнические дистанции по шкале Э. Богардуса в Крыму носят отчетливо выраженный асимметричный характер. Ареал повышенной конфликтности установлен в Джанкойском районе и г. Симферополе с пригородами.

За 2017–2019 гг. восприятие межэтнических и конфессиональных отношений крымской молодёжью стало менее конфликтным, относительно большинство респондентов

оценивает положение умеренно-позитивно. Оценки ситуации русской и украинской молодёжью близки по модальности, так как украинское сообщество в Крыму слабо сплочено и склонно к ассимиляции. Крымскотатарская молодёжь наиболее интегрирована внутри этнической группы и дистанцирована от славянского большинства и в религиозном, языковом и политическом аспектах.

В самосознании севастопольцев отчётливо преобладает российская национальная идентичность, она сочетается с ярко выраженным регионализмом и локальным патриотизмом. Это позволяет считать севастопольскую идентичность сложносоставной, а данное сообщество – более отчётливо выраженным в сравнении с крымским.

Этническая и конфессиональная идентичности крымских татар имеют высокую степень сочетаемости, среди них первична этническая. Факторами высоких межэтнических дистанций и конфликтности являются, прежде всего, установки групповой этнической и конфессиональной идентичности, а не мнимые факты дискриминации крымских татар. В условиях воссоединения Крыма с Россией идут положительные изменения общественного мнения крымских татар, но они еще не стали преобладающей тенденцией. Регионализм противоречив: он может быть и резервом конструирования российской идентичности, и конфликтогенным обоснованием неприятия «российскости». Риски этноконфессионального конфликта высоки и они сосредоточены в столице республики – Симферополе, что объяснимо концентрацией здесь ресурсов власти. Зонай риска являются также степные районы в связи с их экономической депрессивностью и близостью к российско-украинской границе.

«Группы риска» – работающая молодёжь, особенно в Симферополе и его пригородах, а также в сельских районах с повышенным удельным весом мусульман, лица с низкими доходами. Вместе с тем, состояние и тенденции развития межэтнических и конфессиональных отношений молодёжи на Крымском полуострове остаются умеренно-позитивными.

Учитывая особое положение, в котором находятся г. Севастополь и Республика Крым, – пограничность, информационная война со стороны стран Запада и Украины, повышенная открытость молодёжи контактам с украинским

пространством, – необходима целенаправленная политика реинтеграции молодёжи Крымского полуострова в российское социокультурное и политическое сообщество, направленная на формирование прочной и осознанной приверженности российской нации. В проведении такой политики социологические исследования и политическая экспертиза призваны стать важным и профессионально реализуемым направлением.

Необходимо уделить внимание исследованиям идентичности, межэтнических и межконфессиональных отношений в Крыму не только на материалах молодёжи, но и других социальных и демографических групп; основные усилия государственной информационной политики по конструированию российской идентичности полезно сосредоточить в социальных сетях и иных интернет-ресурсах.

РАЗДЕЛ 5. КОНФЛИКТОГЕННЫЕ И ИНТЕГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В КРАСНОДАРСКОМ КРАЕ¹

Анализируя трансформационные процессы в регионах Юга России в условиях социально-политических изменений постсоветского периода, необходимо рассмотреть вызовы современной глобализации на фоне формирования нового миропорядка в контексте возникающих проблем в социально-экономическом развитии отдельных субъектов Южного федерального округа. Особое внимание уделяется факторам устойчивости политического режима и угрозам дестабилизации обстановки под влиянием внешних и внутренних социально-политических трансформаций в поле политики и экономики. Подчеркивается, что важную роль в этих процессах играют проблемы межнациональных отношений внутри региона, этнические факторы, которые формируют существенный конфликтный потенциал, связанный с противоречиями территориального, ценностного и социально-экономического характера, а также высокая миграционная активность и депривационные настроения, обусловленные неравенством в развитии территорий. В качестве эмпирической базы в статье используются данные экспертного опроса, проведенного авторами в Краснодарском крае с мая по сентябрь 2018 г., а также материалы проведенных ранее социологических исследований. Рассматриваются локальные и региональные процессы в контексте выявления специфики развития человеческого потенциала в различных муниципальных образованиях. При этом подчеркивается, что в рамках изучения условий обеспечения социально-политической безопасности следует акцентировать внимание на выяснении сущности основных причин, расшатывающих систему базовых принципов и функций социальных институтов, а также на социальной природе

¹ В разделе используются материалы статьи: Юрченко И.В., Юрченко В.М., Донцова М.В., Юрченко Н.Н. Региональные социально-политические трансформации на Юге России в условиях вызовов современной глобализации // International Scientific Conference «Social and Cultural Transformations in the Context of Modern Globalism». SCTCMG 2018. Публикация подготовлена в рамках реализации ГЗ ЮНЦ РАН на 2018 г. № госрегистрации проекта АААА-А16-116012610051-6.

возникающих политико-экономических дисфункций в управленческом процессе. В проблемном поле анализа специфики региональных социально-политических трансформаций выявляются факторы устойчивого развития и противодействия угрозам дестабилизации. В параметрах, определенных уровнем человеческого потенциала регионального сообщества, формируется характер социально-политического устройства и качество социокультурной среды. Обращается внимание на выбор доказательной базы и научно-теоретического инструментария в обосновании, измерении и фиксации происходящих перемен и трансформаций, а также определении тенденций дальнейших изменений под влиянием разного рода глобальных и локально-региональных факторов.

Одной из ключевых задач в контексте обеспечения национальной и региональной безопасности Российского государства является «укрепление российской гражданской идентичности на основе духовно-нравственных и культурных ценностей народов Российской Федерации» (Указ Президента от 7 мая 2018 г. № 204)¹. Ещё в 2009 г. на совещании с членами Совета безопасности в г. Махачкале Президент РФ Д.А. Медведев сформулировал десять причин эскалации политической напряженности на Юге России, в числе которых были названы низкий уровень промышленного производства, критическая зависимость республик Северного Кавказа от дотаций федерального бюджета, относительная бедность населения и отставание качества жизни.

К наиболее существенным факторам, оказывающим непосредственное влияние на мировую систему, относятся многие проблемы, вызываемые процессами глобализации и неоглобализма. Глобализация является объективным процессом развития принципиально новой всемирной системы отношений между странами и народами на основе взаимосвязи и взаимозависимости во всех сферах общественной жизни. Но политика по отношению к России со стороны различных акторов

¹ О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года. Указ Президента РФ от 7 мая 2018 г. № 204. URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71837200/#ixzz5VemovGxn> (дата обращения: 22.11.2018).

межгосударственного взаимодействия напрямую зависит от их мировоззренческих и идеологических позиций и интересов в геополитическом пространстве. Возможно, это связано с правопреемством Россией многих зон ответственности, которые в прошлом веке были возложены на СССР. В постсоветский период наиболее остро стоял вопрос о допустимой мере изменчивости сущности страны, о критической мере, за которой эта сущность исчезает, то есть исчезает самодостаточность государства как такового, когда оно становится не жизнеспособным. Эта угроза для России миновала, но важность этой проблемы по-прежнему необходимо осознавать для конструирования и реализации концепции безопасности страны, региона и мира в целом. Оценка текущих процессов показывает, что глобализация проявляется, прежде всего, как универсализация и тиражирование западной модели развития.

В то же время, данная ярко выраженная тенденция имеет множество специфических аспектов, связанных с социокультурными особенностями различных государств, взявших курс на модернизацию. Так, для России, для стран БРИКС характерны этатистские модели модернизации, государственный патернализм и преимущественно авторитарные механизмы управления. Мировой кризис показывает, что пока не известно, будут ли эффективно работать западные ценности в новых условиях многополярного мироустройства, где региональные проблемы и конфликты выходят на первый план. Процессы глобализации, с одной стороны размывают национальный суверенитет, что проявляется в возрастании роли наднациональных политических и социально-экономических институтов, а с другой стороны, способствуют подъему этнического самосознания и проявлениям этноцентризма народов, активизации их инстинкта самосохранения. В этих разнонаправленных социальных тенденциях возникает феномен недееспособных государственных образований, непризнанных государств, а также рост рынков насилия и в отдельных случаях деградация государственности в неурегулированных локально-региональных конфликтах. В таких условиях обостряется кризис идентичности, кризис системы международной безопасности, резко возрастает региональная и глобальная нестабильность,

опасность вооруженных конфликтов и их неконтролируемой эскалации.

Региональные социально-политические трансформации на Юге России в условиях современной глобализации являются важнейшим фактором состояния устойчивости, с одной стороны, и угроз дестабилизации обстановки – с другой, которые влияют на политическую стабильность государства в целом. Отслеживание основных тенденций в процессе региональных социально-политических трансформаций необходимо для достижения и сохранения субъектами управления такого состояния объекта управления, при котором он может устойчиво функционировать и развиваться, противодействуя внутренним и внешним угрозам, обеспечивая воспроизводство единой суверенной государственности.

Особенно важным является выявление угроз социально-экономической безопасности региона, что напрямую связано с феноменом государственности и политической стабильности. В настоящее время в регионах Юга России в качестве наиболее серьезных можно выделить следующие угрозы: спад производства и снижение эффективности внутреннего рынка; значительное разрушение научно-технического потенциала; опасность утраты продовольственной независимости; рост безработицы и ослабление трудовой мотивации; значительная величина внешнего и внутреннего долга; криминализация экономики; увеличение имущественной дифференциации населения и повышение уровня бедности. Источник возникновения данных угроз — система экономических отношений между субъектами рынка. Регион в структуре рыночных отношений является самостоятельным хозяйствующим субъектом и вынужден сам обеспечивать экономическую безопасность, а значит предвидеть и предотвращать воздействие деструктивных факторов.

Также очень важную роль играют проблемы межнациональных отношений внутри региона, которые неизбежно строятся на конкуренции. Этнический фактор формирует существенный конфликтный потенциал, связанный, с противоречиями территориального, ценностного и социально-экономического характера. Высокая миграционная активность Южного макрорегиона, особенно Краснодарского края, порождает латентную напряженность, которая может спровоцировать

открытые конфликты. Одна из наиболее трудно решаемых задач полиэтничного общества – создание отлаженного сложносоставного механизма согласования интересов с целью повышения качества управляемости на основе принципов диверсификации, реализации стратегии развития как средне и долгосрочную политику, нацеленную на повышение жизненного уровня и способности участвовать в процессе экономической модернизации большей части регионального сообщества.

В контексте региональной депривации, неравенства возможностей для развития разработка теории региональной безопасности должна основываться на концептуальных подходах, включающих макро- и микрополитические уровни. Макрополитические процессы в современном мире обусловлены рядом новых условий, рассмотрение которых позволит определить совокупность внешних факторов, создающих, с одной стороны, новые опасности, а с другой – новые социальные ресурсы для отражения возможных нежелательных давлений на Россию. Такая новая ситуация заставила некоторых аналитиков заявить о новом качестве мировой политики, о серьезных, глубинных изменениях состояния международных отношений и даже о наступлении новой эпохи «Холодная война 2.0».

Важнейшим фактором, определяющим политический контекст международных отношений в современном мире явилась «Стратегия США в области национальной безопасности», принятая в 2002 году, которая предусматривает возможность нанесения превентивных ударов по базам террористов и странам, где пытаются создать атомную бомбу или другие виды оружия массового уничтожения. При этом США оставляют за собой право действовать в одиночку и по собственной инициативе.

С участием ученых, политиков и общественных деятелей определяются основные проблемные зоны и перспективные линии развития страны с целью «дать новый импульс творческому процессу создания новой России на основе современного научного знания и широкого общественного согласия, создать образ будущего России и начать осознанно и целенаправленно создавать это будущее»¹. Для решения проблем инновационного развития страны и обеспечения безопасности ее населения должна

¹ Поляков Л.В. PRO суверенную демократию. Сборник. М., 2007.

выстраиваться многоуровневая система федерального и локально-регионального эффективного управления. Типовые схемы оценки эффективности деятельности властей различных уровней помогают определить, обеспечивают ли они условия безопасной жизнедеятельности людей или создают дополнительные проблемы.

Макрополитическими факторами, обеспечивающими осуществление стратегии ускоренного регионального развития, являются: интеграция разнородных социальных и этнических компонентов сообществ; адаптирующихся к многостороннему взаимодействию с индустриально-развитыми государствами, в том числе и на Азиатском континенте, в условиях глобализации. Экономический рост, ориентированный на повышение жизненного уровня населения, на смягчение возникающих конфликтов; политическая установка на осуществление социальной справедливости; институционализация политической демократии в социальной системе, где глубоко укоренилась статусная, в том числе кланово-сословная, иерархия. Исторический опыт показывает, что процесс регионализации, усиливающийся в связи с глобализацией, является постоянным конфликтогенным фактором. В то же время, меняется конфигурация и динамика конфликтов: они становятся все более типичными, независимо от локальных условий протекания. Тем не менее, на региональном уровне необходима специфическая стратегия управления региональными и локальными конфликтами с учетом специфики развития человеческого потенциала под влиянием новых конфликтогенных и интеграционных факторов в условиях глобализации. Региональная безопасность, определяемая как защищенность жизненно важных интересов региональной социальной общности и местных институтов государства от внешних и внутренних угроз требует прогнозируемого возникновения опасностей и угроз. На наш взгляд, на сегодняшний день такая региональная система могла бы существовать на основе центров ситуационного и стратегического анализа регионального развития на базе ведущих университетов и научных организаций. В ситуации обострения геополитической напряженности стремление этнических или других региональных контрэллит прийти к власти на основе использования потенциала недовольства может иметь серьезные последствия для

стабильности не только в регионе, но и для сохранения реального социально-политического баланса страны в целом, что в условиях социально-политических трансформаций не только не противоречит развитию, а наоборот обеспечит укрепление законности и устойчивости политической системы в целом. В аспекте безопасности важно говорить не только об экономическом, но и о социально-политическом воспроизводстве дисфункций политической системы. В политическом контексте «воспроизводство» - это сохранение самодостаточности развития общества, как суверенного государства, политического организма полноценно развивающегося на основе осознания гражданами своих возможностей в использовании собственной политической воли в процессе рационального распоряжения интеллектуальными и природными ресурсами страны, в целях укрепления позиций в мировом сообществе и возобновления политических возможностей для защиты интересов каждого гражданина и единой политической общности – государства¹. Система мероприятий, устраняющих или смягчающих воздействие факторов, негативно влияющих на устойчивость развития страны и региона включает в себя выбор оптимального управленческого решения по обеспечению социально-экономической безопасности при соблюдении баланса с общенациональными интересами и его реализацию. При этом необходимо всесторонне учитывать, что локально-региональные политические процессы непосредственно взаимодействуют с глобальными, зависят от них и сами оказывают влияние на разнонаправленные и неоднородные социально-культурные субпроцессы.

Говоря о локально-региональных политических процессах необходимо отметить ситуацию в Краснодарском крае, как одной из важнейших геостратегических зон России, усиление социально-экономических и этнополитических противоречий в которой может оказать влияние на дестабилизацию в России в целом. Существенным конфликтогенным фактором, оказывающим влияние на ситуацию в данном субъекте РФ, является сильная этническая и социально-экономическая дифференциация региона. Например, этническую структуру Краснодарского края, согласно

¹ Ильин Н.И. Воспроизводственная структура: понятие и содержание // Власть. 2006. № 8. С. 44-46.

переписи 2010 г. составляет более 150 этнических групп и диаспор. Наиболее многочисленными группами являются: русские – 86,5%, армяне – 5,4%, украинцы – 1,6%, татары – 0,48%, греки – 0,43%, белорусы – 0,32%, грузины – 0,34%, адыгейцы – 0,26%. Русское население частично компенсировало демографический спад за счет миграции, украинская и белорусская этнические группы по сравнению с переписью 2002 г. сократились соответственно на 36 и 13%. Уменьшилось число проживающих в крае греков, адыгов, немцев. В то же время растет армянская этническая группа. По сравнению с данными переписи 2002 г. численность армян выросла на 2,5%, а по сравнению с переписью 1989 г. – на 64%. Этнический состав населения края меняется в результате: различий в режимах воспроизводства населения его городов, внешней миграции, смены этнической идентичности. Существенную часть прибывающих в Краснодарский край составляют жители северных и восточных регионов России, не только завершающие свою трудовую деятельность и стремящиеся переселиться на территорию с более благоприятным климатом, но и люди трудоспособного возраста, заинтересованные найти хорошую работу. Для края это ведет к увеличению как демографической, так и инфраструктурной нагрузки.

В условиях социально-политических трансформаций увеличивается вероятность возникновения межрегиональных противоречий, которые связываются с горизонтальной мобильностью и возникающей при этом депривацией в условиях разницы уровней жизни, «административной ревности» регионов, международных и геополитических факторов, которые вызывают всевозможные претензии и противоречия.

Конфликтогенный потенциал помимо высокой этнической мозаичности населения создает неравномерность миграционных потоков. «Сохраняется неравномерность миграционных процессов в субъектах РФ в пределах ЮФО. Направленность миграционного потока в основном в южные и западные районы Краснодарского края и Ростовской области при высокой плотности населения создает объективные предпосылки для

межэтнической напряженности и локальных конфликтов»¹. Указанные тенденции присутствуют и в настоящее время. Значительная часть мигрантов оседает в крупных городах и на Черноморском побережье, а принимающее сообщество заинтересовано переориентировать усиливающийся поток переселенцев в северные и предгорные районы, которые считаются по краевым меркам – депрессивными. Высокий уровень миграции опасен для Кубани социально-экономическими проблемами, а также стимулирует политическую, экономическую и социальную напряженность. По данным Краснодарстата за январь – август 2018 г. миграционный прирост увеличился на 40% по сравнению с тем же периодом 2017 г. В рассматриваемый период значительно выросла международная миграция (на 69%), в том числе со странами СНГ (на 76%).

Для сравнительной оценки отдельных регионов Юга России по уровню развития человеческого потенциала проведена картография «стабильных» и «проблемных» зон макрорегиона на основе статистического анализа. Так, проведен статистический анализ муниципальных образований Краснодарского края по показателям национального состава (для оценки уровня этнической конфликтности в регионе), объема инвестиций в основной капитал (за исключением бюджетных средств) в расчете на 1 человека, оценки среднемесячной номинальной начисленной заработной платы работников крупных, средних предприятий, некоммерческих организаций (для оценки уровня стабильности региона). Благоприятный инвестиционный климат является показателем стабильности в развитии муниципального образования, в том числе рынка труда за счет создания новых рабочих мест. Уровень заработной платы является базовым показателем качества жизни населения региона, что, по данным экспертного опроса, является одним из важнейших факторов развития человеческого потенциала.

Картографические данные по Краснодарскому краю (2017 г.) (рис. 3) демонстрируют неравномерность регионального развития. Наиболее стабильные муниципальные образования субъекта

¹ Матишов Г.Г., Батиев Л.В. Атлас социально-политических проблем, угроз и рисков Юга России // Актуальные проблемы безопасности в условиях конфликтной ситуации на Юге России. Краснодар, 2007.

федерации концентрируются вдоль Черноморского побережья, особенно в районе г. Новороссийска, г. Анапы и г. Темрюка, т.е. в непосредственной близости от морской приграничной зоны с Республикой Крым. Комфортный инвестиционный климат демонстрирует сам г. Краснодар. К зонам нестабильности можно отнести районы Краснодарского края, граничащие со Ставропольским краем и Карачаево-Черкесией. В данных муниципалитетах заметно ниже по сравнению с западной частью региона номинальная начисленная заработная плата и низкая инвестиционная активность.

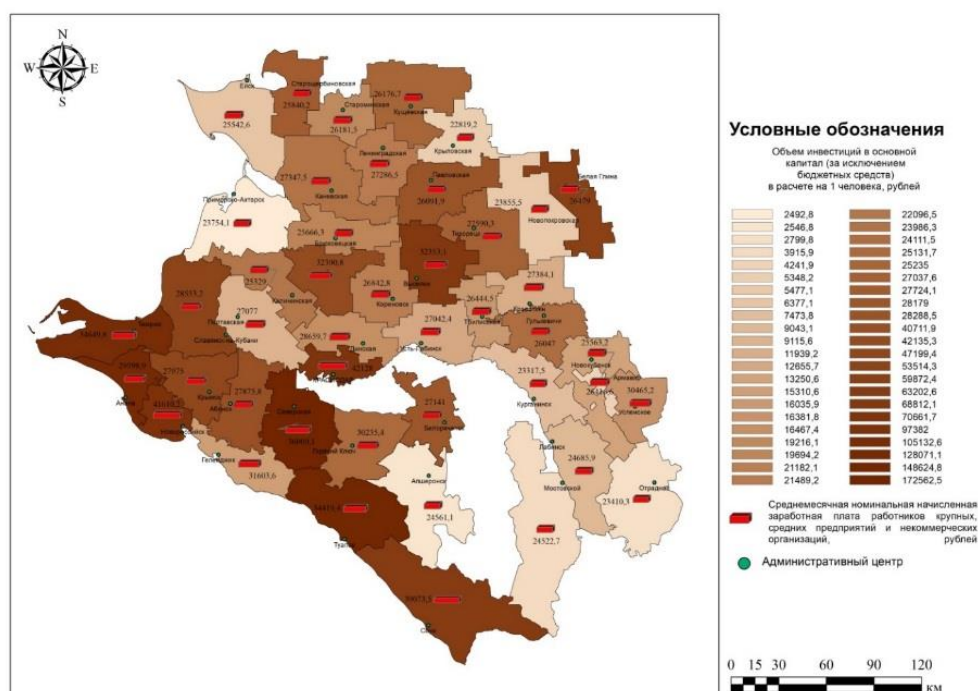

Рисунок 3 – Объем инвестиций в основной капитал (за исключением бюджетных средств) в расчете на 1 человека, среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников крупных, средних предприятий, некоммерческих организаций, Краснодарский край, 2017 г. (данные Росстата)

В Краснодарском крае потенциально конфликтной зоной является г. Сочи, имеющий крайне неоднородный национальный состав, в структуре которого русские составляют всего 62%, в то время как по краю численность русских превышает 85%. В самом же г. Краснодаре численность титульной нации примерно

соответствует статистике по краю – 88%. Уровень межэтнической напряженности в Краснодарском крае является низким.

Согласно данным экспертного опроса (n=40, в качестве экспертов выступали представители Администрации Краснодарского края, представители науки, управления и бизнеса), в течение ближайших 5-7 лет в Краснодарском крае будет происходить интенсификация миграционных процессов и, соответственно, трудовой конкуренции, на фоне смягчения миграционной политики. Однако, среди экспертов нет единого мнения относительно силы влияния фактора миграционной политики на ситуацию в регионе в целом. Так, в среднем сила влияния данного фактора на региональное развитие оценивается в 6,7 баллов из 10-ти возможных с разбросом мнений от 3 до 10 баллов.

Всего в процессе исследования было проанализировано 55 факторов (табл. 15), которые потенциально могут оказывать влияние на развитие человеческого потенциала в Краснодарском крае (см. инструментарий, Приложение Б). По мнению экспертов, наиболее существенным факторами развития человеческого потенциала в регионе, являются:

– *политика в области образования*, в которой упор, с точки зрения экспертов, будет делаться на подготовку высококвалифицированных специалистов, прогнозируется элитизация высшего образования, развитие проектных форм обучения и снижение бюрократии;

– *контент в интернете и социальных сетях*, содержание которого большинство экспертов охарактеризовали как информационную состязательность, в ущерб сотрудничеству и взаимопомощи;

– *уровень жизни населения* (большинство экспертов прогнозирует снижение);

– *реформа высшего образования*, которая экспертами была воспринята неоднозначно (данный фактор не был определен ни как препятствующий развитию, ни как способствующий формированию благоприятных условий);

– *государственный контроль СМИ*, который в будущем будет усиливаться;

– *уровень коррупции* был обозначен экспертами как основной фактор, оказывающий значительные препятствия для развития

человеческого потенциала в крае, и имеющий явную тенденцию к росту;

– *социальная политика*, финансовое обеспечение которой, по мнению большинства экспертов, будет сокращаться в пользу финансирования сферы безопасности;

– *курс экономического развития*, который был охарактеризован экспертами как инвестиционный с явным интеграционным потенциалом;

– *уровень конфликтности между странами* (экспертами прогнозируется усиление и конфликтогенность по отношению к человеческому развитию);

– *глобализационный процесс*.

Таблица 15

Ранжирование факторов, оказывающих влияние на развитие человеческого потенциала в Краснодарском крае
(по данным экспертного опроса)

Место	Список факторов	Сила влияния фактора (шкала от 0 до 1, где 1 – максимальное влияние)	Направленность влияния (шкала от -1 «фактор создает значительные препятствия развитию ЧП» до 1 «определенно способствует развитию ЧП»)
1	Политика в области образования	0,790	0,538
2	Контент в интернете и социальных сетях	0,785	0,590
3	Уровень жизни населения	0,762	0,256
3	Реформа высшего образования	0,759	0,256
4	Гос. контроль СМИ, информации в интернете	0,746	0,053
5	Уровень коррупции	0,741	-0,795
6	Социальная политика	0,736	0,308
7	Курс экономического развития	0,736	0,447
8	Уровень конфликтности между странами	0,736	-0,553
9	Глобализационный процесс	0,723	0,462
10	Уровень специалистов/ качество профессиональной подготовки	0,718	0,641
11	Степень социального неравенства	0,715	-0,436
12	Молодежная политика	0,715	0,769
13	Уровень информационной безопасности	0,713	0,256
14	Уровень инфляции	0,713	-0,333
15	Программы социальной поддержки граждан	0,705	0,744
16	Программы развития молодежных общественных объединений, молодежных и детских центров, поддержки молодых талантов	0,705	0,949

17	Внешняя политика	0,700	0,359
18	Уровень трудовой конкуренции	0,697	0,641
19	Развитие инновационных кластеров экономики	0,697	0,436
20	Уровень инновационно-технического развития региона, внедрения инновационных видов экономической деятельности	0,697	0,462
21	Бюрократические механизмы	0,697	-0,763
22	Внешнеполитическое влияние на экономики стран	0,697	-0,154
23	Программы развития предпринимательства, поддержка малого и среднего бизнеса	0,692	0,667
24	Курс экономического развития	0,692	0,462
25	Уровень безработицы	0,685	-0,462
26	Федеральные СМИ	0,682	0,487
27	Развитие сети образовательных учреждений переподготовки, повышения квалификации / переквалификации кадров	0,677	0,692
28	Внешнее культурное влияние	0,667	0,077
29	Контроль рынка	0,664	0,053
30	Уровень трудовой миграции	0,659	0,308
31	Пенсионная реформа	0,659	-0,231
32	Отношения с соседними регионами	0,656	0,641
33	Курс валюты	0,651	-0,205
34	Отношения с соседними странами	0,651	0,103
35	Цены на нефть	0,644	-0,256
36	Миграционная политика	0,641	0,308
37	Развитие сегментов постоянной занятости	0,641	0,256
38	Уровень международной миграции в контексте мировых глобальных процессов	0,615	-0,079
39	Реформа государственного управления и администрирования	0,600	0,103
40	Полномочия региональных властей	0,597	-0,027
41	Реформа силовых структур	0,595	0,128
42	Программы по гармонизации межнациональных отношений, развитию национальных культур, укреплению российской нации	0,592	0,462

43	Миграционный контроль	0,579	0,289
44	Уровень преступности	0,574	-0,179
45	Мировые СМИ	0,567	0,103
46	Деятельность социально-ориентированных НКО	0,559	0,474
47	Реформа ЖКХ	0,544	0,105
48	Деятельность организаций политической направленности	0,538	0,211
49	Программы развития сети учреждений соц. поддержки и образования для интеграции и проф. подготовки мигрантов, миграционных центров	0,533	0,333
50	Региональные СМИ	0,531	0,333
51	Расширение НАТО	0,531	-0,158
52	Деятельность НКО, представляющих интересы этнических групп (диаспоры, национальные объединения)	0,518	0,368
53	Деятельность казачьих обществ	0,497	0,135
54	Уровень экстремизма и ксенофобии	0,467	-0,128
55	Деятельность религиозных организаций	0,467	0,351

Однозначно благоприятными факторами для развития человеческого потенциала в регионе являются программы развития молодежных общественных объединений, молодежных и детских центров, поддержки молодых талантов, молодежная политика в целом, программы социальной поддержки граждан.

Также существенную роль, по мнению экспертов, играет уровень инновационного и технического развития региона, внедрения инновационных видов экономической деятельности и взаимоотношения с соседними регионами. Последний фактор, прежде всего, обусловлен тесным соседством с Республикой Адыгея, взаимоотношения с которой, несмотря на тесное сотрудничество, имеют и латентный конфликтный потенциал, связанный с исторической памятью: наблюдается активность адыгских национальных движений, которые выступают за сохранение статуса республики, организуют митинги за организацию и поддержку репатриации черкесской диаспоры,

поднимают вопросы геноцида адыгов, укрупнения региона и слияния Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии и т.д. Интересно, что согласно данным анкетного опроса (n=380) проведенного в Краснодарском крае в мае - сентябре 2018 г., для молодежи Краснодарского края из национальных групп, населяющих регион, ближе всего адыгейцы, которые «опередили» даже украинцев. Хотя частота встречаемости установок на максимальную близость (готовность принять как членов семьи) по отношению к украинцам наблюдается немного чаще, чем по отношению к адыгейцам. Наибольшую дистанцированность участники опроса демонстрируют по отношению к уроженцам Средней Азии и азиатам (китайцы, корейцы) (рис. 4).

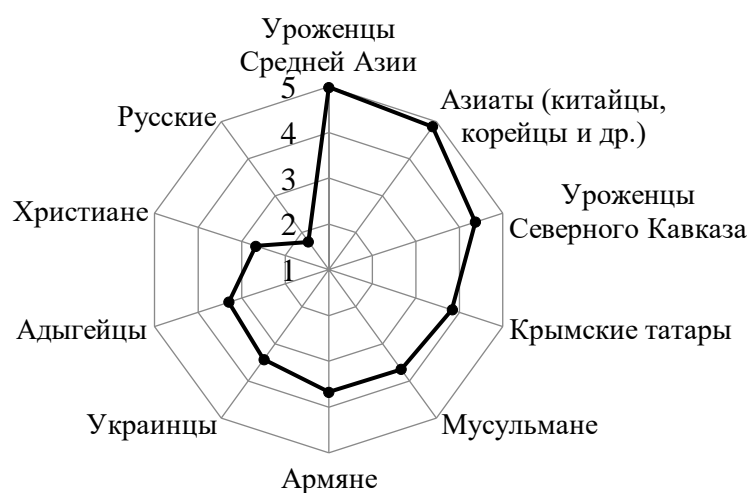

Рисунок 4 – Результаты измерений по шкале социальной дистанции Э. Богардуса (измерение производилось по шкале от 1 – максимальная близость до 9 – максимальная отдаленность)

Как известно, в регионах Юга России, в том числе в Краснодарском крае, веками складывалась своеобразная территориальная идентичность «казачьей границы». Для региональных сообществ характерны ориентации индивидуализма и предприимчивости, а также глубокой религиозности и этатизма. Социально-политические трансформации четверть векового периода постсоветских лет причудливым образом объединяли традиционные и модернистские тенденции в культуре и повседневности. Но при этом обострялось осознание «пограничности» существования различных групп интересов, а

также наличествовал феномен «двойной периферии». Однако, согласно данным анкетного опроса (n=430), в наибольшей степени жители региона ощущают себя россиянами (более 30% опрошенных), т.е. в сознании молодых жителей края (в опросе приняли участие люди в возрасте 16-35 лет) преобладает гражданская идентичность. На тенденцию к усилению гражданской идентичности в ближайшие годы указывают также и результаты экспертного опроса. Также значительно число участников опроса (около 30%) идентифицирует себя с жителями Земли, представителем человечества, людьми мира. Национальную идентичность (ощущают себя человеком определенной национальности) только десятая часть опрошенных. Данный факт указывает на постепенную смену направленности идентичности в сторону глобальных сообществ. Здесь прослеживается неуклонное влияние процесса глобализации, который, как было доказано выше, в настоящее время становится актуальным фактором регионального развития. Описанные процессы указывают на трансформацию региональной идентичности в сторону размывания этнотерриториальных границ.

В рамках экспертного опроса была создана **модель развития человеческого потенциала Краснодарского края** в течение ближайших 10 лет (до 2035 года). Для этого использовалась методика сценарного прогнозирования. Рассматривались следующие вероятные сценарии: интенсивное развитие, экстенсивное, стагнация, регрессия и деградация (рис. 5). Подробное описание данных сценариев представлено в публикациях¹.

¹ Юрченко И.В., Донцова М.В., Юрченко Н.Н. Факторы интеграции и конфликта в развитии человеческого потенциала Юга России: методология исследования // Историческая и социально-образовательная мысль. Краснодар, 2017. Т. 9. № 5-2. С. 155-161.

Рисунок 5 – Альтернативные сценарии развития человеческого потенциала в регионе

Полученные данные указывают, что наиболее вероятный сценарий развития региона можно охарактеризовать как *экстенсивный с тенденцией перехода к интенсивному развитию в отдаленной перспективе*. Эксперты указывают на вероятное увеличение рождаемости, семей, имеющих 2-х и более детей, продолжительности жизни и численности трудоспособного населения при средней способности к трудовой деятельности (с течением времени данная способность практически не будет качественно улучшаться, что может указывать на вероятное снижение качества трудовых ресурсов при условии их количественного роста). Уровень профессионализма кадров и ответственности в трудовой деятельности в настоящее время соответствует уровню, минимально необходимому для стабильного развития региона, однако, по данным параметрам отсутствуют достаточные условия для опережающего развития. Положительной тенденцией является вероятное повышение профессионализма кадров, ответственности и здоровой конкуренции. Повышение ответственного отношения к труду вероятнее всего будет происходить за счет ужесточения дисциплинарных мер. Сегменты постоянной занятости населения будут проявлять нестабильность (многие эксперты указали на вероятность уменьшения их количества), однако, на этом фоне эксперты отмечают тенденции к повышению способности членов общества к предпринимательскому риску, предпринимательской активности, что является положительным моментом. По мнению

большинства экспертов, будет наблюдаться некоторое ослабление мотивации к достижению целей и готовности вступать в отношения сотрудничества, но с течением времени состояние данных показателей может измениться в лучшую сторону, ценностные ориентиры будут обусловлены в большей степени экономической составляющей. На этом фоне присутствует неявная тенденция к снижению способности населения воспринимать культурные ценности и воспроизводить культурные образцы своей общности, что может повлечь за собой усиление кризиса идентичности.

Однако, экспертами замечено, что уровень межэтнического доверия и готовность вступать в отношения сотрудничества с носителями другой веры будет со временем только повышаться и в настоящее время данный показатель является достаточным для бесконфликтного развития региона. Также положительные тенденции вероятнее всего наблюдаться в области развития способности к самообразованию и творческой деятельности, что, безусловно, может дать толчок, в том числе к дальнейшему развитию инновационного потенциала. Согласно мнению большинства экспертов, в настоящее время инновационное развитие региона недостаточно для опережающего развития и соответствует консервативному способу производства, однако, в будущем прогнозируется принципиальное изменение ситуации – Краснодарский край будет претерпевать период интенсивного инновационного и технического развития, внедрения инновационных видов экономической деятельности, что, безусловно, дает надежду на более благоприятные прогнозы, но в отдаленной перспективе. Такими же тенденциями характеризуется способность жителей региона к адаптации в условиях диверсификации экономики.

В целом, согласно данным экспертного опроса уровень развития человеческого потенциала в Краснодарском крае составляет по усредненным оценкам 55% (с размахом 20-100% от уровня развитых западных стран), при этом, в течение 5 лет, будет наблюдаться рост показателей человеческого развития, хотя и небольшой. Многие эксперты указывали на важность развития сети образовательных инструментов переквалификации кадров в регионах. Для муниципалитетов важное значение играет уровень поддержки молодых семей. Конкретно для Краснодарского края

значимое влияние оказывает уровень трудовой миграции. Среди факторов федерального уровня на развитие человеческого потенциала в регионах значительное влияние, по мнению экспертов, оказывают экономическое развитие страны, колебания курса валют, а также степень государственного контроля. Также экспертами была отмечена значимость процессов глобализации/изоляционизма для развития человеческого потенциала регионов, а также сотрудничества стран в сфере борьбы с терроризмом. Негативным фактором является усиление противоречий между странами, вооруженные конфликты. Эксперты подчеркивают роль этического мышления для оздоровления современного общества, переживающего кризисные внутренние и внешние воздействия и испытания глобализацией.

Установлено, что в Краснодарском крае больше превалирует, по Р. Мертону, «позитивный тип» взаимодействия. Так, по мнению большинства экспертов, уровень ответственности в трудовой деятельности в крае достаточен для стабильного развития региональной общности, однако, значительная часть экспертов указывает на вероятность снижения данного показателя в ближайшие 5-7 лет, но с возможностью роста к 2030 г. Также на позитивные тенденции указывает и оценка уровня распространения радикальных идей, который, по мнению большинства экспертов, настолько низкий, что не мешает стабильному и бесконфликтному развитию региона. При этом такое положение будет сохраняться вплоть до 2030 г., а, по мнению некоторых экспертов, уровень радикализации даже будет снижаться. Кроме того, эксперты указывают на положительный тренд развития гражданской идентичности в полиэтничном Краснодарском крае и способности воспринимать иные культурные ценности.

Таким образом, в рамках исследования проблем социально-политических трансформаций на Юге России в условиях глобализации необходимо рассматривать локальные и региональные процессы в контексте выявления специфики развития человеческого потенциала в субъекте федерации. При этом в рамках изучения системы социально-политической безопасности следует акцентировать внимание на выяснение сущности основных причин, расшатывающих систему базовых принципов и функций, а также социальной природы возникающих

социально-экономических дисфункций, таких как, например, коррупция. В процессе разработки теории и механизмов обеспечения национальной и региональной безопасности исследуется эффективность функционирования всех элементов и компонентов человеческого развития, что позволяет диагностировать ее уровень, выработать критерии на основе объективной и своевременной информации, а также применять конкретные методики профилактики и урегулирования возникающих конфликтов.

Механизм обеспечения социально-экономической безопасности на региональном уровне осуществляется через практические действия, которые включают определение совокупности региональных интересов (обеспечение и поддержание достойного уровня жизни (благополучия) населения региона, рациональное использование имеющегося экономического потенциала, реализация независимой региональной социально-экономической и образовательной политики региона, сбалансированность и интегрированность в финансовую систему страны, а также необходимость защиты интересов от различного рода внутренних и внешних угроз при соблюдении баланса с общенациональными интересами).

В процессе исследования установлено, что оптимизация управленческой деятельности – это результат многовекторного взаимодействия участников и заинтересованных сторон принятия тех или иных решений, и поэтому требуется совокупность методов оценки регулирующего воздействия и определения эффективности управляемости и его степени по принципу многоуровневого конфликтологического анализа. При этом индикаторы и показатели конфликтности являются одновременно способом определения направленности интеграционных процессов альтернативных акторов социальных взаимодействий, что позволяет исследовать не только структуру, но и качество отношений в группах и межгрупповых социальных связей по степени сплоченности и разобщенности исследуемой социальной общности.

Системные модели конфликта и интеграции в региональном измерении основаны на определенной классификации факторов, т.е. выделении из всего множества событий и явлений, оказывающих воздействие на возникающие тенденции. В научном

инструментарии факторного анализа развития человеческого капитала полиэтничного социума основное место отводится разработке системы показателей и индикаторов уровней интеграции и конфликтности. Анализ сложной структуры идеологического самосознания, состоящей из когнитивного, эмоционального и поведенческого компонентов показывает, какие факторы оказывают влияние на уровень социальной интеграции или, наоборот, конфликтности исследуемой региональной общности, являющейся составной частью суверенного государства. Под индикаторами можно понимать определенные пороговые значения показателей конфликтности, выход за пределы которых означает появление дестабилизации.

Принимая во внимание ментальную, идеологическую и социально-психологическую основу человеческого капитала в полиэтничном социуме, при построении системы индикаторов в данном исследовании применяется новый подход, учитывающий не только фактический результат социальной интегрированности человеческих ресурсов в сферах демографического, социального, производственного и этнокультурного развития, но и потенциальный эффект, выраженный в потребностях и установках. В глобальных измерениях человеческого потенциала используется также и уровень дохода. При расчете уровня интеграции в данном исследовании заложено представление, что материальное положение граждан во многом зависит от социально-экономического состояния региона, в том числе качества работы властей, поэтому материальный уровень можно рассматривать, скорее, как фактор, а не показатель интегрированности человеческого капитала.

Эмпирические результаты исследования демонстрируют характер влияния основных параметров состояния внутренней социально-политической среды региона на уровень интеграции человеческого потенциала и степень конфликтности объекта исследования. В качестве показателей интеграции человеческого капитала в процесс развития полиэтничного региона в данном исследовании определены: демографическое развитие, вовлеченность в производственное развитие, интеллектуальное развитие, развитие межэтнических отношений, инновационное развитие. В процессе анализа эмпирического материала произведена апробация оригинальных методик измерения

указанных показателей, а также идеологической и социально-психологической составляющей ментальной среды региона.

Важным показателем уровня конфликтности является готовность участия в акциях протеста. Согласно результатам опроса 2017 г., протестный потенциал респондентов Краснодарского края составляет 21%, что статистически соответствует наблюдению 2016 г. (уровень протестной активности тогда составил 20%) и указывает на отсутствие значительного колебания уровня протестной активности в ходе текущего электорального цикла. Среди жителей края, испытывающих готовность к участию в акциях протеста, гораздо больше сочувствующих оппозиции по сравнению с теми, кто не желает протестовать. Массовый опрос 2018 г. показал повышение протестного потенциала на 8,4% по сравнению с 2017 г., что может объясняться волнениями, связанными с принятием закона о пенсионной реформе в 2018 г.

На основе анализа отдельных конфликтогенных и интеграционных факторов развития сложносоставного южно-российского социума, рассматриваются некоторые проблемы обеспечения региональной безопасности в Черноморском регионе в контексте противодействия угрозам социокультурного характера и опасности идеологического экстремизма. Установлено, что сохраняется опасность уменьшения влияния русской культуры в отдельных регионах Причерноморья, особенно трудно интегрирующихся в единое цивилизационное пространство России. Реальное сужение границ российского влияния в Чёрном море в постсоветский период привело к появлению новых вызовов и угроз для региональной безопасности, что потребовало выработать тактику эффективного реагирования на возникающие ситуации, и внесения серьезных дополнений и корректив в политическую стратегию Российского государства, отказа от стереотипов во взаимодействии с политическими игроками.

РАЗДЕЛ 6. ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА В ПОЛИЭТНИЧНОЙ СРЕДЕ ЮГА РОССИИ В КОНТЕКСТЕ РЕАЛИЗАЦИИ ЦЕЛЕЙ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ (НА ПРИМЕРЕ КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ И РЕСПУБЛИКИ КРЫМ)

Актуальность исследуемой темы обусловлена кардинальными изменениями, происходящими в системе международных отношений и геополитической картографии, которые ставят на первый план проблемы безопасности российского общества, его устойчивое, инновационное развитие и конкурентоспособность посредством повышения уровня человеческого потенциала и социально-политической интеграции. «Именно тот актер, который лучше овладеет технологиями урегулирования отношений в условиях конфликтности, будет доминировать в решении спорных вопросов, а для этого необходимо иметь результаты всестороннего анализа факторов конфликта и интеграции влиятельных социальных групп в том или ином регионе. Рост рисков, связанных с экономическими и социальными проблемами, может породить социальную напряженность, повлиять на основные качественные параметры человеческого потенциала, динамику социального и демографического развития, угрозу размораживания «замороженных» конфликтов и возникновения новых, трансформации конфликтности низкой интенсивности в высокую степень напряженности. Поскольку помимо инновационных эффектов институционального характера одним из важнейших ресурсов, который обеспечивает прогрессивное развитие территориальной общности является человеческий ресурс, необходимо определить факторы, которые влияют на качество человеческого капитала, социально-демографических характеристик различных регионов страны. В частности, особую актуальность имеет ситуация на Юге России – полиэтничном регионе, имеющем особое геополитическое значение для нашей страны. В современной науке получает развитие компонентный подход измерения человеческого потенциал. Широкий спектр научных возможностей дает анализ компонентов применительно к региональному развитию. В этой связи весьма актуальной

является проблема поиска оптимальных индикаторов измерения уровня человеческого развития»¹.

Описание экспериментальных методик измерения.

Принимая во внимание этническую, идеологическую и социально-психологическую основу человеческого капитала в полиэтничном социуме, при построении системы индикаторов важно учитывать не только фактический результат социальной интегрированности человеческих ресурсов в сферах демографического, экономического, производственного и этнокультурного развития, но и вероятные возможности, выраженные в потребностях и установках. Опираясь на данную идею и описанную выше теоретическую интерпретацию, выделим следующие компоненты человеческого потенциала в полиэтничном регионе:

1) демографический потенциал (наличие детей и желание иметь детей);

2) трудовой потенциал (наличие полезной занятости и желание иметь постоянную работу на условиях полной занятости);

3) интеллектуальный потенциал (уровень образования и желание повысить образовательный уровень);

4) потенциал гражданского самосознания и качество этноконфессиональных отношений (этнокультурный потенциал) (факты оскорблений, конфликтов на почве национальной и религиозной нетерпимости, факты бытовых конфликтов с представителями иных этнических групп, стремление понимать и изучать культуру и традиции других народов, стремление понимать и изучать различные религии, кроме своей собственной, тип идентичности);

5) инновационный потенциал и активность в бизнесе (наличие результатов новаторской деятельности, желание заниматься новаторской деятельностью, наличие своего дела/бизнеса, желание открыть свой бизнес),

¹ Донцова М.В., Юрченко И.В., Юрченко Н.Н. Факторы интеграции и конфликта в развитии человеческого потенциала Юга России: методология исследования // Историческая и социально-образовательная мысль. 2017. Т. 9. № 5-2. С. 155. DOI: 10.17748/2075-9908-2017-9-5/2-155-161.

б) социально-экономический потенциал (уровень жизни) (материальное положение, удовлетворенность материальным положением).

Описанная идея отражена в операционализации понятия «человеческий потенциал» (табл. 16).

Таблица 16

Операционализация понятия «человеческий потенциал» с учетом этнической составляющей

Компоненты	Фактические индикаторы (Fact indicator - F)		Индикаторы установок (Attitude indicator – A)	
	Название	Вес	Название	Вес
1. Демографический потенциал (DP) (max 10 баллов) $DP = F_1 * A_1 + 1$	F ₁ – Наличие детей	1	A ₁ – Желание иметь детей	0
	– детей нет	2	– нет желания	1
	– один ребенок	3	– ориентация на семью с одним ребенком	2
	– двое детей и более		– ориентация на семью с двумя детьми	3
			– ориентация на создание многодетной семьи	
2. Трудовой потенциал (LP) (max 10 баллов)	F ₂ – Наличие полезной занятости		A _{2a} – Желание иметь постоянную работу	
	– наличие постоянной работы на условиях полной занятости	6	– да, на условиях полной занятости	3
	– наличие временной работы на условиях полной занятости	5	– да, на условиях частичной занятости	2
	– совмещение учебы и работы	4	– нет, ориентация на иные формы занятости	1
	– учеба	3	– нет желания работать	0
	– иные формы занятости	2	A _{2c} – Желание уехать из страны на заработки	
		1	– нет	1
		0	– да	-1
			– неопределенный ответ	0

	<ul style="list-style-type: none"> - отпуск по уходу за ребенком/ домохозяйка - безработный 			
<p>3. Интеллектуальный потенциал (IntP) (max 10 баллов) $IntP = F_3 + A_{3a} + A_{3b}$</p>	<p>F_3 – Уровень образования</p> <ul style="list-style-type: none"> - среднее образование - среднее специальное - неполное высшее/высшее - наличие степени магистра - наличие степени кандидата наук 	<p>1</p> <p>2</p> <p>3/4</p> <p>5</p> <p>7</p>	<p>A_{3a} – Желание повысить образовательный уровень</p> <ul style="list-style-type: none"> - устраивает нынешний - на один уровень - на 2 уровня - на 3 уровня - на 4 уровня <p>A_{3b} – Желание получить образование в другой стране</p> <ul style="list-style-type: none"> - да, и вернуться в Россию - нет, но если бы это случилось, вернулся в Россию - иной вариант 	<p>0</p> <p>1</p> <p>2</p> <p>3</p> <p>4</p> <p>2</p> <p>1</p> <p>0</p>

<p>4. Развитие гражданского самосознания и качество этноконфессиональных отношений (этнокультурный потенциал - TP) (max 10 баллов) TP= F_{4a}+ F_{4b} + A_{4a} + A_{4b}+ A_{4c}</p>	<p>F_{4a} – Факты оскорблений, конфликтов на почве национальной и религиозной нетерпимости</p> <p>– да</p> <p>– нет</p>	<p>0</p> <p>1</p>	<p>A_{4a} – Стремление понимать и изучать культуру и традиции других народов</p> <p>– не выражено</p> <p>– слабо выражено</p> <p>– частично</p> <p>– в полной мере</p>	<p>0</p> <p>1</p> <p>2</p> <p>3</p>
	<p>F_{4b} – Факты бытовых конфликтов с представителями иных этнических групп</p> <p>– да</p> <p>– нет</p>	<p>0</p> <p>1</p>	<p>A_{4b} – Стремление понимать и изучать различные религии, кроме своей собственной</p> <p>– не выражено</p> <p>– слабо выражено</p> <p>– частично</p> <p>– в полной мере</p>	<p>0</p> <p>1</p> <p>2</p> <p>3</p>
				<p>A_{4c} – Тип идентичности</p> <p>– общегражданская идентичность</p> <p>– иной тип идентичности</p> <p>– не определена</p>
<p>5. Инновационный потенциал и активность в бизнесе (IP) (max 10 баллов) IP= F_{5a}+ F_{5b} + A_{5a} + A_{5b}</p>	<p>F_{5a} – Наличие результатов новаторской деятельности</p> <p>– да</p> <p>– нет</p> <p>F_{5b} – Наличие своего дела/бизнеса</p> <p>– да</p> <p>– нет</p>	<p>4</p> <p>0</p> <p>4</p> <p>0</p>	<p>A_{5a} – Желание заниматься новаторской деятельностью</p> <p>– да</p> <p>– нет</p> <p>A_{5b} – Желание открыть свой бизнес</p> <p>– наличие конкретных планов</p> <p>– есть желание, интерес и готовность к риску</p>	<p>2</p> <p>0</p> <p>3</p> <p>2</p> <p>1</p> <p>0</p>

			<ul style="list-style-type: none"> - есть желание, но нет готовности рисковать - нет 	
б. Социально-экономический потенциал (уровень жизни) (EP) (max 10 баллов) $EP = F_6 + A_6$	F_6 – Материальное положение <ul style="list-style-type: none"> - тяжелое - затруднительное - приемлемое - нормальное - хорошее 	<ul style="list-style-type: none"> 0 1 3 5 7 	A_6 – Удовлетворенность уровнем жизни <ul style="list-style-type: none"> - отсутствует - выражена слабо - частичная - полная 	<ul style="list-style-type: none"> 0 1 2 3

Показателем максимального уровня является наличие у актора всех перечисленных свойств, т.е. индекс индивидуального развития исчисляется как сумма значений фактических индикаторов и индикаторов установок. Таким образом, формула измерения индивидуального потенциала в полиэтничном социуме будет иметь следующий вид:

Формула 1

$$IP = \frac{\sum F_i + \sum A_i}{6},$$

где F_i - индикаторы фактического участия в процессе общественного развития, A_i - индикаторы установок. Индекс измеряется в интервале $[0;10]$, где 10 – максимальный уровень.

Предложенная модель является идеальной моделью человеческого развития, максимальные показатели в которой характеризуют личность, ориентированную на расширенную семью, полную трудовую занятость, высокий образовательный

уровень, наличие гражданского самосознания и этноконфессиональной терпимости, стремление заниматься новаторской деятельностью и испытывающую удовлетворенность своим уровнем жизни.

Индикаторы, выделенные в процессе эмпирической интерпретации понятия «человеческий потенциал» тесно коррелируют с показателями, имеющими важнейшее значение для выживания и развития страны и являющихся базовыми задачами внутренней политики, закрепленными в правовых нормах:

1) демографическое развитие: «повышение уровня рождаемости (увеличение суммарного показателя рождаемости в 1,5 раза) за счет рождения в семьях второго ребенка и последующих детей»¹;

2) развитие рынка труда и рабочей силы: «создание правовых, экономических и институциональных условий, обеспечивающих развитие гибкого, эффективно функционирующего рынка труда, позволяющего преодолеть структурное несоответствие спроса и предложения на рабочую силу, сократить долю нелегальной занятости, повысить мотивацию к труду и трудовую мобильность»;²

3) развитие гражданского самосознания, межнационального доверия и толерантности: «поддержка программ формирования единой российской гражданской нации, национально-государственной идентичности, воспитание толерантности к представителям различных этносов, межнационального сотрудничества»³, «развитие социокультурной трансформации

¹ Концепция демографической политики РФ на период до 2025 г. (утв. Указом Президента РФ от 9 октября 2007 г. № 1351) // СПС «Гарант». URL: <https://base.garant.ru/191961/53f89421bbdaf741eb2d1ecc4ddb4c33/> (дата обращения: 02.09.2019).

² Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Содействие занятости населения». Постановление Правительства РФ от 15.04.2014 № 298 (ред. от 28.03.2019) // СПС «Консультант Плюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_162169/ (дата обращения: 08.09.2019).

³ О Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года. Распоряжение Правительства РФ от 17.11.2008 № 1662-р (ред. от 28.09.2018) // СПС «Консультант-Плюс». URL:

многомерно-сложного полиэтничного российского социума в полиэтничное, но внутренне гомогенное гражданское общество»;¹

4) повышение качества жизни населения: «...удовлетворение материальных, социальных и духовных потребностей граждан, снижение уровня социального и имущественного неравенства населения, прежде всего, за счет роста его доходов»;²

5) развитие образования и стимулирование мотивации к образованию: «свобода выбора получения образования согласно склонностям и потребностям человека, создание условий для самореализации каждого человека, свободное развитие его способностей...»;³

б) инновационное развитие страны, в том числе в сфере бизнеса и предпринимательства: «создание благоприятного предпринимательского климата и условий для ведения бизнеса, повышение инновационной активности бизнеса»⁴.

Отдельное место в государственной политике занимает проблема «утечки умов», которая реализуется в задачах сокращения убыли высококвалифицированных трудовых

http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82134/ (дата обращения: 12.11.2019).

¹ О концепции национальной образовательной политики Российской Федерации. Приказ Министерства образования и науки РФ от 3 августа 2006 г. № 201 // Справочно-правовая система. «Гарант». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/90016/> (дата обращения: 11.09.2019).

² О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации. Указ Президента РФ от 31.12.2015 № 683 // СПС «Консультант-Плюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_191669/ (дата обращения: 13.11.2019).

³ Об образовании в Российской Федерации. Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ (ред. от 26.07.2019) // Справочно-правовая система «Консультант-Плюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/15956ae575273a483e753fc119fb41fc4c37f846/ (дата обращения: 10.10.2019).

⁴ Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Экономическое развитие и инновационная экономика». Постановление Правительства РФ от 15 апреля 2014 года № 316 // СПС «Консультант Плюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_162191/ (дата обращения: 08.09.2019).

ресурсов в другие страны, особенно среди молодежи. Так, В.Ю. Варавва приводит следующую статистику: «За последние 5–7 лет интеллектуальная миграция значительно «помолодела», и по данным РАН, из России уезжают до 75% молодых ученых, связанных с биотехнологиями. Поток молодых российских ученых в ОЭСР вырос с 1,9 до 2,3% в год. Почти половина из них отправляется в Китай и Индию, где биотехнологии, фармацевтическая индустрия и биоэкология питания переживают бурный рост и спрос на новые технологии в этих сферах»¹. Таким образом, данная проблема в настоящее время имеет для нашей страны весомое значение, поскольку непосредственно связана с экономической безопасностью нашей страны. Как отмечает Е.Б. Семёнова, «проблема оттока хороших специалистов является актуальной и для нашей страны, так как потери от «утечки умов» для России практически невозполнимы. Основную массу уезжающих квалифицированных кадров составляют молодые люди с высшим образованием»².

Связь эмпирических признаков в интерпретации изучаемого явления с задачами развития страны позволяет ответить на вопрос: в какой мере развитие человеческого потенциала на региональном уровне согласуется с установками государственной политики?

Таким образом, понятие «человеческий потенциал» приобретает политический смысл и может быть интерпретировано с позиции политической науки как объем энергии населения, направленной на реализацию базовых задач государственной политики и развития общества.

В июле - сентябре 2018 г. в Краснодарском крае и Республике Крым был проведен анкетный опрос, в котором приняли участие 740 чел., молодежь до 35 лет. Формирование молодежной выборки обусловлено исследовательским интересом измерения инновационного потенциала как доминантного признака

¹ Варавва М.Ю. Интеллектуальная миграция как дестабилизирующий фактор на пути к инновационной модели развития России // Россия: тенденции и перспективы развития. 2017. № 12-1. С. 537.

² Семёнова Е.Б. «Утечка умов» как процесс социальной мобильности: причины и социальные последствия // Вестник Тамбовского университета. Серия: Общественные науки. 2016. № 3 (7). С. 62.

возрастной когорты¹. Кроме того, именно молодежь является активным ресурсом, от которого зависит дальнейшее существование и развитие как страны в целом, так и отдельных ее регионов.

Половозрастной состав выборочной совокупности представлен в таблице 17. Инструментарий массового опроса представлен в Приложении А.

Таблица 17

Половозрастной состав выборочной совокупности массового опроса

Возраст	Краснодарский край (n=380)				Республика Крым (n=380)			
	Муж.		Жен.		Муж.		Жен.	
	Кол-во	% от n	Кол-во	% от n	Кол-во	% от n	Кол-во	% от n
<18	9	4,9	19	9,7	67	48,6	108	44,6
19-21	32	17,3	35	17,9	38	27,5	84	34,7
22-25	32	17,3	32	16,4	17	12,3	25	10,3
26-30	64	34,6	59	30,3	15	10,9	25	10,3
31-35	48	25,9	50	25,6	1	0,7	0	0,0

Результаты произведенных по описанной выше методике измерений (см. формула 1) и статистическое сравнение полученных результатов в региональном разрезе (использован t-тест Стьюдента проверки статистических гипотез о среднем) на массовой выборке показывают, что уровень человеческого потенциала с учетом этнической составляющей в Краснодарском Крае оказался выше (средний показатель составляет 4,84 (ДИ95% [4,74-4,96], min=1,50, max=7,83)), чем в Республике Крым

¹ Чучулина Е.В. Роль человеческого потенциала в становлении инновационной экономики региона // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Серия: Экономические науки. 2010. № 4 (102). С. 52-56.

(mean=4,68, ДИ95% [4,58-4,79], min=2,17, max=7,67), хотя и ненамного (см. рис. 6).

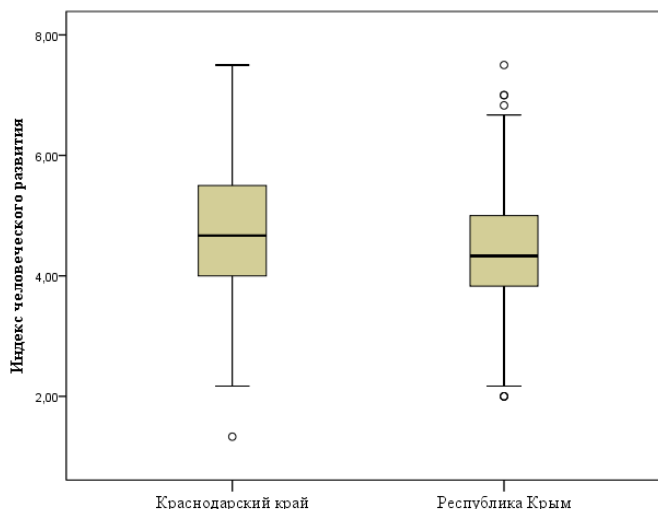

Рисунок 6 – Сравнительные характеристики уровня развития человеческого развития в молодежной среде на основе вычислений индивидуальных индексов

Исходя из полученных данных о средних значениях уровня развития человеческого потенциала в изучаемых регионах, определим средний уровень интервалом от 4 до 6 баллов, что в целом соответствует и логике шкалы с учетом того, что в выборочной совокупности максимальное значение не превышает 8 баллов. Низкий уровень развития человеческого потенциала с учетом этнической компоненты будет соответствовать интервалу от 1 до 5,9 балла и высокий – от 6,1 до 10 баллов. Категориальные соотношения уровня развития человеческого потенциала в Краснодарском крае и Республике Крым представлены на рисунке 7.

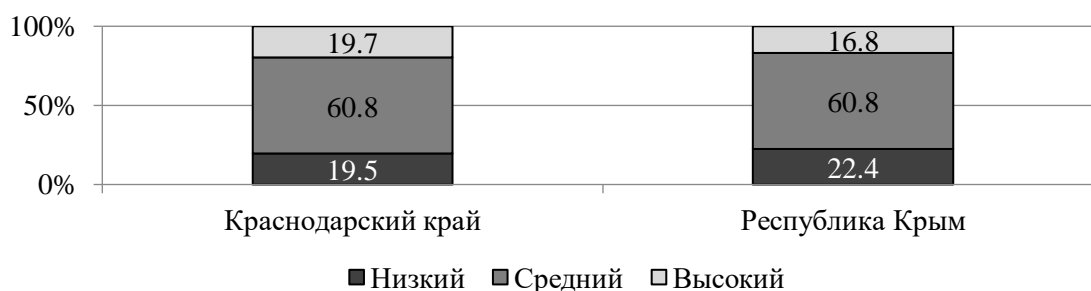

Рисунок 7 – Соотношение категорий уровня развития человеческого потенциала в молодежной среде Краснодарского края и Республики Крым

Результаты массового опроса коррелируют с результатами вычислений объективного показателя – Индекса развития человеческого потенциала. «Статистически, если анализировать динамику развития человеческого потенциала в России с помощью ИРЧП, то можно увидеть, что за 15 лет (с 1999 по 2014 гг.) наблюдается неуклонный рост данного показателя (рис. 8), что конечно говорит о позитивных тенденциях»¹.

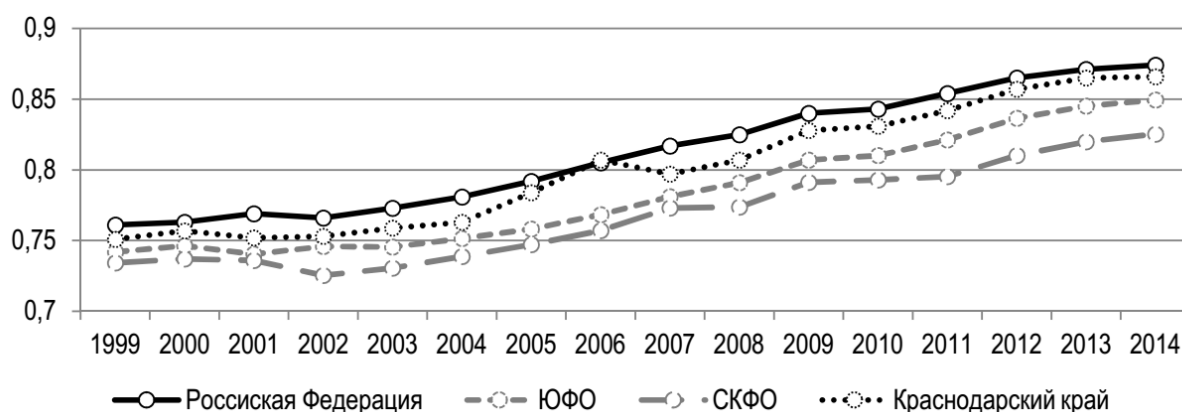

Рисунок 8 – Сравнительные данные по динамике развития ИРЧП с 1999 по 2014 гг. (данные Росстата и доклада о человеческом развитии)

Результаты вычислений ИРЧП по Республике Крым мы можем получать только с 2014 г. Рисунок 9 наглядно показывает некоторое отставание Крыма от Краснодарского края по уровню развития человеческого потенциала, что также имеет подтверждение на выборке массового опроса. Согласно результатам расчета ИРЧП, представленным на рис. 6, уровень развития человеческого потенциала в Республике Крым примерно сопоставим с уровнем Адыгеи и некоторых республик СКФО: КЧР, КБР и Чеченской Республики. Тем не менее, анализ динамики ИРЧП в Республике Крым показывает потенциал роста:

¹ Донцова М.В. Специфика измерения уровня развития человеческого потенциала полиэтничного социума Юга России // VI Столыпинские чтения. Социально-политическая и экологическая безопасность как политический курс стратегического развития современной России: материалы науч.-практ. конф. с междунар. участием. Краснодар, 2017. С. 382.

уровень ИРЧП в 2016 году увеличился на 0,8% по сравнению с 2015 г.

Рисунок 9 – Индекс развития человеческого потенциала в европейской части России¹

Результаты экспертного опроса позволили представить прогноз уровня развития человеческого потенциала в исследуемых регионах. Так, согласно усредненному мнению экспертов, в ближайшие 10 лет как в России в целом и, в частности, в Краснодарском крае и Республике Крым, будет происходить рост уровня развития человеческого потенциала, причем в

¹ Доклад о человеческом развитии в Российской Федерации за 2018 год / под ред. С.Н. Бобылева и Л.М. Григорьева. М., 2018. С. 168.

Краснодарском крае данный уровень оценивается выше, чем в среднем по России. В Республике Крым, по мнению экспертов, уровень развития человеческого потенциала к 2025 г. достигнет общероссийского уровня. Несмотря на в целом позитивную тенденцию, достижение уровня наиболее развитых стран с точки зрения человеческого развития¹ (Норвегия, Швейцария, Австралия, Ирландия, Германия) является весьма отдаленной перспективой (рис. 10). Исходя из условия опроса уровень развития в России и регионах оценивался относительно перечисленных стран, показать которых был принят за 100%.

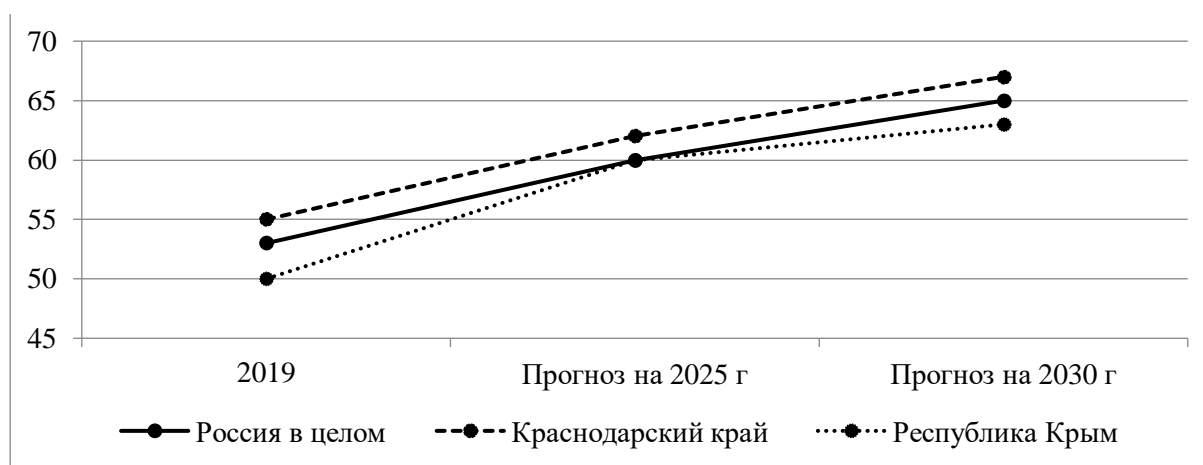

Рисунок 10 – Прогноз уровня развития человеческого потенциала в России и регионах относительно уровня наиболее развитых стран Запада (данные экспертного опроса)

Региональные различия проявляются, главным образом, в трудовой компоненте и в компоненте качества этноконфессиональных отношений. Исходя из данных опроса, среди молодежи Краснодарского края оказалось больше молодых людей, имеющих детей (на 15%), что усилило демографический потенциал региона по сравнению с Республикой Крым по фактическим индикаторам. Однако, демографические установки молодежи Республики Крым указывают более высокий потенциал по сравнению с Краснодарским краем. В этом смысле весьма

¹ Доклад «Индексы и индикаторы человеческого развития. Обновленные статистические данные 2018» (опубликовано для ПРООН). URL: http://hdr.undp.org/sites/default/files/2018_human_development_statistical_update_ru.pdf (дата обращения: 29.04.2019).

красноречивыми являются результаты массового опроса среди респондентов, не имеющих детей. В данной подвыборке желание создать полноценную семью значительно чаще (различия статистически достоверны на уровне $p=0,037$) демонстрирует именно молодежь Республики Крым (табл. 18).

Таблица 18

Демографические установки молодых людей, не имеющих детей
(сравнительные данные по Краснодарскому краю и Республике Крым)

Демографические установки молодежи, не имеющей детей	Краснодарский край	Республика Крым
Нет желания иметь детей	24,6%	17,6%
Ориентация на семью с одним ребенком	21,9%	16,7%
Ориентация на семью с двумя детьми	35,1%	43,3%
Ориентация на многодетную семью	18,4%	22,4%
Всего	100,0%	100,0%

Как видно из таблицы 18, установку иметь двоих и более детей (установка государственной демографической политики РФ), значительно чаще проявляется в выборке Республики Крым (65,7% против 53,5% в Краснодарском крае). Также следует отметить, что среди молодых людей, имеющих одного ребенка, желание расширить семью респонденты из Республики Крым демонстрировали в 2,6 раза чаще, чем опрошенные из Краснодарского края. Однако, когда речь идет о семьях, фактически имеющих двое и более детей, желание иметь 3-х и более детей чаще проявлялись среди молодежи Краснодарского края, хотя процентные соотношения различались не сильно. Но преобладание указанных установок среди многодетных респондентов в Краснодарском крае сформировалось, главным образом, за счет опрошенных, относящихся по национальному признаку к народам Северного Кавказа.

Говоря об этнокультурных установках, несмотря на то, что в Краснодарском крае достоверно чаще ($p=0,009$), чем в Республике Крым молодежь сталкивается с бытовыми конфликтами с представителями иноэтнических групп (16,1% против 9,7%), стремление понимать и изучать культуру и традиции других народов, различные религии, кроме своей собственной у кубанской молодежи выражено достоверно сильнее ($p<0,001$), чем

у крымчан (табл. 19), что может быть обусловлено крайне неоднородной этнической средой Краснодарского края и планомерной реализации национальной политики региональными властными структурами. Также у молодежи Краснодарского края чаще, чем в Республике Крым встречается гражданская идентичность (32,1% и 18,2%), что может оказывать влияние на этнокультурные и конфессиональные установки молодежи в полиэтничной среде.

Таблица 19

Выраженность отдельных этнокультурных установок в сознании молодежи Краснодарского края и Республики Крым

Степень выраженности установки	Стремление понимать и изучать культуру и традиции других народов		Стремление понимать и изучать различные религии, кроме своей собственной	
	Краснодарский край (n=380)	Республика Крым (n=380)	Краснодарский край (n=380)	Республика Крым (n=380)
Не выражена	18,2%	23,2%	28,4%	40,0%
Слабо выражена	30,3%	35,0%	27,9%	30,5%
Выражена частично	31,3%	30,3%	25,5%	18,7%
Полностью характеризует человека	20,3%	11,6%	18,2%	10,8%
Всего	100,0%	100,0%	100%	100%

Несмотря на то, что по общим средним параметрам Краснодарский край опережает Республику Крым по уровню развития человеческого потенциала, некоторые его компоненты, в частности образовательная и инновационная составляющая, выражены сильнее именно у молодежи Крыма. Так, в Краснодарском крае чаще, чем в Республике Крым встречались случаи нежелания повышать свой образовательный уровень.

Данная установка проявляется у 33,2% в Краснодарском крае и у 23,4% в Республике Крым.

Желание заниматься инновационной деятельностью молодые люди в Республике Крым выражают достоверно чаще, чем в Краснодарском крае (31,8% и 27,4%), но в выборке Крыма чаще присутствовал неопределённый ответ, указывающий на колебания в данном направлении (43,3% и 24,2%). В плане готовности к предпринимательской деятельности молодежь Краснодарского края немного уступает крымчанам (табл. 20).

Таблица 20

Установки предпринимательской деятельности у молодежи
Краснодарского края и Республики Крым

Готовность к предпринимательской деятельности	Краснодарский край (n=380)	Республика Крым (n=380)
Нет желания и готовности	31,1%	35,8%
Скорее нет, потому что опасаясь неудачи, хотя желание есть	18,9%	9,2%
Скорее да, у меня есть такое желание и интерес	24,7%	32,6%
Да, у меня есть конкретные планы открыть свое дело в будущем	12,4%	13,2%
У меня уже есть свое дело / бизнес	12,9	9,2
Всего	100,0%	100,0%

Данную зависимость можно объяснить тем, что Республика Крым в настоящее время переживает новый виток развития, является важным направлением инвестиционной и инновационной политики России, что открывает новые возможности для развития экономики и рынка труда в регионе, в том числе в молодежном сегменте. Как указывает С.Ю. Цёхла, «согласно государственным стратегическим документам Республика Крым ориентирована на развитие инновационной экономики, характеризующейся опережающим развитием науки и динамичной реализацией ее достижений. В этих целях в регионе активно создается инновационная инфраструктура, осуществляется переход системы образования с традиционных методов обучения на инновационные, позволяющие в рамках образовательного процесса получать не «профессию», а

уникальный набор компетенций, дающий возможность реализовать полученные знания и навыки в высокотехнологичных отраслях экономики»¹.

Трудовой потенциал Крыма оказался достоверно ниже, чем в Краснодарском крае. Это произошло за счет наличия в кубанской выборке достоверно большего количества молодых людей, имеющих фактическую занятость. Однако, в плане трудовых ориентаций молодежь Республики Крым оказалась более ответственной. В частности, крымчане в большей степени, чем жители Кубани заинтересованы в постоянной работе. Так, по данным массового опроса в Республике Крым достоверно больше молодых людей ($p < 0,01$) выражают желание иметь работу на условиях полной занятости (8 часов в день) (37,9%) по сравнению с выборкой Краснодарского края (36,6%). Также полное отсутствие желания работать чаще демонстрировали именно респонденты Краснодарского края (7,9%), чем в молодые крымчане (3,9%).

На основе полученных выше данных можно представить показатели соотношения установок государственной политики в сфере развития страны и жизненных установок современной молодежи (табл. 21).

¹ Цёхла С.Ю. Потенциал молодежи в обеспечении инновационного развития региона (на материалах Республики Крым) // Россия: тенденции и перспективы развития. 2018. № 13-2. С. 417.

Таблица 21

Цели государственной политики в сфере развития страны и
жизненные ориентиры молодежи Краснодарского края (n=380)
и Республики Крым (n=380)

Цели государственной политики	Жизненные ориентиры молодежи	Краснодарский край, % от n (- % вероятного оттока из страны)	Республика Крым % от n (- % вероятного оттока из страны)
1. Демографическое развитие (семьи с 2-мя и более детьми)	Ориентация на семью с двумя детьми	42,1 (-7,9%)	43,3 (-13,9%)
	Ориентация на многодетную семью	20,0 (-5,5%)	22,4 (-6,3%)
2. Развитие рынка труда и рабочей силы	Установка на трудовую деятельность с полной занятостью	36,6 (-7,4%)	37,9 (-10,5%)
3. Развитие гражданского самосознания	Наличие гражданской идентичности	32,1 (-6,1%)	18,2 (-5,3%)
4. Повышение качества жизни населения	Удовлетворенность уровнем жизни	17,4 (-3,4%)	19,4 (-7,9%)
	- полная - частичная	36,8 (-9,5%)	34,0 (-14%)
5. Развитие образования и стимулирование мотивации к образованию	Стремление повысить образовательный уровень	76,8 (-21,3%)	86,2 (-36,1%)
6. Инновационное развитие страны, в том числе в сфере бизнеса и предпринимательства	Инновационный потенциал - явный (наличие конкретных результатов новаторской деятельности)	23,9 (-10%)	24,7 (-11,3%)
	- латентный (планы реализации инновационных проектов)	27,4 (-11,3%)	31,7 (-13,7%)
	Предпринимательский потенциал - явный (наличие своего дела)	12,9 (-4,2%)	9,2 (-3,9%)

	- латентный (наличие планов открыть свое дело)	12,4 (-3,7%)	13,2 (-4,5%)
	- наличие мотивации (желание и интерес)	24,7 (-6,6%)	32,6 (-10,3%)
	Инновационный потенциал в бизнесе и предпринимательстве		
	- явный (наличие своего дела и конкретных результатов новаторской деятельности)	4,5 (-2,1%)	3,2 (-1,8%)
	- латентный (наличие своего дела/ планов открыть свое дело и наличие планов реализации инновационных проектов)	10,3 (-4,3%)	8,2 (-3,6%)

Полученные данные говорят о том, что в Республике Крым есть потенциал, направленный на перспективу, который в Краснодарском крае менее выражен: ориентация на многодетные семьи, желание иметь полную трудовую занятость, наличие мотивации повышать образовательный уровень, инновационная деятельность. Краснодарский край опережает Крым по параметрам развития гражданского самосознания и предпринимательскому потенциалу, в том числе в сфере развития инноваций в бизнесе.

В целом, если давать оценку эффективности государственной политики, то рассчитанные показатели развития человеческого потенциала молодежи вызывают тревогу. Во-первых, налицо явный недостаток мотивации молодежи к инновационной и предпринимательской деятельности, от которого зависит перспективы и конкурентоспособность регионального развития (рис. 11). Кроме того, около половины тех молодых людей, кто имеет фактические результаты новаторской деятельности и/или собирается заниматься таковой в будущем, отметили, что в перспективе планируют уехать из страны на постоянное место жительства (табл. 21), что открывает проблему «утечки умов».

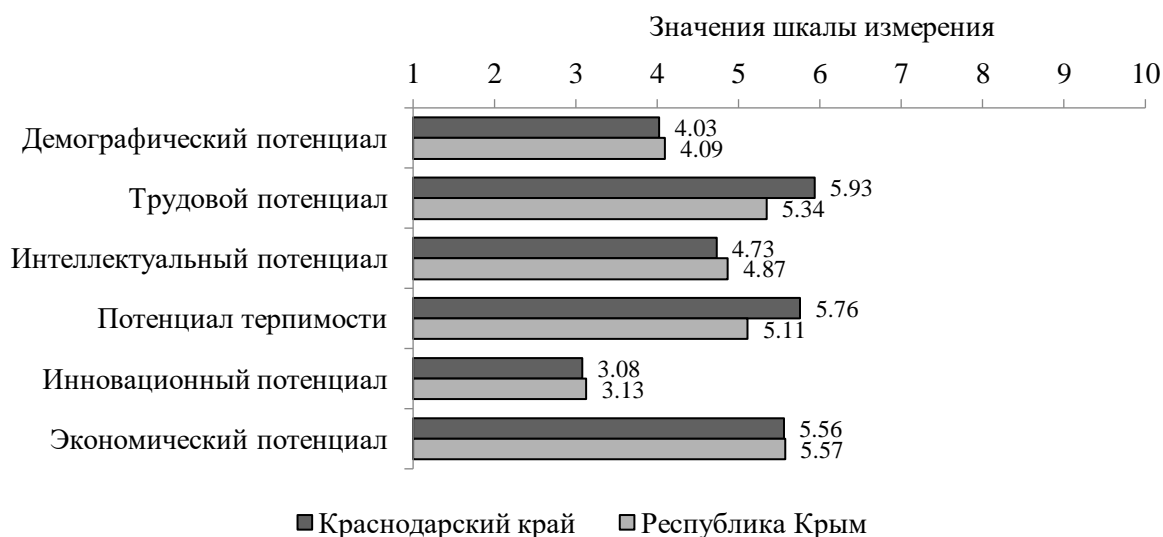

Рисунок 11 – Средние показатели отдельных компонент развития человеческого потенциала молодежи (сравнения по Краснодарскому краю и Республике Крым)

Вызывает вопросы экономический потенциал молодёжи. Большинство опрошенных на вопрос о материальном положении отметили, что оно «приемлемое». Хорошим материальным обеспечением могут похвастаться только 14% молодых людей в Краснодарском крае и 17% – в Республике Крым. В Крыму почти пятая часть опрошенных имеет затруднительное положение (18%). На Кубани численность этой подгруппы - 14%. Более половины опрошенных мало удовлетворены уровнем жизни, что повышает социальные риски. Демографический потенциал, хоть и демонстрирует низкие показатели (по причине возраста только 25% опрошенных указали, что имеют детей), имеет перспективу достижения индикаторов, принятых в рамках государственных программ. Так, более 60% молодежи, принявшей участие в опросе, указали на желание иметь двух и более детей (в КК – 62%, РК – 65,7%), а на многодетные семьи ориентированы более 20%, что является очень позитивным результатом. Налицо и работоспособность программ, направленных на повышение мотивации к учебе и саморазвитию, особенно в РК: желание повышать образовательный уровень высказали более 75% молодых кубанцев и 85% крымчан.

РАЗДЕЛ 7. ФАКТОРНЫЙ АНАЛИЗ РАЗВИТИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА НА ЮГЕ РОССИИ

Для исследования интеграции и конфликта в исследуемом регионе необходимо определиться с методологией и методами факторного анализа человеческого капитала в полиэтнической среде. Основной объяснительной моделью в анализе проблемы является конфликтологическая парадигма, представленная системной концепцией конфликта, позитивно-функциональной теорией, циклической моделью траекторий конфликтов и интеграционных тенденций. На уровень интеграции и конфликтности человеческого потенциала оказывают влияние политико-культурные факторы, исследование природы которых связано с выявлением ценностных оснований социальных взаимодействий в полиэтнической среде. При этом в методологическом аспекте проблема рассматривается на основе универсалистских моделей конфликтов цивилизаций или конфликтов культур, которые сопровождаются интеграционными процессами внутри групп, находящихся между собой в конфликте. Как отмечает К.Ф. Завершинский, «при анализе многообразных культурных, в том числе и ценностных измерений социальных конфликтов, так или иначе воспроизводится эпистемологическая дихотомия нормативно-этического и позитивистско-инструменталистского, когда ценностная составляющая рассматривается как производная от аксиолого-идеологических концептуализаций или эмпирических калькуляций инструментальной эффективности публичных ценностей в теориях рационального выбора (широко используемых в практиках медиации социокультурных конфликтов)»¹. А изучение проблемы возникновения социального конфликта связано с выявлением «промежуточных переменных», обусловленных способами легитимации власти и иерархией статусов² в сложно дифференцированном обществе со множеством идеологических, религиозных, этнических, демографических, профессиональных и

¹ Завершинский К.Ф. Политико-культурные измерения социальных конфликтов // Конфликт как проблема. Очерки современной теоретической и прикладной конфликтологии. СПб., 2015. С. 41.

² Козер Л.А. Функции социального конфликта. М., 2000. С. 120.

других групп интересов. Для нашего исследования важное значение имеет также подход, предложенный М. Дюверже, который построил теорию на понятиях конфликта, интеграции и эволюции, последовательно и комплексно рассматривая биологические, психологические, социально-демографические, географические, социально-культурные и политико-экономические факторы при анализе конфликтов и интеграции. Модель социального конфликта, предложенная Л. Крисбергом, показывает, почему многие конфликты носят циклический характер, что позволяет учитывать как обратные связи, так и измерение управляющих воздействий в направлении интеграции того или иного сообщества в единое социально-политическое пространство, что актуально для изучения состояния и проблем социокультурной и политико-экономической интеграции Крыма в Россию. В этом подходе воплощается идея о том, что всем межгрупповым конфликтам присущи общие структурные и динамические параметры. Методология, избранная Л. Крисбергом, позволяет находить общие ориентиры диагностики, вырабатывать способы регулирования различных конфликтов¹ и фиксировать применяемые акторами политического процесса интегративные политические практики.

Наиболее опасным конфликтогенным фактором является феномен радикализма как вызов кризисного общества в результате обострения международных, региональных, социально-экономических и этнополитических конфликтов. По мнению И.В. Юрченко, «тенденция к радикализации политического сознания подтверждается распространением этнонационализма, выдвижением идей совмещения конфессиональных, этнических и политических границ, расколом мира на экономически развитые страны и отсталую периферию в условиях кризиса глобализации, общей политизацией этничности и этнизацией политики»².

¹ Крисберг Л. Мирозидание, мирозохранение и разрешение конфликтов // Социс. 1990. № 11. С. 28-32.

² Юрченко И.В. Радикализация политического сознания в условиях кризиса и технологии противодействия экстремизму // Конфликт как проблема. Очерки современной теоретической и прикладной конфликтологии. СПб., 2015. С. 384-399.

Стратегическим направлением государственной политики РФ по обеспечению национальной и региональной безопасности являются проблемы воспитания молодежи. Задачи ускоренного развития экономики, социальной сферы, науки и образования могут успешно решаться только на основе эффективного развития и грамотного использования творческого человеческого потенциала с ориентацией на защиту цивилизационных российских ценностей и идеалов.

В современных условиях резкого обострения международных и региональных социально-политических конфликтов и серьезного роста геополитической напряженности стабильность политического строя и возможности ускоренного экономического развития российского общества обусловлены качеством гражданской позиции, прежде всего, студенческой молодежи, получающей высшее образование и в перспективе определяющей динамику развития научно-образовательной и бизнес сферы.

В процессе формирования структуры системной динамической модели необходимо определить: системные конфликтогенные и интеграционные факторы (внешние и внутриэкономические, внешне- и внутривнутриполитические, социальные); субъектные конфликтогенные и интеграционные факторы; ресурсные конфликтогенные и интеграционные факторы (использование конкурирующими группами суггестивных технологий, символического капитала, организационных механизмов и др.). Но все они формируют специфическую среду региона, которая имеет явные эффекты, проявляющиеся в жизни его жителей. Региональная политическая ситуация, в том числе в сфере межнациональных отношений находит отражение в самоощущении регионального сообщества. Ключевыми направлениями внутренней политики полиэтничного региона являются обеспечение безопасности, социального развития и бесконфликтного межэтнического климата. Для факторного анализа уровня интеграции и конфликтности человеческого потенциала определим следующие составляющие внутренней среды региона с представлением результатов опроса, которые и составят систему анализируемых факторов (табл. 22).

Таблица 22

Оценка уровня безопасности внутренней среды полиэтничного региона
(частота встречаемости ответов по отдельным
категориям вопросов в %).

№	Показатель	Индикаторы	Категории	Краснодарский край	Республика Крым
F 1	Экономическая безопасность	1. Субъективное ощущение финансовой защищенности	1. Не защищены 2. Защищены плохо 3. Защищены хорошо 4. Чувство полной защищенности	16,3 36,8 38,4 8,4	13,9 41,6 40,3 4,2
		2. Субъективное ощущение имущественной защищенности	1. Не защищены 2. Защищены плохо 3. Защищены хорошо 4. Чувство полной защищенности	9,5 31,6 43,4 15,5	9,7 25,8 51,1 13,4
F 2	Распространенность коррупции	Частота случаев коррупции в жизненных ситуациях опрошенных	Частота выбора положительного ответа, в %	51,1	32,1
F 3	Правовая защищенность	Субъективное ощущение правовой защищенности	1. Не защищены 2. Защищены плохо 3. Защищены хорошо	16,8 33,7 39,2 10,3	16,1 30,8 40,3 12,9

			4.Чувство полной защищённости		
F 4	Равноправие	Частота случаев дискриминации по социально-демографическим признакам	Частота выбора положительного ответа, в %	25,0	20,8
F 5	Уровень физической безопасности	Субъективное ощущение физической защищенности	1. Не защищены 2. Защищены плохо 3. Защищены хорошо 4. Чувство полной защищённости	11,9 24,2 42,4 22,4	9,2 25,5 47,4 17,9
F 6	Информационная безопасность	Субъективное ощущение информационной защищенности	1. Не защищены 2. Защищены плохо 3. Защищены хорошо 4. Чувство полной защищённости	22,9 37,1 28,9 11,1	32,1 32,9 37,1 7,9
F 7	Миграционные риски	Мнение о наличии трудовой конкуренции между мигрантами и местными	Согласие с мнением, что приезжие занимают рабочие места, на которых могли бы	33,6	26,5

			работать местные		
		Представлен ие о частоте совершения преступлени й мигрантами и местными	1. Местные совершают преступлен ия чаще	11,0	16,7
			2. Мигранты совершают преступлен ия чаще	37,6	34,8
			3. Нет разницы	51,4	48,6

Согласно результатам регрессионного анализа (применялся метод множественной линейной регрессии) на уровень развития человеческого потенциала значимое влияние оказывают следующие факторы:

- 1) Экономическая безопасность, в большей степени проявляющаяся в ощущении финансовой защищенности) ($p=0,011$);
- 2) Распространенность коррупции ($p=0,016$);
- 3) Физическая безопасность ($p=0,048$).

Анализ показал, что такие факторы среды как правовой климат, уровень равноправия, информационная безопасность и миграционные риски не оказывают значимого влияния. Последний фактор (миграционные риски) практически не влияет на колебания уровня развития человеческого потенциала (см. табл. 23).

Таблица 23

Регрессионный анализ факторов, оказывающих влияние на уровень развития человеческого потенциала в полиэтничном социуме Юга России (данные Краснодарского края и Республики Крым)

№	Показатель	Индикаторы	Стандартизированный коэффициент β	t - статистика	Уровень статистической значимости фактора, p
F 1	Экономическая безопасность	1. Субъективное ощущение финансовой защищенности	0,110	2,542	0,011
		2. Субъективное ощущение имущественной защищенности	0,037	0,863	0,388
F 2	Распространенность коррупции	Частота случаев коррупции в жизненных ситуациях опрошенных	0,087	2,410	0,016
F 3	Правовая защищенность	Субъективное ощущение правовой защищенности	0,040	0,909	0,364
F 4	Равноправие	Частота случаев дискриминации по соц.- дем. признакам	0,060	1,625	0,105
F 5	Уровень физической безопасности	Субъективное ощущение физической защищенности	0,086	1,930	0,048
F 6	Информационная безопасность	Субъективное ощущение информационной защищенности	0,059	1,442	0,150

F 7	Миграционные риски	Мнение о наличии трудовой конкуренции между мигрантами и местными	0,011	0,307	0,759
		Представление о частоте совершения преступлений мигрантами и местными	0,002	0,064	0,949

Полученные данные подтверждают результаты зарубежных исследований о влиянии коррупции на развитие человеческого потенциала (И. Амате-Фортес, А. Гуарнидо-Руэда, А. Молина-Моралес, Ж. Сармьенту), описанные в первой главе работы.

Представим интегральный показатель конфликтности и проведем факторный анализ, аналогичный представленному выше анализу факторов, оказывающих влияние на уровень интеграции человеческого капитала. Определим следующие индикаторы для определения потенциала конфликтности (CP – *conflict potential*):

- 1) явная готовность участвовать в акциях протеста (2 балла);
- 2) вероятная готовность участвовать в акциях протеста (1 балл);
- 3) наличие опыта участия в конфликтах с этнической составляющей (1 балл);
- 4) согласие с мнением о необходимости ужесточения миграционного законодательства (1 балл) и ограничения притока мигрантов (1 балл).

Показатель уровня конфликтности измеряется по шкале от 0 до 5-ти, где 0 – потенциал конфликтности отсутствует, 5 – максимальный уровень конфликтности.

Сравнение средних значений уровня конфликтности по указанным индикаторам показало наличие статистически значимых различий по регионам: конфликтный потенциал молодежи Краснодарского края достоверно выше, чем в Республике Крым ($p < 0,001$, t-критерий Стьюдента). Данные

различия обусловлены, главным образом, частотой участия в конфликтах с этнической составляющей, которая в выборке Краснодарского края ожидаемо выше за счет конфессиональной специфики региона. Протестный потенциал молодежи рассматриваемых регионов статистически не различается: явную готовность принять участие в акциях протеста (однозначный ответ «да, определенно») выразили 11,3% опрошенных в Краснодарском крае и 8,5% – в Республике Крым. Потенциально выразили готовность к протестной активности («скорее, да») 17,4% молодых жителей Кубани и 20,4% крымчан.

Результаты регрессионного анализа показывают, что система факторов, оказывающих влияние на уровень конфликтности несколько отличается от факторов, обуславливающих развитие человеческого потенциала. Так, уровень физической безопасности, хоть и является статистически значимым ($p=0,048$), но находится далеко не на первом месте. Интегральным фактором, по сути определяющим изменчивость показателя конфликтности, является распространенность коррупции ($p<0,001$). На втором месте – уровень правовой защищенности и на третьем – уровень физической безопасности. Экономическая составляющая при оценке детерминант конфликтности уходит на второй план (табл. 24).

Таблица 24

Регрессионный анализ факторов, оказывающих влияние на уровень конфликтности в полиэтничном социуме Юга России (данные Краснодарского края и Республики Крым)

№	Показатель	Индикаторы	Стандартизированный коэффициент β	t - статистика	Уровень статистической значимости фактора, p
F 1	Экономическая безопасность	1. Субъективное ощущение финансовой защищенности	-0,025	-0,596	0,551
		2. Субъективное ощущение имущественной защищенности	-0,056	-1,323	0,186
F 2	Распространенность коррупции	Частота случаев коррупции в жизненных ситуациях опрошенных	0,140	3,964	<0,001
F 3	Правовая защищенность	Субъективное ощущение правовой защищенности	-0,141	-3,282	0,001
F 4	Равноправие	Частота случаев дискриминации по социально-демографическим признакам	0,059	1,635	0,102
F 5	Уровень физической безопасности	Субъективное ощущение физической защищенности	-0,080	-1,971	0,049
F 6	Информационная безопасность	Субъективное ощущение информационной защищенности	-0,029	-0,715	0,475

Распространение радикальных и экстремистских настроений является наиболее опасным конфликтогенным фактором в современном политическом пространстве. Эти движения «обращаются на любом уровне общества к тем, кто выбит из колеи, к раздраженным и психологически бездомным, к потерпевшим личные неудачи, социально изолированным, лишенным ощущения экономической безопасности, к малообразованным, простодушным и авторитарным личностям», – утверждал С.М. Липсет. «Подобные движения поддерживаются теми, кто по той или иной причине потерпел провал при попытке добиться успеха в своем бизнесе или профессии, кто потерял свой социальный статус или опасается потерять его. Именно такие люди придают рассматриваемым движениям фанатичный и экстремистский характер, а также образуют ядро их приверженцев»¹. Таким образом, при оценке конфликтогенного потенциала необходимо также оценить потенциальную группу риска исходя из представленного выше определения. Определим следующие показатели, позволяющие отнести изучаемые объекты (молодежь в возрасте 16–35 лет) к группе риска:

- 1) наличие тревожности (постоянное чувство тревоги, ощущение опасности);
- 2) жизненная неопределенность (отсутствие важной жизненной цели);
- 3) лишенные чувства экономической безопасности;
- 4) лишенные чувства физической безопасности;
- 5) лишенные чувства правовой защищенности;
- 6) имеющие затруднительное финансовое положение;
- 7) беженцы из мест вооруженных конфликтов, техногенной / природной катастрофы, по причине насилия, дискриминации, нарушения прав человека, преследования по различным мотивам.

В ходе операционализации нами выделены явная и потенциальная группы риска. В явную группу риска мы отнесли респондентов, кто имеет подавляющее большинство (5 из 7-ти) из указанных признаков, в потенциальную – более половины (4 из 7-ми).

¹ Липсет С.М. Политический человек: социальные основания политики. М., 2016. С. 211, 212.

Как показали результаты измерений, в Краснодарском крае и Республике Крым нет статистически достоверной разницы в частоте встречаемости случаев, которые можно отнести в явную и потенциальную группу риска ($p=0,511$). Но, по данным выборки, в Краснодарском крае группа риска немного шире по сравнению с Республикой Крым, что может объясняться высокой этнической дифференциацией и высоким уровнем миграционного прироста, когда в регион едут люди, надеющиеся на улучшение качества жизни (рис. 12).

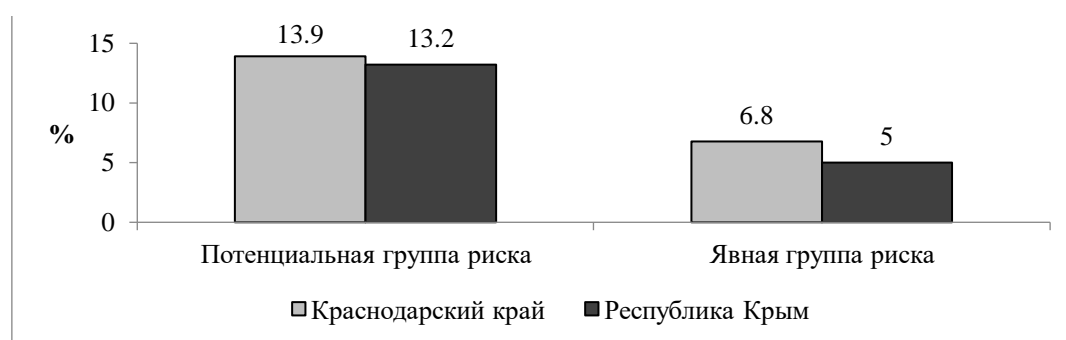

Рисунок 12 – Соотношение групп риска в Краснодарском крае и Республике Крым

Таким образом, рискогенную группу в исследуемых регионах составляет примерно пятая часть респондентов: в Краснодарском крае – $20,7\pm 4\%$, в Республике Крым – $18,2\pm 3,8\%$. То есть, примерно такое количество молодых людей могут потенциально стать объектом воздействия со стороны деструктивных течений. Важно отметить, что гражданская идентичность в наибольшей степени выражена у молодых людей, которые не относятся к группе риска. Национальная идентичность чаще встречается у молодых людей, которых можно отнести к потенциальной группе риска, а региональная – к явной группе риска. На наличие опыта конфликта с представителями иных этнических групп (т.е. участия в конфликтах с этнической составляющей) чаще других указывали именно участники опроса из групп риска – около 20%, а молодые люди вне группы риска сталкивались с подобными ситуациями в два раза реже – 10,9%.

Таким образом, структура явлений, образующих политическую безопасность, является в первую очередь особым видом общения между людьми, а лишь потом – связями с разного рода системами. Все основные факторы, обеспечивающие

региональную безопасность или, наоборот, подрывающих её, складываются на основе ценностно ориентированных действий, что требует аксиологического анализа поведения акторов регионального этнокультурного процесса. Для его использования в конфликтологических исследованиях можно применять когнитивный подход, позволяющий учитывать характер присущих человеку рассуждений, оценивать разнообразие стилей мышления и ментальных особенностей участников политических взаимодействий. Таким образом, можно сделать выводы:

Уровень развития человеческого потенциала в Краснодарском крае выше, чем в Республике Крым. Вывод подтвержден и принятой в мировой практике методикой измерения индекса развития человеческого потенциала (ИРЧП), и опросной методикой, которая представлена в работе, что демонстрирует согласованность результатов по объективным и субъективным критериям.

Региональные различия проявляются в трудовой компоненте и в компоненте качества этноконфессиональных отношений. Последнее объясняется крайне неоднородной этнической средой Краснодарского края и длительной реализацией национальной политики в регионе, которая стимулирует этноконфессиональную терпимость. Но мотивационная составляющая у молодежи Крыма более выражена, чем в Краснодарском крае. Также крымчане в большей степени, чем кубанцы ориентированы на повышение образовательного уровня и занятие инновационной деятельностью.

Анализ соотношения целей государственной политики устойчивого развития и установок жителей Краснодарского края и Республики Крым показывает недостаток мотивации молодежи к инновационной и предпринимательской деятельности, от чего зависят перспективы и конкурентоспособность регионального развития и национального развития. Также наблюдается тенденция к «утечке» человеческих ресурсов, имеющих инновационный и предпринимательский потенциал, что создаёт препятствия конкурентоспособности нашей страны на мировой арене. Позитивные тенденции обнаруживаются в сфере демографического развития и качества этноконфессиональных отношений.

По результатам регрессионного анализа было установлено, что основными факторами, оказывающими влияние на уровень развития человеческого потенциала в рассматриваемых регионах, являются экономическая безопасность, в большей степени проявляющаяся в ощущении финансовой защищенности, распространенность коррупции и уровень физической безопасности. Важным интеграционным фактором является развитие гражданской идентичности, а основным конфликтогенным фактором – распространенность коррупции.

РАЗДЕЛ 8. ЗНАЧЕНИЕ ИНТЕГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ ДЛЯ УСПЕШНОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ РЕГИОНОВ ЮГА РОССИИ¹

В современном обществе ускоренного роста всевозможных конфликтов и противоречий гуманитарные и социально-политические проблемы модернизации рассматриваются в контексте поиска согласительных политических практик эффективного функционирования различных социальных групп в направлении прогрессивного развития экономической сферы и укрепления государственного суверенитета. Прежде всего, востребованными являются так называемые «позитивные» группы, которые включают «в себя мотивированную ассимиляцию групповых норм или стандартов в качестве базиса для самооценки»² и социальной ответственности в решении задач обеспечения национальной безопасности на региональном уровне. В то же время, многие авторы вполне справедливо говорят о том, что «достаточно сложными являются проблемы взаимодействия федеральных органов государственной власти и органов государственной власти субъектов Российской Федерации при реализации ими своих полномочий», в частности в межуровневом взаимодействии органов государственной власти в сфере координации международной и внешнеэкономической деятельности регионов³. Наиболее актуальная проблема политологического исследования - определение механизмов оптимизации государственного управления, так как еще в 2004 г. представители управленческой элиты отмечали, что «страна все еще недостаточно управляема. Управляемость должна быть надежной, нельзя жалеть усилий по ее повышению» и реформу по

¹ В разделе используются материалы: Юрченко И.В. Значение интеграционной политики для успешной модернизации регионов Юга России // Гуманитарные и социально-политические проблемы модернизации Кавказа: Сборник статей VII Междунар. науч. конф., посвященной 25-летию Ингушского государственного университета 13-16 июня 2019 г. Магас, 2019. С. 157-161.

² Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. М., 2006. С. 434, 452.

³ Сулакшин С.С., Малчинов А.С. и др. Межуровневое взаимодействие органов государственной власти в России. М., 2011. С. 76-81.

укреплению вертикали власти «диктует жизнь, а не только необходимость борьбы с терроризмом»¹. Теперь можно констатировать, что повышение управляемости позволяет повышать эффективность власти, добиваться реальных социально-экономических преобразований и даже в условиях мирового финансово-экономического кризиса, санкционного давления на Российское государство в стране консолидируются позитивные политико-экономические группы и конструируют новые практики взаимодействия федеральных и региональных акторов политического процесса. При этом, на наш взгляд, одна из наиболее подробно урегулированных сфер межуровневого взаимодействия органов власти - координация международной и внешнеэкономической деятельности субъектов РФ. Это хорошо демонстрирует Краснодарский край, успешно сотрудничающий со многими иностранными кампаниями и регулярно организующий инвестиционные мировые экономические форумы. В соответствии с Федеральным законом от 4 января 1999 г. № 4-ФЗ «О координации международных и внешнеэкономических связей субъектов Российской Федерации» федеральные органы исполнительной власти и органы исполнительной власти субъектов РФ взаимодействуют в процессе координации деятельности по созданию условий для модернизации всех регионов, особенно геополитически значимых субъектов Юга России. В пределах своих полномочий субъекты РФ обладают правом на осуществление международных и внешнеэкономических связей с субъектами (административно-территориальными образованиями) иностранных государств, а также на участие в деятельности международных организаций в рамках органов, созданных специально для этой цели.

Как показывает сложившаяся на сегодняшний день ситуация в мире, Россия стремится быть не пограничем европейского интеграционного пространства, а стать центром осуществления евразийского интеграционного проекта. Подтверждением этого является запущенный в 2011 г. проект создания «Евразийского союза», открытого для членства не только постсоветских государств. Как считает В.А. Ачкасов, Россия, как и Турция,

¹ Грызлов Б. О политических инициативах Президента // Известия. 2004. 29 сентября.

претендует на роль «моста между Европой и Востоком», ЕС и динамичным Азиатско-Тихоокеанским регионом, предлагая уже сегодня свою транспортную инфраструктуру для интенсификации торговых отношений. В своей программной статье «Новый интеграционный проект для Евразии — будущее, которое рождается сегодня» В.В. Путин писал: «Сложение природных ресурсов, капиталов, сильного человеческого потенциала позволит победить в технологической гонке, в соревновании инвесторов, за создание новых рабочих мест и передовых производств. И наряду с другими ключевыми игроками и региональными структурами, такими как ЕС, США, Китай, АТЭС, обеспечить устойчивость глобального развития». Материалы секции «Новые тенденции в международных отношениях и мировой политике первой половины XXI века: к пониманию современных моделей» первого съезда РОП, включают, в частности, одну из тем, предложенную для рассмотрения В.А. Ачкасовым: «Европа - Россия - Турция: «треугольник взаимозависимости». В статье утверждается, что формирование национальной идентичности для Турции и России это, прежде всего, нахождение места своей нации в цивилизационных системах - в рамках метафорической дихотомии «Восток - Запад»¹. В свою очередь, дихотомия «Восток - Запад» во все времена играла значительную роль в формировании европейского сознания. Отсюда важная особенность, присущая применению слова «Европа» во всей его многозначности, а именно, самоопределение через противопоставление «негативно значимым Другим», роль которых выполняют Турция и Россия. Ссылаясь на Г.В. Касьянова и А.И. Миллера, автор отмечает, что «процессы формирования национальной идентичности в эпоху модерна, легитимации государств и их политических элит, использование истории для выработки некой единой формы гражданского самосознания, для масштабной индоктринации и формирования лояльных граждан неизбежно предполагали выяснение образа собственного коллективного..., национального

¹ Ачкасов В.А. Европа - Россия - Турция: «треугольник взаимозависимости» Первый съезд Российского общества политологов: «Национальные интересы России: глобальные приоритеты, политические стратегии и перспективы», 30 июня - 3 июля 2014 года, г. Суздаль. М., 2014. С. 298, 299.

Я и сопоставления его с воображаемым Другим»¹. В этих условиях особенно важно определить, имеется ли в российской политике потенциал консолидации сил. Федеральная власть делает ставку на то, чтобы из кризиса выйти не ослабленными, а мобилизованными и кризис, при всех своих издержках, такие возможности не только не исключает, но создает дополнительные предпосылки для использования имеющихся ресурсов и прежде всего человеческого потенциала. То есть, проблема заключается в выборе форм и способов мобилизации ресурсов: человеческих, природных, интеллектуальных. Перед региональными органами управления ставится задача создать необходимые условия применения технологий модернизации в процессе перехода к новой, инновационной экономике, которую все чаще называют цифровой экономикой. Особенно актуальными являются вопросы: как повысить кадровую мобильность – вертикальную, горизонтальную, как увеличить эффективную внутреннюю мобильность капиталов, заинтересованность бизнеса в региональных инвестициях, как повысить позитивную отдачу при выработке политических решений по осуществлению модернизации в южно-российских субъектах Федерации, эффективность и оперативность их реализации. Данный контекст политики модернизации предполагает предметное понимание того, что возможности обеспечения национальной безопасности во многом зависят от проведения этой работы на региональном уровне. В том числе, в рамках рыночной экономики и частной собственности важно создать условия для межрегионального (внутри страны) эффективного и беспрепятственного перемещения ресурсов – денежных, материальных, людских, сосредоточение их на ключевых направлениях. Необходимую правовую и экспертно-консультативную помощь в развитии международных и внешнеэкономических связей, в организации и ведении переговоров, в выработке текстов соглашений, заключаемых органами власти субъектов РФ, в выполнении указанных соглашений, а также обеспечивают защиту прав и законных интересов субъектов РФ в иностранных государствах Федеральные органы власти оказывают органам власти субъектов

¹ Касьянов Г.В., Миллер А.И. Россия - Украина: Как пишется история. Диалоги. Лекции. Статьи. М., 2011. С. 51.

РФ¹. Для успешных процессов модернизации в регионах Юга России наиболее важным институциональным ресурсом является прочность политической системы страны, ее конституционные основания. Несистемная, радикальная оппозиция в социальных сетях пытается распространять мнение о том, что у российской политической системы нет необходимой опоры. Такая жесткая попытка со стороны негативных групп дестабилизировать общество особенно опасна в период мирового кризиса. Однако, с точки зрения политической науки, ее реалистического направления, известно, что ни одна система не может существовать, не имея социальной опоры и достаточных ментальных оснований. А кроме того, эффективная, устойчивая политическая система – это динамический механизм, способный обеспечить консолидацию общества, единство многообразия, тем более в сложносоставных, полиэтнических, поликонфессиональных обществах.

Модель поведения элиты в условиях политико-экономического кризиса и серьезного социального конфликта описал Дж. Дьюи. Так, он считает, что организационное поведение в этих условиях характеризуется последовательно сменяющимися друг друга этапами: ощущение растерянности в условиях кризиса, социальной аномии или деградации государственности; формулирование проблемы; определение путей и вариантов ее решения; анализ возможных последствий; попытка претворения в жизнь избранного курса². При этом осуществление модернизационной политики сопровождается постоянно ведущейся и непрерывно обостряющейся идейной борьбой, если не внутри страны, то на мировой арене, когда представители различных политических сил разнонаправленно реагируют на принимаемые решения, в зависимости от позиций в конкурентном взаимодействии. В открытом демократическом обществе внутренняя политика всегда осуществляется в условиях борьбы политических пониманий по проблемам разработки и проведения государственной стратегии, критериев ее эффективности. Но

¹ Сулакшин С.С., Малчинов А.С. и др. Межуровневое взаимодействие органов государственной власти в России. М., 2011. С. 77.

² Dewey J. How we think // Dewey J. The Middle works. Carbondale, IL, 1978.

важнейшим показателем политической позиции являются критерии патриотизма.

Таким образом, внутренняя сложная организация Российского общества, с разнообразными мотивами разных заинтересованных групп, региональных сообществ, территорий и этносов требует политики консолидации общества и мобилизации патриотических сил для преодоления препятствий в осуществлении решений по модернизации всех сфер жизни общества. Базирующаяся на компромиссах политика консолидации общества, как искусство возможного, направлена на то, чтобы поддерживать некоторый уровень консенсуса в элитах и необходимый уровень доверия населения. Но ситуация резко обостряется в связи с кризисом, который может вызывать общественное недовольство. Поэтому на эти вызовы своевременно должна давать ответы правящая элита, предлагая и артикулируя свою формулу правления, то есть откровенно разговаривая с обществом о способах модернизации регионов России.

Представляет интерес точка зрения С.Ю. Глазьева, который считает, что миру нужна коалиция здоровых сил за стабильность с позитивной программой устройства международной финансово-экономической архитектуры на принципах взаимной выгоды, справедливости и уважения национального суверенитета, в противовес доминированию американской геополитической и финансово-экономической власти. При этом идеологической основой нового мирового порядка может стать «концепция социально-консервативного синтеза, объединяющая систему ценностей мировых религий с достижениями социального государства и научной парадигмой устойчивого развития»¹. Такая коалиция здоровых сил за стабильность и эффективность нужна в каждом регионе, где также высока ответственность элит за реализацию концепции модернизации и согласования гражданских ценностей устойчивого развития.

Для методологии исследования современного общественного развития, характеризуемого кризисными процессами, актуальным является использование методов

¹ Глазьев С.Ю. Угроза войн и ответ России // Россия в глобальной политике. Новые правила игры без правил. М., 2015. С. 93, 97.

прогнозного социального проектирования в параметрах определения ценностно-гуманной составляющей проведения тех или иных преобразований и урегулирования возникающих конфликтов.

Одним из аспектов эпистемологического анализа социального проектирования должна быть конфликтологическая экспертиза коммуникативного поля полиэтничного региона. Социальное партнерство, доверительное сотрудничество как поистине гуманные цели и важнейшие средства эффективной экономической политики государства в реальной практике имеют множество препятствий, связанных с многосоставным, полиэтничным характером социальных отношений, конфликтом ценностей и интересов и преобладанием искаженной коммуникации во взаимодействии противоборствующих групп.

Чтобы организовать доверительное сотрудничество, будь то в рамках отдельной организации или в более масштабном сообществе, необходимо всесторонне проанализировать различные наиболее влиятельные в данном регионе векторы взаимозависимости и коммуникаций. В частности, важно определить, какой характер политических коммуникаций является преобладающим: митинги, акции протеста, социальные сети, печатные издания, официальные мероприятия. Затем на этом основании необходимо осуществить выбор технологий анализа поведения участников коммуникативного процесса в медиа пространстве. Для анализа каждого уровня и формы коммуникации нужны конкретные научные процедуры и научный инструментарий: контент-анализ, когнитивное картирование, фрейм-анализ, а также разнообразные приемы политической дискурсологии, с помощью которых можно изучить степень персуазивности текстов и способы достижения взаимопонимания или причины непонимания. Предполагается, что сама конфликтологическая экспертиза всегда нацелена на социогуманитарные критерии и определяется важностью тех преобразований, которые необходимы конкретному региону.

Изучение политического поведения, в том числе и вербального, тех социальных акторов, которые являются объектом конфликтологической экспертизы, опирается на теоретико-методологические принципы полипарадигмальности, включающие структурно-функциональную, политико-

лингвистическую, синергетическую и другие научные парадигмы. Важным аспектом является выявление адаптационных ресурсов социальных групп к новым условиям информационного транспарентного общества с сетевыми механизмами коммуникации и кризисными факторами дестабилизирующими социально-политическую сферу. Коммуникативное поле полиэтничного региона формируется в повседневных взаимодействиях когнитивного характера на основе социокультурных ориентиров, и прежде всего, сложившихся традиций, обычаев и языка. В ситуации конфликта важное значение имеет то, кто на себя принимает «роль интерпретатора, обращенного к жизненному миру»¹, а в этой связи необходимо рассмотреть аспекты социального доверия. Эта тема весьма специфична и малоизучена с точки зрения консенсусного и конфликтного, конструктивного и деструктивного содержания социальных коммуникаций в политическом пространстве современного общества. Данное понятие исследователями рассматривается как «обобщенное ожидание в отношении отдельных индивидов, их групп и общества в целом», по поводу того, что их поведение и деятельность будут соответствовать некоторому уровню взаимопонимания и сотрудничества².

Изучение проблем доверия имеет большое научное и практическое значение, особенно для исследования полиэтничной социальной среды. В целях конфликтологической экспертизы имеет смысл провести последовательный анализ характера взаимодействий (межличностных, межгрупповых, институциональных и др.). В контексте довольно высокого уровня конфликтности и социальной напряженности на постсоветском пространстве изучение проблем доверия имеет большое научное и практическое значение, особенно для исследования полиэтничной социальной среды. Если в обществе размывается доверие к властным институтам, к различным источникам информации, а также этнических групп и суверенных государств друг к другу, то возникает опасность системного кризиса (включающего кризис

¹ Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб., 2000. С.32.

² Антоненко И.В. Социально-психологическая концепция доверия. М., 2006. С. 58.

доверия, кризис легитимности, кризис управляемости, кризис идентичности). Доверие или недоверие возникает лишь к тому, что людям до определенной степени известно, поэтому именно информированность служит базой доверия. В многонациональных регионах межэтническая напряженность очень опасна, а значит, нужны механизмы, с помощью которых можно регулировать состояние отношений между национальными группами, поддерживать атмосферу толерантности и социального доверия. Данные механизмы имеют непосредственное отношение к обеспечению неискаженной коммуникации, поскольку именно через информационные источники становится возможным формирование позитивных межэтнических установок¹.

Тематизация политического дискурса информационно-коммуникативного поля в постсоветский период демонстрирует актуализацию темы этнотерриториальных конфликтов. Поэтому, на наш взгляд, исследование полиэтничной среды региона, наряду с концептом «социальное доверие», предполагает рассмотрение концепта «этнотерриториального конфликта». Необходимость совершенствования технологий медиа мониторинга и дискурс-анализа проблемы этнотерриториального конфликта, специфических особенностей его отражения в СМИ с использованием новых социальных медиа, этапов обсуждения усложняющихся взаимодействий участников этого вида конфликтов объясняется жестким влиянием информационных технологий на публичную сферу политики и настроения различных социально-демографических и этно-конфессиональных групп, а также характер их политического участия. Конфликтологическая экспертиза предполагает определение причин затяжного характера этнотерриториальных конфликтов, обобщение опыта регулирования и стимулирования постконфликтной реконструкции и конструирование мирного социально-политического, экономического и толерантного этнокультурного пространства.

¹ Юрченко И.В. Проблемы доверия и этнотерриториальные конфликты // Этничность и власть: Управление рисками и безопасность в условиях этнополитических конфликтов и кризисных ситуаций. Материалы XI междунар. семинара 15-20 мая 2012 г., г. Ялта. Севастополь, 2013. С. 269.

В экспертной диагностике для конкретизации анализа и прогнозирования течения этнотерриториального конфликта немаловажное значение имеют принципы картографии конфликтов, предложенные П. Вером еще в 1979 г.¹, которые до сих пор не потеряли своей ценности. В дальнейшем эти принципы развивались в работах Х. Майалла, О. Рамсботама, Т. Вудхауса, Д. Блумфильда, Б. Рейли, М. Леонхардта² и др. Этот метод основан на идее «снимка» конфликта в определенный промежуток времени. Данный «снимок» запечатлевает основных участников, представителей заинтересованных сторон, проблемы и взаимосвязи всех остальных акторов, третьих сторон и активистов потенциальных мирных альянсов, способных изменить ситуацию. Исследователи отмечают, что именно на «местных акторах» лежит основная ответственность за урегулирование конфликтов, и именно они имеют наибольшие возможности трансформировать собственный конфликт. Также существуют примеры, когда среди сторон конфликта появляется заинтересованная группа, которая начинает играть роль «встроенной третьей стороны», которая начинает помогать открытию каналов диалога и создавать новые политические возможности, что позволяет отказаться от насильственных форм борьбы³. Таким образом, происходящие на микроуровне конфликта (т.е. на уровне межличностных взаимоотношений) изменения, могут оказывать позитивное влияние и на макроуровень⁴.

¹ Wehr P. Conflict Regulation. Boulder (Colorado), 1979.

² Miall H., Ramsbotham O., Woodhouse T. Contemporary Conflict Resolution. Cambridge, 1999; Bloomfield D., Reilly B. The Changing Nature of Conflict Management // Democracy and Deep-Rooted Conflict / Eds. P. Harris, B. Raily. Stockholm, 1998; Leonhardt M. Conflict Impact Assessment of EU Development Cooperation with ACP Countries: A Review of Literature and Practice. London, 2000.

³ Майалл Х. Трансформация конфликтов: комплексная задача // Этнополитический конфликт: пути трансформации: настольная книга Бергхофского центра. М., 2007. С. 91.

⁴ Юрченко И.В. Проблемы доверия и этнотерриториальные конфликты // Этничность и власть: Управление рисками и безопасность в условиях этнополитических конфликтов и кризисных ситуаций. Материалы XI междунар. семинара 15-20 мая 2012 г., г. Ялта. Севастополь, 2013. С. 270.

Анализ и системное моделирование взаимодействия главных сил, находящихся в состоянии противоборства, с учетом их основных ресурсов и тактики поведения позволяют определить наиболее вероятные сценарии развития ситуации в определённый промежуток времени и на определенной территории. В этом смысле интерес представляет «Атлас социально-политических проблем, угроз и рисков Юга России», в котором комплексно представлена обстановка в ЮФО и сопредельных территориях¹.

Функциональный анализ структурных элементов исследуемой региональной общности позволит обнаружить источники дисфункциональности и латентного течения конфликтов низкой интенсивности, чреватых перерастанием в жесткую конфронтацию политических акторов, способную разрушить стабильность, целостность и динамическое равновесие системы. Сложившаяся ситуация на Юге России, связанная с бесконтрольными миграционными потоками в постсоветский период, обусловила тематизацию дискурса по отношению к этническим мигрантам. Характерно, что в этом дискурсе был как конфликтный, так и интеграционный потенциал. И в обществе можно было проследить флуктуации протеста и поддержки формирующейся миграционной политики разными социальными и этническими группами. Параллельно то усиливалось, то ослаблялось конфликтное противоборство акторов этнополитических отношений, таким образом подтверждая идею дискурсивного конструирования реальности. Понять сущность и проявления конфликтного потенциала возможно только при условии признания конфликтного взаимодействия различных пониманий происходящего разнородными акторами, которые в зависимости от характера понимания группируются вокруг влиятельного артикулятора своих мыслей, идей, взглядов, оценок². Важнейшей тенденцией развития коммуникативного поля политико-информационного пространства современного общества является конфликтный и интеграционный потенциал

¹ Атлас социально-политических проблем, угроз и рисков Юга России / под ред. Г.Г. Матишова. В 6 т. Ростов н/Д, 2006 - 2013.

² Проблемы устойчивого развития региона: информационная безопасность полиэтничного социума (на материалах Юга России) / под ред. В.М. Юрченко. Краснодар, 2011. С. 67.

информационных ресурсов. Формирование нового содержания коммуникативного поля политического пространства связано с широким распространением информационно-сетевых технологий и протестными настроениями, распространяемыми и подогреваемыми под влиянием внешних акторов конкурентного взаимодействия. Изучение синергично-информационных процессов в поле политики и журналистики требует учета редукции смыслов, которые проявляются в неоднозначных трактовках уже самого понятия «сети»: это и определенная характерная структура социальных взаимодействий, и результирующая процесса максимального охвата аудитории, выраженная словами «попасть в сети». Информационная политика, как и вся государственная стратегия по обеспечению национальной и региональной безопасности, обусловлена тем, что любые общественные взаимодействия изначально являются информационными, а это создает возможности более продуктивного использования «мягких», несиловых, информационных политических технологий. Социальные сети можно и необходимо эффективно использовать в различных областях не только с целью налаживания контактов и общения, но и с целью получения информации, взаимодействия с учеными, политиками и чиновниками, осуществления научной, социальной и политической деятельности. Социальные сети можно назвать своеобразным «виртуальным пространством», в котором находят отражение как различные проблемы, волнующие общество, так и оценки лиц, становящихся лидерами определенных агрессивных настроений¹.

Поэтому комплексный подход к анализу коммуникативного поля полиэтничного региона в условиях усиления деструктивных тенденций в информационном пространстве и социальных сетях предполагает использование научных методов исследования интерактивных взаимодействий и процессов группообразования. В системе коммуникации агентов информационного

¹ Юрченко И.В. Комплексный подход к анализу региональной безопасности в условиях усиления деструктивных тенденций в информационном пространстве и социальных сетях // Личность Общество. Государство: проблемы развития и взаимодействия. Материалы всерос. науч.-просвет. конф. 26-30 сентября 2013 г. Краснодар, 2013. С. 312-313.

взаимодействия полиэтничного социума (этнические группы, титульные и не титульные, политическая элита) основополагающую роль играют их диспозиции, которые могут быть позитивными и негативными. Политическая и культурная неоднородность, противоречивость интересов и социальных диспозиций приводит к конфликту интерпретаций, неоднозначным, иногда взаимоисключающим оценкам, что в свою очередь мешает позитивной межэтнической коммуникации. Таким образом, эвристическая и практическая значимость исследования коммуникативного поля полиэтничного региона обусловлена применением комплексного мониторинга информационно-сетевого пространства, основанного на методах конфликтологической экспертизы.

Рассматривая конфликтогенные и интеграционные факторы развития регионов Юга России в условиях новых геополитических вызовов, в частности, обусловленных процессом воссоединения Крыма с Россией, используется конструктивистская парадигма. С точки зрения конструктивистской парадигмы, интеграция – это очень важный процесс для формирования и развития социальных систем. Рассмотрим схему, предложенную Т. Парсонсом в работе «Система современных обществ». Аналитически вычленив из реального потока социального взаимодействия культурные, личностные подсистемы и поведенческие организации, Т. Парсонс рассматривает их как компоненты окружающей среды по отношению к социальной подсистеме. По аналогии, все эти подсистемы являются такими же компонентами и для политической подсистемы. Структурно-функциональный анализ проводится им на основе рассмотрения проблемы интеграции в контексте координации элементов, составляющих социальную систему, включающую функцию «сохранения и воспроизводства образца» культурной подсистемы, «целестроительство» личностной подсистемы и адаптационную функцию поведенческого организма, «как сосредоточение основных возможностей человека, на которые опираются остальные системы». Эта методология имеет большое значение в процессе изучения социально-политических процессов на постсоветском пространстве в условиях новых геополитических вызовов. Изучение региональных интеграционных процессов непосредственно реализуется посредством целестроительной

функции личностной подсистемы, то есть измеряется, в первую очередь, человеческим потенциалом.

В настоящее время миграционные процессы на Юге РФ определяются как общими факторами для России и всего постсоветского пространства, так и региональными. Ведущим региональным фактором Причерноморья является его географическое и геополитическое положение. Южный климат, благоприятные природные условия и хозяйственная освоенность всегда делали и делают регион благоприятным для длительного проживания¹. Однако другие факторы, в частности и межэтнические, военные конфликты, вызывают массовые потоки вынужденных мигрантов и снижают привлекательность региона. Если говорить в целом о Юге России и о Северном Кавказе, то, по оценке Г.Г. Матишова, «криминогенная обстановка в регионе продолжает оставаться сложной. Наличие организованных преступных группировок делает жизнь населения небезопасной»².

На протяжении длительного периода этот регион служил мостом, соединяющим части единого Советского государства – Европейскую часть России и Закавказье, что служило предпосылкой и залогом развития многообразных культурно–исторических и политико–экономических связей. Это же создавало условия формирования диаспор (как русских в Закавказье, так и армян, и азербайджанцев на Юге России). В современных же условиях, после распада СССР, наблюдается перманентное нарастание этнополитических конфликтов. Некогда мирное, транзитное положение региона превратилось в приграничное – со всеми вытекающими отсюда последствиями, вроде режимного обустройства границ, таможенного контроля, борьбы с контрабандой и другими нелегальными и криминальными действиями. Приграничное положение всегда связано и с повышенными военными рисками, что особенно ярко проявилось во время конфликтов в Чечне 1994-1996 и 1999-2000 гг. и в период Грузино-Югоосетинского вооруженного конфликта 2008 г.

¹ Белозеров В.С. Этническая карта Северного Кавказа. М., 2005.

² Матишов Г.Г. Проблемы обновления многоукладного региона и задачи фундаментальной науки // Реалии многоукладного региона: потенциал обновления и препятствия развитию. Ростов н/Д, 2012. С. 16.

Опасным фактором является наличие в пограничных регионах мощных очагов не только межэтнических, но и межконфессиональных конфликтов, которые всегда сопровождаются всплесками потоков беженцев и вынужденных переселенцев. Поэтому миграция из Закавказья на Юг России, во-первых, обусловлена этнорелигиозными конфликтами и очагами напряженности а, во-вторых, многонациональным составом (она не ограничивается только русскими и «русскоговорящими», но и охватывает представителей других национальных меньшинств и даже титульных этносов стран Закавказья).

Сочетание закавказских очагов вооруженных межэтнических конфликтов с собственно северокавказскими превратило Юг России, по сути, в единую и обширную зону напряженности. Как известно, отдельные территории Российского Юга в настоящее время являются ареалами концентрации миграционных потоков не только из российских регионов, но и из стран ближнего и даже дальнего зарубежья. Эта территория, в настоящее время отличается повышенной привлекательностью для мигрантов. На протяжении последних десятилетий эта зона характеризовалась интенсивными этнодемографическими процессами, усиливающими этническую гетерогенность. Благодаря активной трудовой миграции из Центральной Азии, признаки изменения этнической структуры населения в некоторых муниципальных образованиях Краснодарского края проявились особенно остро. В XXI в. положительное сальдо миграции сохраняется именно в Краснодарском, при этом на его долю приходится до 90% миграционного прироста всего Юга России.

Мигранты часто рассматриваются как реальные или потенциальные конкуренты на рынке труда, что может дестабилизировать обстановку. Одним из негативных последствий этих тенденций является усиление теневой, неформальной, в том числе и криминальной сферы занятости населения. Для регионов юга России в контексте масштабных неконтролируемых миграций, проблема теневой экономики особенно актуальна. В теневой экономике к концу XX в. было занято около 15-30% российских работников¹. В начале XXI в. позитивных процессов в

¹ Косале Л. Между хаосом и социальным порядком // Pro et Contra. 1999. Т. 4, № 1. С. 40-54.

этой области, к сожалению, пока не произошло. Юг России с его многочисленным многонациональным населением играет очень важную роль в инновационном развитии Российской Федерации, но в новых геополитических условиях особое значение имеют пограничные регионы. К таким регионам относится и Республика Крым, и Краснодарский край¹, особенность которого состоит в том, что после распада СССР и до присоединения Крыма, его Черноморское побережье было единственным выходом Российской Федерации в южные моря. Здесь слились воедино факторы географии, экономики и политики, что для края выразилось, с одной стороны, в резко возрастающей социально-экономической нагрузке, а с другой стороны - в повышении требовательности со стороны федеральной власти. В сложившихся обстоятельствах необходима ответственная интеграционная политика в сфере регионального сотрудничества, которое формировалось на межгосударственном уровне (например, с Турцией) и непосредственными связями между предприятиями и фирмами. Намечившаяся тенденция регионализации порождает стремление находящихся в похожих географических условиях стран к объединению в целях совместного решения возникающих социально-политических и экономических проблем в условиях мирового кризиса.

Таким образом, факторы интеграционной политики для активизации модернизации в регионах Юга России связаны с комплексным решением внутривнутриполитических и внешнеполитических проблем. В этом контексте следует подчеркнуть важность политических технологий обеспечения национальной безопасности Российского государства и общества на региональном уровне с тем, чтобы повысить влияние интеграционных факторов формирования общероссийской гражданской идентичности.

¹ Юрченко И.В. Современные проблемы безопасности России на южном направлении // Изменяющаяся Россия: проблемы безопасности и пограничной политики. Челябинск, 2006. С. 248.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

По итогам проведенного исследования были получены результаты, характеризующие уровень, тенденции и факторы развития человеческого потенциала в полиэтничной среде Юга России в контексте реализации целей устойчивого развития. В процессе исследования определены концептуальные и методологические подходы к теоретической и эмпирической интерпретации человеческого потенциала как категории политической науки. С политической точки зрения понятие «человеческий потенциал» интерпретируется как объем кинетической энергии населения, направленный на реализацию базовых задач государственной политики устойчивого развития.

Учитывая особенно значимое экономическое и геополитическое значение исследуемого региона, которое заключается в наличии на его территории санаторно-курортного и рекреационного комплекса, агропромышленных предприятий, важнейших российских морских портов (Новороссийск, Ейск, Темрюк, Туапсе, Кавказ, Керчь, Севастополь и др.), требующих постоянного развития и модернизации, в научном проекте подчеркивается важность поиска эффективных технологий развития человеческого потенциала как приоритетного ресурса обеспечения национальной и региональной безопасности, устойчивого социально-экономического развития. После воссоединения Крыма с Россией, до введения в эксплуатацию Крымского моста, паромная переправа Порт-Кавказ была практически единственным связующим звеном Краснодарского края с Крымским полуостровом. Общим для побережья Азовского и Черного морей является их важное значение для транспортных связей России с государствами, расположенными в зоне Черного, Средиземного, Красного морей, Атлантического и Индийского океанов; курортно-туристического потенциала России, сельскохозяйственного производства, в том числе для выращивания риса, винограда, чая, орехоплодных и других южных и субтропических культур; рыбного хозяйства и производства из морского сырья пищевой, медицинской, ветеринарной, кормовой и технической продукции.

О поиске новых направлений политических исследований проблем безопасности говорит множество фактов, в частности,

разработка геополитической доктрины Российской Федерации, призванной определять стратегию развития страны в XXI в., а также создание автоматизированной базы данных по геополитическим проблемам, формируемой на основе комплексного мониторинга и системного анализа. Геополитическая доктрина РФ, наряду с Концепцией национальной безопасности, Военной доктриной, Доктриной информационной безопасности и другими основополагающими документами должна способствовать формированию эффективной внешней и внутренней политики России, содействовать адаптации нашей страны к кардинальным трансформациям международных отношений, в результате которых изменились все их основные параметры.

Значение Черноморского региона обусловлено его выгодным географическим положением, пересечением транспортных коридоров, но оно особенно возросло после распада СССР и социалистического лагеря. Морская акватория стала вызывать особый интерес новых причерноморских государств, которые, начиная с этого времени, практически заново стали формулировать свои права и приоритеты, что привело к кардинальным изменениям ситуации в Черноморском регионе в контексте роста конфликтологических факторов и социально-политической напряженности. В этих условиях особое значение приобретают интеграционные процессы и тенденции, в частности, деятельность ОЧЭС (организации Черноморского экономического сотрудничества), а само экономическое сотрудничество напрямую зависит от качества и развития интеллектуального, кадрового, инновационного и в целом - человеческого потенциала региона.

Эмпирическую интерпретацию базового понятия исследования – «человеческий потенциал» целесообразно производить на базе синергетической парадигмы, предполагающей изучение структурных компонентов изучаемого явления и связей между ними, что дает возможность включать в модель специфические компоненты (такие как идеологическая и этнокультурная), отражающие региональные особенности Юга России. В качестве структурных компонентов человеческого потенциала южного макрорегиона в работе определены: потенциал стабильности и воспроизводства (демографический, трудовой, социальный), этнокультурный потенциал

(идеологический, этнокультурный), потенциал прогрессивного развития (интеллектуальный, инновационный).

Анализ новейших исследований по проблеме человеческого развития показал, что в процессе измерения человеческого потенциала важно учитывать мотивационную составляющую, которая отражает «потенциальные возможности» человека. Основной компонентой в структуре потенциала молодежи является инновационная составляющая, как базовая доминанта развития данной возрастной когорты.

По итогам исследования был произведен анализ результатов эмпирического исследования уровня развития человеческого потенциала в Краснодарском крае и Республике Крым, оценка факторов, оказывающих влияние на развитие человеческого потенциала в данных регионах. На основе полученных эмпирических данных реализован сравнительный анализ регионов Юга России (Краснодарского края и Республики Крым) по уровню развития человеческого потенциала с учетом этнической составляющей. Эмпирические результаты исследования демонстрируют характер влияния основных параметров состояния внутренней социально-политической среды региона на уровень интеграции человеческого потенциала и степень его конфликтности (экономическая безопасность, распространенность коррупции, правовая защищенность, равноправие, уровень физической безопасности, информационная безопасность, миграционные риски).

Результаты произведенных измерений и статистическое сравнение полученных результатов в региональном разрезе на выборке массового опроса показывают, что уровень развития человеческого потенциала молодежи в Республике Крым оказался ниже, чем в Краснодарском крае. Данные, полученные по опросной методике согласуются с объективными данными расчета ИРЧП в изучаемых регионах. Региональные различия проявляются, главным образом, в трудовой и этнокультурной компонентах. Краснодарский край опережает Крым по параметрам развития гражданского самосознания и предпринимательскому потенциалу, в том числе в сфере развития инноваций в бизнесе. В Республике Крым по сравнению с Краснодарским краем, несмотря на отставание по фактическим критериям, оказалась более развита мотивационная

составляющая: ориентация на многодетные семьи, желание иметь полную трудовую занятость, наличие мотивации повышать образовательный уровень, мотивация к новаторской деятельности. По результатам регрессионного анализа, на уровень человеческого развития в данных регионах значимое влияние оказывают уровень жизни, уровень физической безопасности и уровень терпимости полиэтничной среды. Последний фактор, особенно применительно к ситуации в Краснодарском крае, имеет интеграционную направленность. Наиболее сильным конфликтогенным фактором является уровень коррупции.

Реализованная в монографии методика исследования позволила определить распространенность группы риска (часть молодого населения изучаемых регионов, которая испытывает жизненные трудности и чувство незащищенности), к которой была отнесена примерно пятая часть опрошенных. В процессе анализа было замечено, что наличие гражданской идентичности снижает вероятность отнесения объекта к группе риска, что характеризует данный тип идентичности как фактор стабильности.

При оценке соотношения целей государственной политики и жизненных установок молодежи Краснодарского края и Республики Крым был выявлен явный недостаток мотивации молодежи к инновационной и предпринимательской деятельности, от чего по сути зависит перспективность и конкурентоспособность развития как страны в целом, так и ее регионов. Также результаты указывают на актуальность проблемы «утечки умов», что диктует необходимость реализации программ предупреждения эмиграции российских молодых специалистов в другие страны.

В процессе исследования рассмотрены основные угрозы и риски региональной безопасности в Причерноморье. Особое внимание уделено историческим предпосылкам их возникновения и факторам эскалации конфликтов. Отмечается значение геополитических экономических и этнокультурных составляющих развития отношений между государствами Причерноморья и других заинтересованных акторов политического влияния. Определено, что конфликтогенная политическая ситуация в Причерноморье после распада СССР объясняется соперничеством ведущих субъектов международной политики за глобальное и региональное лидерство в этом

политическом пространстве и попытками таких политических игроков как США и НАТО применять технологии прямых и непрямых действий и управляемого хаоса для ослабления своих основных конкурентов, и в первую очередь России. В этих условиях российскому государству, как основному субъекту политических технологий обеспечения региональной безопасности, осуществляющему функции организации и контроля всей совокупности политических процессов, приоритетного влияния на ход политических событий, необходимо изыскивать и концентрировать имеющиеся ресурсы в целях обеспечения национальной и региональной безопасности в интересах своих граждан и международной безопасности в интересах всего мирового сообщества в целом.

Рассмотрены современные внешнеполитические и внутривнутриполитические интеграционные процессы в российском Причерноморье. Подчеркивается их роль в развитии человеческого капитала региона. Делается акцент на уже созданных и создаваемых интеграционных структурах, проблемах и перспективах повышения их роли в обеспечении социально-экономического роста. Делается вывод о роли ШОС, БРИКС, ЕАЭС, ОДКБ и Таможенного союза как о наиболее значимых интеграционных проектах на постсоветском пространстве, от успешности которых зависит и эффективность социально-экономического развития российского Причерноморья, включая Крым. Совместная деятельность государств в составе данных структур позволяет не только прийти к конструктивному разрешению конфликтных ситуаций, но и создать ресурсный потенциал для осуществления международной политики.

Среди важнейших факторов, влияющих на развитие человеческого потенциала в исследуемых регионах, наибольшее значение, по мнению экспертов, имеет федеральная политика в области образования, культуры, экономики, а также качество государственного управления и эффективность борьбы с негативными явлениями. Кроме этого, отмечалось значение внешнеполитических факторов, в том числе, процессов глобализации или государственного изоляционизма, а также международная конфликтность, информационные и «гибридные» войны, тенденции радикализации протестных общественных движений. Ценными представляются экспертные оценки о

способности региональной социальной общности к сохранению и воспроизводству собственных культурных образцов, а также роль этического менталитета и идентичности в процессе духовного оздоровления современного многосоставного общества. Кроме того, эксперты указали на положительный тренд развития гражданской идентичности в полиэтничном Краснодарском крае и способности воспринимать иные культурные ценности. В то же время, в дальнейшем ценностные ориентиры будут обусловлены в большей степени экономической составляющей. Способность воспринимать культурные ценности и воспроизводить культурные образцы своей общности будет снижаться, что может привести к новому витку кризиса идентичности. А уровень межэтнического доверия и готовность сотрудничать с носителями другой культуры улучшится. Данный показатель и в настоящее время является достаточным для бесконфликтного социального взаимодействия в исследуемых регионах. По оценкам экспертов, положительные тенденции наблюдаются в области развития способности к саморазвитию, самообразованию и творческой деятельности, что, безусловно, может оказать позитивное влияние на развитие интеграционного потенциала. Данные анкетного опроса показывают, что восприятие уровня безопасности в Крыму студенческой молодёжью в целом позитивное, но отмечено сниженное восприятие уровня правовой и финансовой безопасности. Это объясняется трудностями перехода крымского регионального сообщества на российское законодательство, а также финансовыми трудностями. Восприятие уровня защищённости личности и регионального сообщества от внешних угроз жителями Краснодарского края и Республики Крым различается, что обусловлено конкретными историческими фактами на постсоветском пространстве и реальным процессом интеграции Крыма в Российское социально-экономическое и политико-культурное пространство. Например, в общественном мнении жителей Краснодарского края преобладают экономические мотивы, ощущения материальной незащищённости, а жителей Крыма – мотивы межэтнических отношений внутри региона, в частности, этническая и конфессиональная идентичность крымских татар, что рассматривается как конфликтогенный фактор. Межэтнические дистанции и состояние конфликтности являются результатом

установок групповой этнической и конфессиональной идентичности, социально-экономических противоречий. Однако предпринимаются активные попытки распространения (особенно в социальных сетях) мнимых фактов «дискриминации» крымских татар. В целом в условиях воссоединения Крыма с Россией преобладают положительные изменения, подтверждающие наличие и возможности реализации интеграционного потенциала регионального развития и межрегионального взаимодействия.

По результатам исследования можно представить рекомендации, касающиеся политики развития человеческого потенциала:

1) включить в систему индикаторов целей устойчивого развития России блок, отражающий уровень развития гражданской идентичности как показателя стабильности и устойчивости полиэтничного и поликонфессионального социума, которым по сути является Россия и ее отдельные регионы;

2) конструирование российской гражданской идентичности должно стать надэтническим проектом, решающим задачу интеграции народов, населяющих нашу страну в единое этнокультурное пространство, что особенно актуально для Республики Крым как нового субъекта РФ;

3) внутренняя политика (федеральная и региональная) должна быть всецело направлена на противодействие коррупции как одному из основных факторов, препятствующих развитию человеческого потенциала;

4) необходимо формирование комплекса государственных мер по стимулированию мотивации молодежи к инновационной деятельности, созданию благоприятного предпринимательского климата при реализации инновационных проектов, а также мер по решению проблемы эмиграции молодых специалистов в другие страны;

5) обеспечить безопасное и инновационное развитие всех сфер жизни общества возможно только при условии учета региональной специфики, применяя, с одной стороны универсальные принципы эффективного управления, с другой – дифференцированный подход к управлению каждой территорией на основе подходов социальной экологии;

6) стратегическая неопределенность в современном обществе, обусловленная его открытостью и мобильностью

вызывает нетрадиционные типы угроз, которые требуют особого внимания и изучения;

7) необходима научно обоснованная стратегия интеграции Крыма с другими субъектами РФ и формирование единого политико-экономического и социально-культурного пространства на основе укрепления российской национальной идентичности, равноправного диалога этнических и конфессиональных групп;

8) в этнополитическом аспекте целесообразно позиционировать строительство российской гражданской нации как надэтнический проект, предполагающий не изолированное развитие народов, а их добровольную интеграцию.

Приоритетными являются ценности мира, межэтнического и конфессионального согласия, взаимного уважения и равноправия. На поддержание таких ценностей должна быть направлена как государственная информационная политика, так и деятельность научных и педагогических сообществ, национально-культурных объединений, этнических элит. Региональная идентичность также переосмысливается в качестве важного ресурса укрепления российской интеграции. На основе приоритета российской общегражданской идентичности, создания диалоговых механизмов согласования и представительства этнических и конфессиональных интересов в публичной политике, сплочения региональных сообществ будет реализовываться интеграционный потенциал регионов Юга России в новых условиях международных отношений.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Авксентьев, В. А. Региональная конфликтология: экспертное мнение / В. А. Авксентьев, Г. Д. Гриценко, А. В. Дмитриев. - М.: Альфа-М, 2007. – 208 с.
2. Авксентьев, В. А. Региональная конфликтология: концепты и российская практика / В. А. Авксентьев, Г. Д. Гриценко, А. В. Дмитриев. - М.: Альфа-М, 2008. – 368 с.
3. Авксентьев, В. А. Российская идентичность и политика идентичности: конструкция и деконструкция / В. А. Авксентьев, Б. В. Аксюмов, В. А. Васильченко, Г. С. Денисова. – Ставрополь: Изд-во СКФУ, 2018. – 214 с.
4. Авксентьев, В. А. Этнополитические основания системного менеджмента на Северном Кавказе / В. А. Авксентьев, В. А. Васильченко В. А., Т. Ф. Маслова, О. И. Лепилкина. – Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2014. – 274 с.
5. Авксентьев, В. А. Этнополитические процессы на Юге России: от локальных к блоковым конфликтам / В. А. Авксентьев, С. Н. Зинев, Д. А. Лавриненко, О. И. Лепилкина, Э. Т. Майборода. – Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2011. – 202 с.
6. Айдинян, Э. М., Шипунова, Т. В. Методологические тупики социологии // Проблемы теоретической социологии / Э. М. Айдинян, Т. В. Шипунова. - Санкт-Петербург: НИИХ СПбГУ, 2000. - Вып. 4. - С. 36-50.
7. Айрапетян, В. Г., Шагаров, Л. М. Человеческий капитал как ресурс модернизации экономики Юга России / В. Г. Айрапетян, Л. М. Шапаров // Вестник ГУУ. – Москва, 2012. - № 2. - [Электронный ресурс]. - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/chelovecheskiy-kapital-kak-resurs-modernizatsii-ekonomiki-yuga-rossii> (дата обращения: 11.10.2019).
8. Андерсон, Б. Воображаемые сообщества: Размышления об истоках и распространении национализма / Б. Андерсон. – Москва: Кучково поле; КАНОН-Ц, 2001. – 287 с.
9. Антоненко, И. В. Социально-психологическая концепция доверия / И. В. Антоненко. - Москва: Наука, 2006. – 479 с.
10. Астафьева, О. Н. Концептуальные основания культурной политики: от теории к практике / О. Н. Астафьева // Синергетика: будущее мира и России. - Москва: Изд-во ЛКИ, 2008. - С. 194-222.

11. Астафьева, О. Н. Коллективная идентичность в условиях глобальных изменений: динамика устойчивого и укоренение становящегося / О. Н. Астафьева // Вопросы социальной теории: научный альманах. 2011. - Т. 5. Человек в изменяющемся мире: пределы идентичности. – Москва: Институт философии РАН, 2011. - С. 223-241.

12. Атлас социально-политических проблем, угроз и рисков Юга России / под ред. Г. Г. Матишова. В 6 томах. – Ростов-на-Дону: Издательство ЮНЦ РАН, 2006. – Т. 1. – 152 с.; 2007. – Т. 2. – 128 с.; 2008. – Т. 3. – 260 с.; 2009. – Т. 4. – 186 с.; 2011. - Т. 5. – 160 с.; 2013. – Т. 6. – 200 с.

13. Ахмедуев, А. Ш. К вопросу об экономическом прорыве на Северном Кавказе, «точках роста» и угрозе застоя / А. Ш. Ахмедуев // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. - 2010. - № 36. - С. 49–56.

14. Ачкасов, В. А. Европа – Россия – Турция: «треугольник взаимозависимости» / В. А. Ачкасов // Первый съезд Российского общества политологов: «Национальные интересы России: глобальные приоритеты, политические стратегии и перспективы», 30 июня - 3 июля 2014 г., г. Суздаль / Российское общество политологов; под общ. ред. А. Ю. Шутова. - Москва: Издательство Московского университета, 2014.

15. Базылева, М. Человеческий потенциал и проблемы его трансформации в человеческий капитал / М. Базылева // Наука и инновации. - 2018. - № 1 (179). - С. 15-19.

16. Бальбек, Р. И. Технологии обеспечения политической стабильности в условиях внешних дестабилизирующих влияний: на примере Республики Крым: дис. ... канд. полит. наук / Р. И. Бальбек; Рос. акад. нар. хоз-ва и гос. службы при Президенте РФ. - Москва, 2019. - 318 с.

17. Баранов, А. В. Изменения этнической структуры населения Крыма в постсоветский период: дрейф идентичностей и миграционные процессы / А. В. Баранов // Геополитика и экогеодинамика регионов. - Симферополь, 2018. - Т. 4 (14). - Вып. 4. - С. 351–360.

18. Баранов, А. В. Крымская региональная идентичность как ресурс легитимации воссоединения с Россией / А. В. Баранов // Научная мысль Кавказа. – Ростов-на-Дону, 2014. - № 4. - С. 51-60.

19. Баранов, А. В. Крымско-татарское движение: тенденции конфликтности и участия в миростроительстве / А. В. Баранов // Власть. - 2015. - № 1. - С. 209–212.

20. Баранов, А. В. Межэтнические и конфессиональные отношения молодёжи в Крыму и Севастополе (на материалах массовых опросов) / А. В. Баранов // Каспийский регион: политика, экономика, культура. - Астрахань, 2019. - № 4 (61). - С. 66–73.

21. Баранов, А. В. Межэтнические отношения в Краснодарском крае и Республике Крым в зеркале общественного мнения молодёжи: сравнительный анализ / А. В. Баранов, М. В. Донцова, В. А. Чигрин // Общество: социология, психология, педагогика. - Краснодар, 2017. - № 11. - С. 10–14.

22. Баранов, А. В. Ориентации и установки восприятия межэтнических и межконфессиональных отношений работающей молодёжью Кубани и Крыма / А. В. Баранов, М. В. Донцова, В. А. Чигрин // Историческая и социально-образовательная мысль. - Краснодар, 2018. - Т. 10, № 5–2. - С. 43-53.

23. Баранов, А. В. Позиционирование и стратегии активности этнополитических движений Крыма в условиях воссоединения региона с Россией / А. В. Баранов // Политическая экспертиза. ПОЛИТЭКС. – Санкт-Петербург, 2014. - Т. 10, № 2. - С. 174-184.

24. Баранов, А. В. Политизация ислама в современном Крыму: конфликтологический аспект / А. В. Баранов // Власть. - 2013. - № 4. - С. 196-200.

25. Баранов, А. В. Региональные политические конфликты на Северо-Западном Кавказе и в Крыму: сравнительный анализ / А. В. Баранов. - Краснодар: Кубанский государственный университет, 2015. - 236 с.

26. Баранов, А. В. Русские политические движения Крыма и Севастополя: ресурсы влияния, позиционирование, повестка дня активности / А. В. Баранов // Каспийский регион: политика, экономика, культура. - Астрахань, 2014. - № 2 (39). - С. 75-84.

27. Баранов, А. В. Сложносоставной конфликт в современном Крыму: типология, внутрорегиональные факторы, стратегии субъектов политики / А. В. Баранов // Политическая экспертиза. ПОЛИТЭКС. – Санкт-Петербург, 2013. - Т. 9, № 3. - С. 119-128.

28. Баранов, А. В. Состояние и задачи социокультурной интеграции крымской молодёжи в российское общество (по

материалам пилотажных опросов) / А. В. Баранов // Учёные записки Крымского федерального ун-та имени В. И. Вернадского. Социология. Педагогика. Психология. - Симферополь, 2018. - Т. 4 (70). - Спецвып. 1. - С. 66–70.

29. Баранов, А. В. Трансформация сложносоставного конфликта в Крыму в условиях воссоединения региона с Россией: внутриполитические и внешнеполитические факторы / А. В. Баранов // Политическая экспертиза. ПОЛИТЭКС. - Санкт-Петербург, 2015. - Т. 11, № 4. - С. 92-105.

30. Баранов, А. В. Факторный анализ уровня интеграции и конфликтности человеческого капитала в полиэтничной среде Черноморского макрорегиона / А.В. Баранов, М.В. Донцова, И.В. Юрченко, Н.Н. Юрченко // Южно-Российский журнал социальных наук. - Краснодар, 2019. - Т. 20, № 4. - С. 166–186.

31. Баранов, А. В. Этнополитические движения Крыма: тенденции конфликтологических исследований в Украине / А. В. Баранов // Известия Сочинского государственного университета. - 2012. - № 4 (22). - С. 213-219.

32. Баранов, А. В. Этнополитические конфликты на Северо-Западном Кавказе и в Крыму: сравнительный анализ / А. В. Баранов. - Москва; Ростов-на-Дону: Фонд образования и науки, 2015. - 236 с.

33. Бараш, Р. Э. Мировоззренческие, социокультурные и общественно-политические установки жителей г. Севастополя после 2014 г. / Р. Э. Бараш // Власть. - 2017. - № 11. - С. 116–122.

34. Беккер, Г. Человеческое поведение: экономический подход. Избранные труды по экономической теории. / сост., науч. ред., послесл. Р.И. Капелюшников, предисл. М.И. Левин. - Москва: Государственный университет – Высшая школа экономики, 2003. – 672 с.

35. Белозеров, В. С. Этническая карта Северного Кавказа / В. С. Белозеров. - М: ОГИ, 2005. – 304, 16 с.

36. Бодак, А. В. Человеческий потенциал как базовая модель развития общества / А. В. Бодак // Материалы XX окружных социальных чтений (г. Сургут, 29–30 октября 2015 г.). - [Электронный ресурс]. - URL: http://socioprofi.com/sites/default/files/publishings/15_0.pdf (дата обращения: 15.04.2017).

37. Бредихин, А. Крымскотатарский вопрос во внешней политике украинских властей (2014–2017 гг.) / А. Бредихин // Россия и новые государства Евразии. - 2017. - № 4. - С. 37–47.

38. Бродовская, Е. В. Студенческая молодёжь Крыма и Севастополя о межнациональных и межрелигиозных отношениях на полуострове: результаты кластерного анализа / Е. В. Бродовская, А. Ю. Домбровская, А. В. Синяков // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. - 2018. - № 2. - С. 30–41.

39. Бродовская, Е. В. Ценностные установки молодежи Крыма и Севастополя в сфере межнациональных отношений: результаты прикладного анализа / Е. В. Бродовская, А. Ю. Домбровская, Д. Н. Карзубов, С. А. Казаченко // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. - 2017. - № 3. - С. 42–51.

40. Брубейкер, Р. Этничность без групп / Р. Брубейкер. - Москва: Издательский дом Высшей школы экономики, 2012. – 408 с.

41. Быченко, Д. Ю. Методологические основы исследования человеческого потенциала / Д. Ю. Быченко // Известия Саратовского университета. Сер.: Социология. Политология. - 2011. - Т. 11. - Вып. 2. - С. 56–59.

42. Быченко, Д. Ю. Развитие человеческого потенциала в условиях модернизации российского общества / Д. Ю. Быченко // Известия Саратовского университета. Сер.: Социология. Политология. - 2012. - Т. 12. - Вып. 1. - С. 53–58.

43. В Крыму живут представители 175 национальностей – предварительные итоги переписи. - [Электронный ресурс]. - URL: <http://www.c-inform.info/news/id/20417> (дата обращения: 11.11.2018).

44. Вакулова, Т. В. Особенности религиозной идентичности крымчан в контексте национальной безопасности России / Т. В. Вакулова, Л. Н. Гарас, Д. В. Маковская // Теория и практика общественного развития. – Краснодар, 2014. - № 14. – С. 61-65.

45. Варавва, М. Ю. Интеллектуальная миграция как дестабилизирующий фактор на пути к инновационной модели развития России / М. Ю. Варавва // Россия: тенденции и перспективы развития. - 2017. - № 12-1. - С. 536-539.

46. Василькова, В. В. Порядок и хаос в развитии социальных систем / В. В. Василькова. – Санкт-Петербург: Изд-во «Лань», 1999. – 480 с.

47. Велешко, Е. Н. Влияние виктимных факторов на политическое поведение крымскотатарских репатриантов. Дис. ... канд. полит. наук / Е. Н. Велешко; Таврический национальный университет имени В. И. Вернадского. - Симферополь, 2007. – 28 с.

48. Вишневский, А. Г. Демографический и трудовой потенциал населения России / А. Г. Вишневский, С. А. Васин, Ж. А. Зайончковская // Современные проблемы России. Путь в XXI век. - Москва: Экономика, 1999. - С. 279-306.

49. Вольхин, Д. А. «Приморский фактор» социально-экономической и демографической динамики Крыма / Д. А. Вольхин // Вестник Ассоциации российских географов-обществоведов. – Ростов-на-Дону, 2016. - № 5. - С.154-164.

50. 85% крымчан считают невозможными межнациональные конфликты на полуострове. – Электронный ресурс. - URL: <https://kianews24.ru/news/85-krimchan-schitayut-nevozmozhnimi-mezhnac/> (дата обращения: 18.11.2019).

51. Габриелян, А. М. Языковая политика в сфере среднего и высшего образования Крыма / А. М. Габриелян // Таврический научный обозреватель. - Симферополь, 2017. - № 9 (26). - С. 64–76.

52. Габриелян, О. А. Система раннего предупреждения межэтнических конфликтов в Крыму: теоретическое обоснование практики предупреждения конфликтов / О. А. Габриелян // Учёные записки Таврического национального университета имени В. И. Вернадского. Серия «Политические науки». - Симферополь, 2003. - Т. 16 (55). - № 1. - С. 3-20.

53. Гай-Нижник, П. П., Реінтеграція Криму та послаблення кримської регіональної проросійської ідентичності в контексті реалізації державної політики національної безпеки України / П. П. Гай-Нижник, О. В. Батрименко, Л. В. Чупрій // Гілея. – Київ, 2015. – Issue 103. – Р. 333–339.

54. Гарас, Л. Н. Религиозный фактор в социально-политических процессах: крымское измерение / Л. Н. Гарас // Политическая экспертиза. ПОЛИТЭК. – Санкт-Петербург, 2014. - № 2. - С. 199–214.

55. Глазьев, С. Ю. Угроза войн и ответ России / С. Ю. Глазьев // Россия в глобальной политике. Новые правила игры без правил. - Москва: Эксмо, 2015. - С. 93-97.

56. Глобализация и регионализм. Черноморский регион. Балканы / пред. редсовета: В. В. Журкин. - Москва: Ин-т Европы РАН; Интердиалект+, 2001. – 404 с.

57. Глухова, З. В. Человеческий капитал и человеческий потенциал: подходы к оценке / З. В. Глухова, Е. С. Куклина // Вестник Сибирской государственной автомобильно-дорожной академии. – Омск, 2013. - № 2 (30). - С. 95-100.

58. Государственная программа «Молодежь Севастополя» на 2015–2020 годы. - [Электронный ресурс]. - URL: <http://docs.cntd.ru/document/430654449> (дата обращения: 11.11.2018).

59. Государственная программа Республики Крым «Молодежь Крыма» на 2015–2017 годы. - [Электронный ресурс]. - URL: http://krbm.ru/wp-content/uploads/2016/02/Postanovlenie_ob_utverzhenii_Gosudarstvennoy_programmy_Respubliki_Krym_Molodezh_Kryma_na_2015-2017_gody.pdf (дата обращения: 11.11.2018).

60. Гросфельд, Е. В. Роль национально-культурного и этнорелигиозного самоопределения тюркских народов в Крыму в развитии общероссийской гражданской идентичности / Е. В. Гросфельд // Учёные записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Философия. Политология. Культурология. Симферополь, 2017. - Т. 3 (69). - № 4. - С. 113–123.

61. Гросфельд, Е. В. Деятельность Меджлиса крымско-татарского народа по созданию в Крыму национальной государственности крымских татар (2017 год) / Е. В. Гросфельд, В. В. Харабуга // Учёные записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Философия. Политология. Культурология. - 2017. - Т. 3 (69). - № 2. - С. 55–64.

62. Гросфельд, Е. В. Национально-культурное и этнорелигиозное самоопределение крымских татар как взаимодействие национального и политического в системе гражданской идентификации / Е. В. Гросфельд, Т. Н. Ходосов // Учёные записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Философия. Политология.

Культурология. - Симферополь, 2018. - Т. 4 (70). - № 4. - С. 110–119.

63. Гузенкова, Т. С. Крымские татары: особенности и проблемы интеграции в российское пространство / Т. С. Гузенкова, О. Б. Неменский, Г. А. Хизриева // Проблемы национальной стратегии. - 2016. - № 4 (37). - С. 31–57.

64. Дарендорф, Р. Современный социальный конфликт: Очерк политики свободы / Р. Дарендорф. – Москва: РОССПЭН, 2002. – 284 с.

65. 90% кубанцев дружелюбны к людям других национальностей // Сайт «Обзор». - [Электронный ресурс]. - URL: <http://obzor.io/2018/06/13/90-kubancev-druzhelyubny-k-lyudyam-drugix-nacionalnostej-26015/> (дата обращения: 22.08.2019).

66. Денисова, Г. С. Сравнительный анализ оценок населением Крыма и других регионов ЮФО характера межэтнических отношений / Г. С. Денисова // Учёные записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Социология. Педагогика. Психология. - Симферополь, 2018. - Т. 4 (70). - Спецвып. № 1. - С. 159–165.

67. Доклад «Индексы и индикаторы человеческого развития. Обновленные статистические данные 2018» (опубликовано для ПРООН). - [Электронный ресурс]. - URL: http://hdr.undp.org/sites/default/files/2018_human_development_statistical_update_ru.pdf (дата обращения: 29.04.2019).

68. Доклад о состоянии гражданского общества в Краснодарском крае за 2017 год / рук. раб. гр. Л. В. Попова. - Краснодар: Общественная палата Краснодарского края, 2018. – 108 с.

69. Доклад о человеческом развитии в Российской Федерации за 2018 год / под ред. С. Н. Бобылева и Л. М. Григорьева. - Москва: Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации, 2018. – 172 с.

70. Доклад об итогах федерального статистического наблюдения «Перепись населения в Крымском федеральном округе» со 100-процентным охватом населения. - [Электронный ресурс]. - URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/demo/perepis_krim/perepis_krim.html (дата обращения: 14.10.2018).

71. Докторович, А. Б. О сохранении и развитии человеческого потенциала // Пространство и Время. - 2011. - № 4. - С. 125-130.

72. Докторович, А. Б. Социально-экономическое развитие современного государства: Индекс развития человеческого потенциала / А. Б. Докторович // Регион: социальный, экономический, этнографический и культурный феномен России: Сборник научных трудов. - Саратов: Издательство Поволжской академии государственной службы, 2003.

73. Долгосрочная краевая целевая программа «Гармонизация межнациональных отношений и развитие национальных культур в Краснодарском крае на 2013–2017 годы» (в редакции Постановления главы администрации (губернатора) Краснодарского края от 14.12.2012 № 1511). – Электронный ресурс. - URL: <http://www.docs.pravo.ru/document/view/29667633/30367059/> (дата обращения: 12.11.2019).

74. Донбас і Крим: ціна повернення / за заг. ред. В. П. Горбуліна, О. С. Власюка, Е. М. Лібанової, О. М. Ляшенко. – Київ: Національний інститут стратегічних досліджень, 2015. – 474 с.

75. Донцова, М. В. Специфика измерения уровня развития человеческого потенциала полиэтничного социума Юга России / М. В. Донцова // VI Столыпинские чтения. Социально-политическая и экологическая безопасность как политический курс стратегического развития современной России: материалы научно-практической конференции с международным участием / отв. ред. В. М. Юрченко. - Краснодар: Кубанский государственный университет, 2017. – С. 380-384.

76. Донцова, М. В. Факторы интеграции и конфликта в развитии человеческого потенциала Юга России: методология исследования / М. В. Донцова, И. В. Юрченко, Н. Н. Юрченко // Историческая и социально-образовательная мысль. - Краснодар, 2017. - Т. 9. - № 5-2. - С. 155-161.

77. Еремина, Е. В. Значение человеческого потенциала в развитии региона / Е. В. Еремина // Russian Journal of Education and Psychology. – Красноярск, 2012. - № 5 (13). - [Электронный ресурс]. - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/znachenie-chelovecheskogo-potentsiala-v-razvitii-regiona> (дата обращения: 17.11.2019).

78. Ефимов, С. А. Некоторые социологические штрихи к вопросу об идентичности крымчан / С. А. Ефимов // Вопросы развития Крыма. – Симферополь: СОНАТ, 2012. - Вып. 16. - С. 221-228.

79. Завершинский, К. Ф. Политико-культурные измерения социальных конфликтов / К. Ф. Завершинский // Конфликт как проблема. Очерки современной теоретической и прикладной конфликтологии. – Санкт-Петербург: Фонд развития конфликтологии, 2015. – С. 89-91.

80. Задорин, И. В. Регионы «рубежа»: территориальная идентичность и восприятие «особости» / И. В. Задорин // Полития. - 2018. - № 2. - С. 102–136.

81. Заславская, Т. И. Человеческий потенциал в современном трансформационном процессе / Т. И. Заславская // Общественные науки и современность. - 2005. - № 4. - С. 13–25.

82. Иванов, О. И. На пути к теории человеческого потенциала / О. И. Иванов // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. Сер. 12: Психология. Социология. Педагогика. - 2010. - Вып. 3. - С. 331-338.

83. Игорь Баринов: «70% крымских татар успешно адаптировались к жизни в России». – [Электронный ресурс]. - URL: <http://fadn.gov.ru/news/2017/03/13/3145-igor-barinov-70-krymskih-tatar-uspeshno-adaptirovalis-k-zhizni-v-rossii> (дата обращения: 11.10.2019).

84. Идентичность: Личность, общество, политика: Энциклопедическое издание / отв. ред. И. С. Семенов. - Москва: Весь мир, 2017. - 992 с.

85. Ильин, Н. И. Воспроизводственная структура: понятие и содержание / Н. И. Ильин // Власть. - 2006. - № 8. - С. 44-46.

86. Индексы и индикаторы человеческого развития. Обновленные статистические данные 2018. - [Электронный ресурс]. - URL: http://hdr.undp.org/sites/default/files/2018_human_development_statistical_update_ru.pdf (дата обращения: 11.10.2019).

87. Исаев, Л. М. Политическая география Крыма: опыт количественного анализа / Л. М. Исаев, А. В. Коротаев // Высшая школа экономики [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.hse.ru/news/126775527.html> (дата обращения: 11.10.2019).

88. Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года в отношении демографических и социально-экономических характеристик отдельных национальностей. – Электронный ресурс. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/results2.html (дата обращения: 16.10.2019).

89. Итоги переписи населения в Республике Крым / пред. редкол. А. Е. Суринов. - Москва: ИИЦ «Статистика России», 2015. – 279 с.

90. Кабицкий, М. Е. В Севастополе и Крыму. Год 2016 / М. Е. Кабицкий, Д. Г. Чубукова // Новые российские гуманитарные исследования. 2016. № 11. - [Электронный ресурс]. - URL: <http://www.nrgumis.ru/articles/1995/> (дата обращения: 12.07.2019).

91. Кадочников, Д. В. Цели и задачи языковой политики и проблемы социально-экономического развития России / Д. В. Кадочников // Пространство экономики. - 2019. - № 1. - С. 96-111.

92. Канах, А. М. Факторы формирования национальной идентичности студентов Республики Крым и Севастополя: некоторые результаты социологического исследования / А. М. Канах, Л. П. Нелина, О. В. Ярмак // Учёные записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Социология. Педагогика. Психология. – Симферополь, 2018. - Т. 4 (70). - № 1. - С. 50–63.

93. Капелюшников, Р. И. Сколько стоит человеческий капитал России?: препринт WP3/2012/06 / Р. И. Капелюшников. - Москва: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. – 76 с.

94. Касьянов, Г. В. Россия – Украина: Как пишется история. Диалоги. Лекции. Статьи / Г. В. Касьянов, А. И. Миллер. - Москва: Российский государственный гуманитарный университет, 2011. – 306 с.

95. Кашарная, М. А. Ситуационный анализ социально-экономических проблем полуострова Крым на этапе становления региональной политики / М. А. Кашарная, Ю. Н. Малеха, Е. Д. Милова, А. В. Хохлова // ГосРег: государственное регулирование общественных отношений. - 2018. - Т. 23. - № 1 (23). - С. 200–206.

96. Киселёва, Н. В. Социологическое измерение угрозы межэтнического конфликта в Крыму / Н. В. Киселёва // Вопросы развития Крыма. – Симферополь: СОНАТ, 2012. - Вып. 16. - С. 139-145.

97. Киселёва, Н. В. Этнополитические процессы в Крыму: исторический опыт, современные проблемы и перспективы их решения / Н. В. Киселёва, А. В. Мальгин, В. П. Петров, А. А. Форманчук. - Симферополь: ООО «Салта», 2015. – 345 с.

98. Ковальский, Н. А. О соотношении глобализации и регионализма / Н. А. Ковальский // Глобализация и регионализм. Черноморский регион. Балканы. - Москва: Институт Европы РАН; Интердиалект+, 2001. – С. 99-112.

99. Кожура, О. И. Стабильность социального пространства как фактор обеспечения безопасности в Краснодарском крае / О. И. Кожура // Экономика, предпринимательство и право. - 2013. - № 4. - С. 36-52.

100. Козер, Л. А. Функции социального конфликта / Л. А. Козер / под общ. ред. Л. Г. Ионина. - Москва: Идея-Пресс; Дом интеллектуальной книги, 2000. – 208 с.

101. Конфликт как проблема. Очерки современной теоретической и прикладной конфликтологии / под ред. А. И. Стребкова и др. – Санкт-Петербург: Фонд развития конфликтологии. 2015. – 502 с.

102. Конфликтный и интеграционный потенциал межэтнических и миграционных отношений в регионах Южного федерального округа. Экспертный доклад. 2018 г. / под общ. ред. Г. С. Денисовой. – Ростов-на-Дону, 2018. – 136 с.

103. Концепция демографической политики РФ на период до 2025 г. (утв. Указом Президента РФ от 9 октября 2007 г. № 1351) // СПС «Гарант». – [Электронный ресурс]. - URL: <https://base.garant.ru/191961/53f89421bbdaf741eb2d1ecc4ddb4c33/> (дата обращения: 02.09.2019).

104. Кримський соціум: лінії поділу та перспективи консолідації: Аналітична доповідь Центру Разумкова) // Національна безпека і оборона. - Київ, 2009. - № 5 (109). - С. 2-109.

105. Крисберг, Л. Мирозидание, мирозохранение и разрешение конфликтов / Л. Крисберг // Социс. - 1990. - № 11. - С. 28-32.

106. Крым и Севастополь: о жизни после воссоединения с Россией // ВЦИОМ. Пресс-выпуск № 3155. 18.07.2016. - [Электронный ресурс]. - URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115782> (дата обращения: 01.11.2018).

107. Крым: 5 лет в России. Март, 2019 г. - [Электронный ресурс]. - URL: https://wciom.ru/fileadmin/file/reports_conferences/2019/2019-03-14_WCIOM_CRIMEA.pdf (дата обращения: 28.10.2019).

108. Куконков, П. И. Современная конфликтология и социология напряжений / П. И. Куконков // Конфликт как проблема. Очерки современной теоретической и прикладной конфликтологии / под ред. А. И. Стребкова, А. В. Алейникова, А. Г. Пинкевич. – Санкт-Петербург: Фонд развития конфликтологии, 2015. – С. 93-109.

109. Култыгин, В. П. Проблемы социального познания на рубеже тысячелетий / В. П. Култыгин // Проблемы теоретической социологии. – Санкт-Петербург: НИИХ СПбГУ, 2000. - Вып. 4. - С. 11-23.

110. Курочкина, В. Е. Особенности конфликтного реагирования юношей русской, украинской и армянской национальностей, проживающих на территории Краснодарского края / В. Е. Курочкина, П. Б. Бондарев // Историческая и социально-образовательная мысль. - Краснодар, 2016. - Т. 8. - № 6-1. - С. 146-149.

111. Ладилова, Е. 61% крымских татар поддерживают Владимира Путина / Е. Ладилова. - [Электронный ресурс]. - URL: <https://iz.ru/news/669021> (дата обращения: 12.07.2019).

112. Лапшин, В. А. Исследование инновационного потенциала студенчества России, через механизм реализации инновационной деятельности / В. А. Лапшин // Научные труды Московского гуманитарного университета. - Москва: Социум, 2013. - Вып. 145. - С. 101-105.

113. Лапшин, В.А. Человеческий потенциал молодежи как источник социокультурных изменений / В. А. Лапшин. Автореф. дис. ... канд. филос. наук / Московский гуманитарный университет. - Москва, 2013. – 23 с.

114. Лебедева, Н. М. Методы этнической и кросскультурной психологии: учебно-методическое пособие / Н. М. Лебедева,

А. Н. Татарко. - Москва: Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики, 2011. – 239 с.

115. Липсет, С. М. Политический человек: социальные основания политики / С. М. Липсет. - Москва: Мысль, 2016. – 612 с.

116. Локосов, В. В. Макрорегионы России: характеристика человеческого потенциала / В. В. Локосов, Е. В. Рюмина, В. В. Ульянов // Народонаселение. - 2018. - № 3. - С. 37-51.

117. Лункин, Р. Н. Крымские татары: от национальных амбиций к религиозному самоопределению / Р. Н. Лункин // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. - 2018. - Т. 23. - С. 80–89.

118. Майалл, Х. Трансформация конфликтов: комплексная задача / Х. Майалл // Этнополитический конфликт: пути трансформации: настольная книга Бергхофского центра. - Москва: Наука. 2007. – С. 76-97.

119. Макарова, Г. И. Этнокультурная общность в дискурсе крымскотатарской молодежи и экспертов / Г. И. Макарова, Г. Ф. Габдрахманова // Этнографическое обозрение. - 2017. - № 3. - С. 138–153.

120. Маковская, Д. В. Этническое неравенство как фактор этнополитической конфликтности: крымский опыт / Д. В. Маковская // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. – Санкт-Петербург, 2014. - Т. 10. - № 2. - С. 215–230.

121. Маркс, К. Капитал. Критика политической экономии. Т. 1 / К. Маркс // Маркс, К., Энгельс, Ф. Сочинения. Изд. 2-е / К. Маркс, Ф. Энгельс. - Москва: Политиздат, 1960. - Т. 23. – 900 с.

122. Масеев, С. В. Роль и место политической социализации молодежи в формировании ее электоральной культуры / С. В. Масеев, В. А. Чигрин // Учёные записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Социология. Педагогика. Психология. – Симферополь, 2018. - Т. 4 (70). - № 2. - С. 54–63.

123. Матвиенко, А. В. Развитие человеческого потенциала в Краснодарском крае / А. В. Матвиенко // Социально-экономическая география. Вестник Ассоциации российских географов-обществоведов. – Ростов-на-Дону, 2012. - № 1. - С. 198-209.

124. Матисон, Д. Медиа-дискурс. Анализ медиа-текстов / Д. Матисон. - Харьков: Гуманитарный центр, 2013. – 264 с.

125. Матишов, Г. Г. Проблемы обновления многоукладного региона и задачи фундаментальной науки / Г. Г. Матишов // Реалии многоукладного региона: потенциал обновления и препятствия развитию. - Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2012. – С. 5-27.

126. Межэтнические отношения и религиозная ситуация в Крымском федеральном округе. Экспертный доклад 2015 года / ред. В. А. Тишков, В. В Степанов. – Москва; Симферополь: ООО «Антиква», 2016. – 88 с.

127. Межэтнические отношения и религиозная ситуация в Южном федеральном округе (итоги 2018 года): Экспертный доклад / под общ. ред. В. А. Тишкова; авт.: А. В. Баранов, Г. С. Денисова, В. М. Викторин и др. – Ростов-на-Дону: ООО «Фонд науки и образования», 2018. - 200 с.

128. Мертон, Р. Социальная теория и социальная структура / Р. Мертон. - Москва: АСТ; Хранитель, 2006. – 874 с.

129. Моисеев, Н. Н. Судьба цивилизации. Путь разума / Н. Н. Моисеев. - Москва: Языки русской культуры; А. Кошелев, 2000. – 224 с.

130. Моисеев, Н.Н. Устойчивое развитие или стратегия переходного периода / Н. Н. Моисеев. - Москва: Энергия, 1996.

131. Моисеев, Н.Н. Человек и ноосфера / Н. Н. Моисеев. - Москва: Молодая гвардия, 1990. – 351 с.

132. Моисеев, Н.Н. Экология человечества глазами математика (Человек, природа и будущее цивилизации) / Н. Н. Моисеев. - Москва: Молодая гвардия, 1988. – 256 с.

133. Мукомель, В. И. Крым в ожидании перемен: социально-экономический контекст / В. И. Мукомель // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. - 2019. - № 2. - С. 141–156.

134. Мукомель, В. И. Крымские татары после «крымской весны»: трансформация идентичностей / В. И. Мукомель, С. Р. Хайкин // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. – 2016. - № 3. - С. 51–68.

135. Муратова, Э. С. Мусульмане Крыма в новых политических реалиях / Э. С. Муратова // Восток: Афро-азиатские общества. – 2016.- № 5. – С. 163-171.

136. Мурашова, М. А. Концептуальные подходы к исследованию человеческого потенциала в истории научного знания / М. А. Мурашова // Гуманитарный вектор. Серия: Философия, культурология. – Чита, 2015. - № 2 (42). - С. 161-166.

137. Муха, В. Н. Национально-гражданская идентичность русского населения Причерноморья / В. Н. Муха // История и современное развитие Причерноморья в контексте формирования патриотизма и укрепления ценностей российской цивилизации: материалы Международной научно-практической конференции (г. Новороссийск, 28-30 октября 2018 г.). - Краснодар: Кубанский государственный университет, 2018. - С. 491-494.

138. Муха, В. Н. Русский этнос в полиэтничной среде: особенности самосознания и структура социальной идентичности / В. Н. Муха. - Краснодар: Кубанский государственный технологический университет, 2014. - 172 с.

139. Муха, В. Н. Социальная идентичность населения полиэтничного региона / В. Н. Муха, В. В. Мельситов, Н. Л. Сергиенко // Социология. - М., 2015. - № 1. - С. 187-196.

140. Никитин, А. И. Новые геополитические вызовы в адрес России / А. И. Никитин // Дискурс, политика, управление: материалы IX Конвента РАМИ (г. Москва, 27-28 октября 2015 г.). - Москва: МГИМО-Университет. 2016. С. 8-10.

141. Никовская, Л. И. Сложносоставной конфликт как инструмент анализа трансформации и кризиса / Л. И. Никовская // Полис. - 2009. - № 6. - С. 83-94.

142. Ноэль-Нойман, Э. Общественное мнение. Открытие спирали молчания / Э. Ноэль-Нойман. – Москва: Прогресс-Академия; Весь мир, 1996. – 352 с.

143. Общая характеристика миграционной ситуации в крае // Краснодарстат. [Электронный ресурс] - URL: http://krsdstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/krsdstat/resources/45eb2d80482381a48f0d8ff8830b115d/migr.htm (дата обращения: 22.08.2019).

144. Овчаренко, А. Н. Стратегическое управление в политической деятельности: теоретико-методологические основы. Автореферат диссертации ... доктора полит. наук / А. Н. Овчаренко; Военный университет МО РФ. - Москва, 2007. – 43 с.

145. Ожиганов, Э.Н. Латентная политическая напряжённость:

концепция и методика исследования / Э. Н. Ожиганов // Управление государством: Проблемы и тенденции развития. – Москва: РОССПЭН, 2008. – С. 410-428.

146. Ожиганов, Э. Н. Стратегический анализ политики: теоретические основания и методы / Э. Н. Ожиганов. – Москва: Аспект Пресс, 2006. – 272 с.

147. Оперативные данные по миграционному движению населения Республики Крым. – Электронный ресурс. – URL: <https://crimea.gks.ru/folder/27537> (дата обращения: 16.11.2018).

148. Опрос в Крыму: ситуация и протестные настроения в регионе. – [Электронный ресурс]. – URL: <http://fom.ru/Nastroeniya/13113> (дата обращения: 06.11.2019).

149. Петров, В. Н. Миграция населения и этнические мигранты в современной России / В. Н. Петров. – Краснодар: Кубанский государственный университет, 2004. – 265 с.

150. Петров, И. К., Абдувалиева А. Х. Особенности формирования этнической идентичности в поликультурном пространстве Крыма / И. К. Петров, А. Х. Абдувалиева // Учёные записки Крымского инженерно-педагогического университета. Сер.: Педагогика. Психология. – Симферополь, 2017. – № 4 (10). – С. 130–132.

151. Петти, У. Экономические и статистические работы (сборник трудов) / У. Петти. – Москва: Государственное социально-экономическое издательство, 1940. – 324 с.

152. Пивоваров, С. Черноморский регион. Оттеснение России / С. Пивоваров // Азия и Африка сегодня. – 1996. – № 7. – С. 3-8.

153. Пигу, А. Экономическая теория благосостояния / А. Пигу; пер. с англ. под общ. ред. С. П. Аукционерка. – Москва: Прогресс, 1985. – Т. 1. – 512 с.

154. Поляков, Л.В. PRO суверенную демократию. Сборник / Л. В. Поляков. – Москва: Европа, 2007. – 632 с.

155. Постановление Правительства РФ от 15 апреля 2014 года № 316 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Экономическое развитие и инновационная экономика»». // СПС «Консультант Плюс». – [электронный ресурс]. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_162191 (дата обращения: 08.09.2019).

156. Постановление Правительства РФ от 15.04.2014 № 298 (ред. от 28.03.2019) «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Содействие занятости населения»» // СПС «Консультант Плюс. - [электронный ресурс]. - URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_162169/ (дата обращения: 08.09.2019).

157. Пригожин, И. Р. Сетевое общество / И. Р. Пригожин // Социс. - 2008. - № 1. - С. 24–27.

158. Приказ Министерства образования и науки РФ от 3 августа 2006 г. № 201 «О концепции национальной образовательной политики Российской Федерации» [электронный ресурс] // Справочно-правовая система. «Гарант». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/90016/> (дата обращения: 11.09.2019).

159. Проблемы полиэтничного макрорегиона в условиях дестабилизации Каспийско-Черноморского зарубежья: материалы Всероссийской научной конференции (г. Ростов-на-Дону, 29–30 сентября 2015 г.) / отв. ред. Г. Г. Матишов. - Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2015. - 257 с.

160. Проблемы устойчивого развития региона: информационная безопасность полиэтничного социума (на материалах Юга России) / отв. ред. В. М. Юрченко. - Краснодар: Кубанский государственный университет, 2011. – 244 с.

161. Проект «Открытое мнение – Крым-2016». Краткий аналитический отчет по итогам исследования. Версия от 15.07.2016. - Москва: Открытое мнение, 2016. – 45 с.

162. Путин, В. В. Быть сильными: гарантии национальной безопасности для России / В. В. Путин // Российская газета. – 2012. - 20 февр.

163. Путин, В. В. Россия: национальный вопрос / В. В. Путин // Независимая газета. – 2012. - 23 янв.

164. Рабочая группа обсудила Стратегию развития гражданского общества региона // Совет при главе администрации (губернаторе) Краснодарского края по развитию гражданского общества и правам человека [Электронный ресурс]. - URL: <http://sovet-nko.ru/?p=5521> (дата обращения: 06.08.2019).

165. Распоряжение Правительства РФ от 08.12.2011 № 2227-р (ред. от 18.10.2018) «Об утверждении Стратегии инновационного развития Российской Федерации на период до

2020 года» // СПС Консультант-Плюс. - [электронный ресурс]. - URL: <http://ac.gov.ru/files/attachment/4843.pdf> (дата обращения: 12.11.2019).

166. Распоряжение Правительства РФ от 17.11.2008 № 1662-р (ред. от 28.09.2018) «О Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года» // СПС «Консультант-Плюс». - [электронный ресурс]. - URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82134/ (дата обращения: 12.11.2019).

167. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2017: Статистический сборник. – Москва: Росстат, 2017. – 1402 с.

168. Республика Крым. Социально-политическая ситуация накануне выборов. Симферополь, 2019 г. // ВЦИОМ. - [электронный ресурс]. - URL: https://wciom.ru/fileadmin/file/reports_conferences/2019/2019-09-02_Crimea.pdf (дата обращения: 12.11.2019).

169. Референдум о государственном статусе Крыма и Севастополя 16 марта 2014 г. – Электронный ресурс. - URL: <http://krymology.info/index.php/%D0%A0%D0%B5/> (дата обращения: 12.11.2019).

170. Рожков, А. Ю. Молодежь о социокультурной интеграции Крыма и Севастополя в состав Российской Федерации: оценки, мнения, перспективы / А. Ю. Рожков, А. А. Сабля // Учёные записки Крым. федерал. ун-та им. В. И. Вернадского. Социология. Педагогика. Психология. – Симферополь, 2018. - Т. 4 (70). - Спецвып. № 2. - С. 174–179.

171. Розенау, Дж. К исследованию взаимопересечения внутривнутриполитической и международной систем / Дж. Розенау // Теория международных отношений: Хрестоматия. – Москва: Гардарика, 2002. - С. 172-174.

172. Савицкий, И. В. Российская историография о вхождении Крыма в состав Российской Федерации в 2014 году / И. В. Савицкий // Учёные записки Петрозаводского государственного университета. - 2017. - № 3 (164). - С. 43–50.

173. Садовая, Е. С. Индексы социального самочувствия как инструмент исследования и прогнозирования этнополитических конфликтов / Е. С. Садовая, А. Л. Бардин, Е. Г. Довбыш // Мировая

экономика и международные отношения. - 2016. - Т. 60, № 9. - С. 57-66.

174. Самойловская, Н. А. Политика США, ЕС и НАТО в Причерноморье и позиция России / Н. А. Самойловская // Дискурс, политика, управление: материалы IX Конвента РАМИ (г. Москва, 27-28 октября 2015). - Москва: МГИМО-Университет, 2016. - С. 53-56.

175. Семёнова, Е. Б. «Утечка умов» как процесс социальной мобильности: причины и социальные последствия / Е. Б. Семёнова // Вестник Тамбовского университета. Сер.: Общественные науки. - 2016. - № 3 (7). - С. 62-65.

176. Сенюшкина, Т. А. Воссоединение Крыма с Россией как этнополитический процесс / Т. А. Сенюшкина // Политическая экспертиза. ПОЛИТЭКС. – Санкт-Петербург, 2015. – Т. 11. - № 4. – С. 75-91.

177. Сенюшкина, Т. А. Информационная поддержка принятия управленческих решений в условиях этнополитической конфликтности в Крыму / Т. А. Сенюшкина // Политическая экспертиза. ПОЛИТЭКС. – Санкт-Петербург, 2014. – Т. 10. - № 2. – С. 185-198.

178. Сенюшкина, Т. А. Исламский фактор в конфессиональном пространстве Крыма / Т. А. Сенюшкина // Национальная безопасность и стратегическое планирование. – 2017. - № 2-2 (18). – С. 175-182.

179. Сикач, К. Ю. Картографирование этнического пространства Крыма / К. Ю. Сикач, А. Б. Швец // Геополитика и экогеодинамика регионов. – Симферополь, 2019. - Т. 5 (15). - Вып. 3. - С. 211-222.

180. Синергетическая парадигма. Нелинейное мышление в науке и искусстве / сост. и отв. ред. В. А. Копцик. – Москва: Прогресс-Традиция, 2002. – 495 с.

181. Ситнова, И.В. Возвращение домой: рефлексия жителей Севастополя после трех лет начала Русской весны / И. В. Ситнова // Учёные записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Социология. Педагогика. Психология. – Симферополь, 2018. - Т. 4 (70). - Спецвып. № 2. - С. 215–225.

182. Смит, А. Исследование о природе и причинах богатства народов / А. Смит. - Москва: Соцэкгиз, 1956. – 684 с.

183. Сосновский, Д. В. Процессы формирования региональной идентичности в Крыму в контексте поляризации украинского общества (1991–2014). Дис. ... канд. полит. наук / Д. В. Сосновский; МГУ имени М. В. Ломоносова. - Москва, 2014. - 28 с.

184. Ставлення жителів Криму до імовірних загроз та до питань, які мають значний конфліктний потенціал // Національна безпека і оборона. - Київ, 2011. - № 4–5 (122–123). - С. 27–39.

185. Степанов, В. В. Культурное многообразие и гражданская идентичность в современном Крыму / В. В. Степанов, Р. А. Старченко // Этническое и религиозное многообразие России. Изд. 2-е, испр. и доп. – Москва: Институт этнологии и антропологии РАН, 2018. - С. 363-378.

186. Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года (в ред. Указа Президента РФ от 06.12.2018 № 703). – Электронный ресурс. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_139350/ff30f91360f2917b325d507685fd90353895d2bd/ (дата обращения: 12.11.2019).

187. Сулакшин, С. С. Межуровневое взаимодействие органов государственной власти в России / под общ. ред. А. С. Малчинова. - Москва: Научный эксперт, 2011. – 257 с.

188. Суций, С. Я. Демографический потенциал и национальная структура населения Крыма: конец XX – середина XXI века / С. Я. Суций // Региональная экономика. Юг России. - Волгоград, 2018. - № 4. - С. 139-149.

189. Тернер, Дж. Структура социологической теории / Дж. Тернер. - Москва: Прогресс, 1985. – 472 с.

190. Тишков, В. А. Российский народ: История и смысл национального самосознания / В. А. Тишков. – Москва: Наука, 2013. – 649 с.

191. Указ Президента РФ от 31.12.2015 № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // СПС «Консультант-Плюс». – Электронный ресурс. - URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_191669/ (дата обращения: 13.11.2019).

192. Указ Президента РФ от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года». – Электронный

ресурс. - URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71837200/#ixzz5VemovGxn> (дата обращения: 13.11.2019).

193. Уралов, С. Интеграция Крыма в Россию. Часть вторая. Экономика / С. Уралов. - Электронный ресурс. - URL: <http://www.odnako.org/blogs/integraciya-krima-v-rossiyu-chast-vtoraya-ekonomika/comments/page-4/> (дата обращения: 22.08.2019).

194. Устаев, Р. М. Тенденции формирования и оценка инновационной составляющей человеческого капитала регионов Юга России / Р. М. Устаев // Социально-экономические явления и процессы. - 2016. - № 2. - С. 53-64.

195. Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ (ред. от 26.07.2019) «Об образовании в Российской Федерации» // Справочно-правовая система «Консультант-Плюс». - Электронный ресурс. - URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/15956ae575273a483e753fc119fb41fc4c37f846/ (дата обращения: 10.10.2019).

196. Федеральный конституционный закон № 6-ФКЗ «О принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов – Республики Крым и города федерального значения Севастополя». - Электронный ресурс. - URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_172909/ (дата обращения: 10.10.2019).

197. Флорида, Р. Креативный класс: люди, которые меняют будущее / Р. Флорида. - Москва: Издательский дом «Классика-XXI», 2005. – 432 с.

198. Форманчук, А. А. Интеграция Республики Крым в государственное пространство Российской Федерации: особенности, проблемы, риски / А. А. Форманчук // Проблемы национальной стратегии. - 2015. - № 3 (30). - С. 115–129.

199. Хаас, Р. Мировой беспорядок / Р. Хаас; пер. с англ. В. Желнинова. - Москва: Издательство АСТ, 2019. – 319 с.

200. Хабермас, Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие / Ю. Хабермас. – Санкт-Петербург: Наука. 2000. – 382 с.

201. Хакен, Г. Самоорганизующееся общество // Синергетическая парадигма. Социальная синергетика / Г. Хакен. - Москва: Прогресс-Традиция, 2009. - С. 350–369.

202. Хобсбаум, Э. Нации и национализм после 1780 г. Программа, миф, реальность / Э. Хобсбаум. – Санкт-Петербург: Алетейя, 1998. – 308 с.

203. Цёхла, С. Ю. Потенциал молодежи в обеспечении инновационного развития региона (на материалах Республики Крым) / С. Ю. Цёхла // Россия: тенденции и перспективы развития. - 2018. - № 13-2. - С. 415-417.

204. Человеческий потенциал как критический ресурс России / отв. ред. Б. Г. Юдин. - Москва: Институт философии РАН, 2007. – 175 с.

205. Чигрин, В. А. Ситуация в Крыму и формирование исторической памяти общества / В. А. Чигрин, В. В. Харабуга // Вестник Института социологии. - 2015. - № 4. - С. 23-34.

206. Численность и состав населения Украины по итогам Всеукраинской переписи населения 2001 г. – Электронный ресурс. - URL: <http://2001.ukrcensus.gov.ua/rus/results/general/nationality/> (дата обращения: 10.10.2018).

207. Чучулина, Е. В. Роль человеческого потенциала в становлении инновационной экономики региона / Е. В. Чучулина // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Сер.: Экономические науки. - 2010. - № 4 (102). - С. 52-56.

208. Шабров, О. Ф. Моделирование социально-политических объектов: специфика и границы применимости / О. Ф. Шабров // Моделирование в социально политической сфере: труды межвузовского научно-практического семинара. - Москва: Изд-во Национального института бизнеса, 2004. – С. 6-15.

209. Шатилов, А. Суверенитет не политическая роскошь, а условие выживания. Путин объяснил, что такое суверенная демократия, и рекомендовал ее ЕС / А. Шатилов // Российская газета. - 2007. - № 0(4481). – 2 октября. – Электронный ресурс. - URL: <https://rg.ru/2007/10/02/suverennaya-demokratia.html> (дата обращения: 11.09.2019).

210. Швец, А. Б. Крым в контексте постсоветской конфликтности / А. Б. Швец // Этнокультурные и межконфессиональные отношения в Крыму. – Симферополь: ООО «Антиква», 2013. - Вып. 3. - С. 21-25.

211. Швец, А. Б. Полиэтничность Крыма как фактор выстраивания регионом баланса «внутристрановых» и трансграничных связей в системе «Большой Евразии» / А. Б. Швец

// Геополитика и экогеодинамика регионов. - Симферополь, 2019. - Т. 5 (15). - Вып. 4. - С. 29-46.

212. Шевчук, А. Г. Регионализация этноконфессиональных процессов в социокультурном пространстве Автономной Республики Крым / А. Г. Шевчук // Этнокультурные и межконфессиональные отношения в Крыму. – Симферополь: ООО «Антиква», 2013. - Вып. 3. - С. 64-75.

213. Школьников, Н. Н. Оценка экономического потенциала субъектов Северо-Кавказского федерального округа и возможности его реализации / Н. Н. Школьников // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. - 2010. - № 12. - С. 77-82.

214. Экстремальность и экстремизм в социальных практиках российской молодёжи / отв. ред. Т. А. Хагуров, М. Е. Позднякова. - Москва; Краснодар: Федеральный научно-исследовательский Социологический центр РАН; Кубанский государственный университет, 2017. – 339 с.

215. Этническая и этнополитическая карта Крыма. Организация мониторинга и раннего предупреждения этнических и религиозных конфликтов / ред. В. Ю. Зорин, Р. А. Старченко, В. В. Степанов. - Москва: Институт этнологии и антропологии РАН, 2017. – 216 с.

216. Этнические группы и социальные границы. Социальная организация культурных различий / под ред. Ф. Барта. - Москва: Новое издательство, 2006. - 200 с.

217. Юг России в зеркале конфликтологической экспертизы / под ред. Г. Г. Матишова, Н. И. Голубевой, В. А. Авксентьева. – Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2011. – 328 с.

218. Юрченко, И. В. Комплексный подход к анализу региональной безопасности в условиях усиления деструктивных тенденций в информационном пространстве и социальных сетях / И. В. Юрченко // Личность Общество. Государство: проблемы развития и взаимодействия. Материалы всероссийской научно-просветительской конференции 26-30 сентября 2013 г. - Краснодар: Традиция, 2013. - С. 312-313.

219. Юрченко, И. В. Проблемы доверия и этнотерриториальные конфликты / И. В. Юрченко // Этничность и власть: Управление рисками и безопасность в условиях этнополитических конфликтов и кризисных ситуаций. Материалы

XI международного семинара 15-20 мая 2012 г., г. Ялта. – Севастополь: Вебер, 2013.

220. Юрченко, И. В. Проблемы противодействия угрозам социокультурного и идеологического экстремизма в процессе реинтеграции Крыма в российское социально-политическое пространство / И. В. Юрченко // Учёные записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Социология. Педагогика. Психология. – Симферополь, 2018. – Т. 4 (70). - Спецвып. № 2. – С. 313-317.

221. Юрченко, И. В. Проблемы сетевого анализа этнополитических процессов в сфере публичной политики / И. В. Юрченко // V Столыпинские чтения. Публичная политика и социальные науки: материалы научно-практической конференции с международным участием. - Краснодар: Кубанский государственный университет, 2016. - С. 173-174.

222. Юрченко, И. В. Радикализация политического сознания в условиях кризиса и технологии противодействия экстремизму / И. В. Юрченко // Конфликт как проблема. Очерки современной теоретической и прикладной конфликтологии. – Санкт-Петербург: Изд-во СПбГУ; Фонд развития конфликтологии, 2015. - С. 384-399.

223. Юрченко, И. В. Регионализация как современная геополитическая тенденция и управляемый процесс // Проблемы национальной безопасности России: уроки истории и вызовы современности. К 70-летию Победы в Великой Отечественной войне. – Краснодар: Традиция, 2015. С. 295-299.

224. Юрченко, И. В. Региональная институционализация как механизм укрепления интеграционного потенциала российской государственности / И. В. Юрченко // Траектории политического развития России: институты, проекты, акторы: Материалы Всероссийской научной конференции РАПН, г. Москва, МПГУ, 6–7 декабря 2019 г. - Москва: Издательство МПГУ, 2019. - С. 456-457.

225. Юрченко, И. В. Конфликтный потенциал социально-политического дискурса / И. В. Юрченко, Н. Н. Юрченко. - Краснодар: Кубанский государственный университет, 2016. – 182 с.

226. Ярмак, О. В. Информационно-коммуникативные риски сетевизации политических отношений / О. В. Ярмак, Л. П. Нелина,

В. Е. Ярмач // Вестник Института социологии. - 2019. - Т. 10, № 3. - С. 96–112.

227. Alkire, S. Why the Capability Approach? / S. Alkire // *Journal of Human Development*. - 2005. № 6 (1). - P. 115–135.

228. Amate-Fortes, I. Economic and Social Determinants of Human Development: A New Perspective / I. Amate-Fortes, A. Guarnido-Rueda, A. Molina-Morales // *Social Indicators Research*. - Amsterdam, 2017. - Vol. 133 (2). - P. 561-577. DOI: 10.1007/s11205-016-1389-z.

229. Baranov, A. V. The Origins of the Crimean Crisis: Political Communication and Ethnopolitical Conflict in Crimea Until February 2014 / A. V. Baranov // *Political Communication in Times of Crisis* / Ed. by Ó.G. Luengo. - Berlin: Logos Verlag, 2016. - P. 285–296.

230. Barth, F. Ethnic Groups and Boundaries / F. Barth // *Theories of Ethnicity: A Classical Reader*. – New York: New York University Press, 1996. - P. 294-323.

231. Bloomfield, D. The Changing Nature of Conflict Management / D. Bloomfield, B. Reilly // *Democracy and Deep-Rooted Conflict* / Eds. P. Harris, B. Raily. - Stockholm: IDEA, 1998. – P. 9-28.

232. Chaaban, J. The Composite Global Well-Being Index (CGWBI): A New Multi-Dimensional Measure of Human Development / J. Chaaban, A. Irani, A. Khoury // *Social Indicators Research*. - Amsterdam, 2016. - № 129 (1). - P. 465-487.

233. Charron, A. Whose is Crimea?: Contested Sovereignty and Regional Identity / A. Charron // *Region: Regional Studies of Russia, Eastern Europe & Central Asia*. - Bloomington, 2016. - Vol. 5, Issue 2. - P. 225–256.

234. Clark, A.D. The Elgar Companion to Development Studies / ed. by D.A. Clark. - Cheltenham, UK; Northampton, MA, USA, 2006. – 768 p.

235. Dewey, J. How We Think / J. Dewey // *John Dewey: The Middle Works*. – Carbondale: Southern Illinois University Press, 1978. – P. 177-356.

236. Esman, M. J. An Introduction to Ethnic Conflict / M. J. Esman. - Cambridge: Polity, 2004. - 232 p.

237. Gamlath, S. Human Development and National Culture: A Multivariate Exploration / S. Gamlath // *Social Indicators Research*. – Amsterdam, 2017. - № 133 (3). - P. 907–930. DOI: 10.1007/s11205-016-1396-0.

238. Grundholm, A. T. Motivated and Able to Make a Difference? The Reinforcing Effects of Democracy and State Capacity on Human Development / A. T. Grundholm, M. Thorsen // *Studies in Comparative International Development*. 2019. - № 54. - P. 81–414.

239. Haass, R. N. Foreign Policy Begins at Home: The Case for Putting America's House in Order / R. N. Haass. - New York: Basic Books, 2015. – 224 p.

240. Hanson, J. K. Democracy and State Capacity: Complements or Substitutes? / J. K. Hanson // *Studies in Comparative International Development*. - 2015. - Vol. 50 (3). - P. 304–330. DOI: <https://doi.org/10.1007/s12116-014-9173-z>.

241. Haq, M. U. The Human Development Paradigm: Operationalizing Sen's Ideas on Capabilities / M. U. Haq // S. Fukuda-Parr & A. Kumar (Eds.). *Readings in Human Development*. - New Delhi: Oxford University Press, 2003. – P. 301-317.

242. Laitin, D. D. Language Policy and Human Development / D. D. Laitin, R. Ramachandran // *American Political Science Review*. – Washington, 2016. – Vol. 110, No 3. - P. 457-480.

243. Leonhardt, M. Conflict Impact Assessment of EU Development Cooperation with ACP Countries: A Review of Literature and Practice / M. Leonhardt. - London: International Alert/Safer World, 2000. – 52 p.

244. Miall, H. Contemporary Conflict Resolution / H. Miall, O. Ramsbotham, T. Woodhouse. - Cambridge: Polity, 1999. – 270 p.

245. Ortega, B. Corruption and Convergence in Human Development: Evidence From 69 Countries During 1990-2012 / B. Ortega, A. Casquero, J. Sanjuan // *Social Indicators Research*. – Amsterdam, 2016. - № 127 (2). - P. 691–719. DOI: [10.1007/s11205-015-0968-8](https://doi.org/10.1007/s11205-015-0968-8)

246. Ramos, S. B. Prediction of Human Development from Environmental Indicators / S. B. Ramos, J. De Paula Silva, C. A. Bolela et al. // *Social Indicators Research*. - Amsterdam, 2018. - № 138 (2). - P. 467-477. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11205-017-1693-2>.

247. Robeyns, I. The Capability Approach: A Theoretical Survey / I. Robeyns // *Journal of Human Development*. - 2005. - № 6 (1). - P. 93–114. DOI: [10.1080/146498805200034266](https://doi.org/10.1080/146498805200034266).

248. Sarmiento, J. Corruption and Human Development: a Correlation Study Between Political-Social Phenomena / J. Sarmiento // *CUHSO: Cultura – Hombre - Sociedad*. – Temuco, 2015. - № 25 (1). - P. 113-138. DOI: [10.7770/cuhso-v25n1-ART899](https://doi.org/10.7770/cuhso-v25n1-ART899).

249. Sayed, H. Avoiding Ranking Contradictions in Human Development Index Using Goal Programming / H. Sayed, R. Hamed, S. H. Hosny, A. H. Abdelhamid // *Social Indicators Research*. - Amsterdam, 2018. - № 138 (2). - P. 405-442.

250. Schultz, T. W. Investment in Human Capital / T. W. Schultz // *The American Economic Review*. - 1961. - Vol. 51. - P. 1–17.

251. Suliman, S. Mobility and the kinetic politics of migration and development February / S. Suliman // *Review of International Studies*. - 2016. No 1 (04). - P. 11–22.

252. *Theories of Ethnicity: A Classical Reader* / ed. by W. Sollors. - New York: New York University Press, 1996. – 400 p.

253. Wehr, P. *Conflict Regulation* / P. Wehr. - Boulder; Colorado: Westview, 1979. - XX, 245 p.

254. Yurchenko, I. Ethnocultural Factors of National Security in Modern Russia in Terms of New Geopolitical Challenges in the Black Sea Region / I. Yurchenko // Network Edition “Science Almanac of Black Sea Region Countries”. - 2016. - No. 3. - P. 42-47. URL: <http://science-almanac.ru/documents/94/2016-03-01-Yurchenko.pdf>.

255. Ziogiannis, N. Human Development Over Time: An Empirical Comparison of a Dynamic Index and the Standard HDI / N. Ziogiannis, K. Krutilla, Y. Tripodis, K. Fledderman // *Social Indicators Research*. –Amsterdam, 2019. - № 142 (2). - P. 773–798.

ПРИЛОЖЕНИЯ

ПРИЛОЖЕНИЕ А

Инструментарий массового опроса

ДОРОГОЙ ДРУГ!

Приглашаем Вас принять участие в исследовании, которое направлено на определение качества жизни и потенциала населения ЮФО. Ваше мнение очень важно для нас, поэтому просим ответить на все поставленные вопросы. Опрос анонимен, Ваши ответы будут использованы только в обобщенном виде. Правила заполнения анкеты: внимательно прочтите вопрос и варианты ответов, выберите подходящий для Вас вариант, обведите его (ⓐ), пометьте галочкой (☑) или впишите свой ответ (☞).

Заранее благодарим за участие!

Q1. КАК ВАМ ЖИВЕТСЯ В ВАШЕМ РЕГИОНЕ, В ЦЕЛОМ СПОКОЙНО ИЛИ ВЫ ЧАСТО ОЩУЩАЕТЕ ТРЕВОГУ, ОЖИДАЕТЕ ОПАСНОСТЬ?

1. Спокойно
2. Тревожно

Q2. ЕСТЬ ЛИ У ВАС ДЕТИ? ЕСЛИ ДА, ТО СКОЛЬКО?

1. Детей нет
2. Да, есть (укажите сколько) ☞

Q3. СКОЛЬКО ДЕТЕЙ ВЫ ХОТЕЛИ БЫ ИМЕТЬ?

(напишите) ☞

Не хочу детей

Q4. ИСПЫТЫВАЕТЕ ЛИ ВЫ ЖЕЛАНИЕ УЕХАТЬ ИЗ РОССИИ НА ПОСТОЯННОЕ МЕСТО ЖИТЕЛЬСТВА?

1. Да
2. Нет

Q5. ЕСЛИ БЫ ВАМ ПРЕДЛОЖИЛИ ХОРОШУЮ РАБОТУ В ДРУГОЙ СТРАНЕ, ВЫ БЫ УЕХАЛИ ИЗ РОССИИ ИЛИ ОСТАЛИСЬ?

1. Скорее уехал
2. Скорее остался

Q6. ПЛАНИРУЕТЕ ЛИ ВЫ В БУДУЩЕМ УЕХАТЬ ИЗ СТРАНЫ НА ПОСТОЯННОЕ МЕСТО ЖИТЕЛЬСТВА?

1. Скорее, да
2. Скорее, нет

Q7. ВАШЕ ОБРАЗОВАНИЕ В НАСТОЯЩИЙ МОМЕНТ
(отметьте 1 ответ)

1. Среднее
2. Начальное /среднее профессиональное
3. Незаконченное высшее (студент)
4. Бакалавр (высшее)
5. Магистр
6. Кандидат наук

Q8. КАКОГО УРОВНЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ ВЫ БЫ ХОТЕЛИ (И ЧУВСТВУЕТЕ В СЕБЕ СПОСОБНОСТЬ) ДОСТИЧЬ?

1. Достаточно среднего профессионального
2. Бакалавр (высшее)
3. Магистр
4. Кандидат наук
5. Доктор наук

Q9. ХОТЕЛИ БЫ ВЫ ПОЛУЧИТЬ ОБРАЗОВАНИЕ В ДРУГОЙ СТРАНЕ?

1. Да
2. Нет
3. Не думал(а) об этом

Q10. ЕСЛИ БЫ ВЫ ПОЛУЧИЛИ ОБРАЗОВАНИЕ В ДРУГОЙ СТРАНЕ, ТО ЧТО БЫ ВЫ СДЕЛАЛИ ПО ОКОНЧАНИИ УЧЕБЫ, ВЕРНУЛИСЬ В РОССИЮ ИЛИ ОСТАЛИСЬ БЫ РАБОТАТЬ ЗА РУБЕЖОМ?

1. Скорее вернулся бы в Россию
2. Скорее остался бы за рубежом
3. Затрудняюсь ответить

Q11. ЕСТЬ ЛИ У ВАС КОНКРЕТНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ НОВАТОРСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ, ДОСТИЖЕНИЯ, КОТОРЫЕ БЫЛИ ПРЕДСТАВЛЕНЫ ОБЩЕСТВЕННОСТИ (ЗАЩИЩЕННЫЕ ДИССЕРТАЦИИ, НАУЧНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ, ПАТЕНТЫ, УЧАСТИЕ В ГРАНТАХ, ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ «НОУ-ХАУ», ИННОВАЦИОННЫЕ РЕШЕНИЯ В ОБЛАСТИ НАУКИ/ТЕХНИКИ/ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ/ ПРОГРАММИРОВАНИЯ И Т.Д.)? 1. Да
2. Нет

Q12. ПЛАНИРУЕТЕ ЛИ ВЫ ЗАНИМАТЬСЯ НОВАТОРСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ В БУДУЩЕМ?
1. Скорее, да
2. Скорее, нет
3. Не знаю

Q13. ЧЕМ ВЫ ЗАНИМАЕТЕСЬ В НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ?
1. Работаю
2. И работаю, и учусь
3. Учусь
4. На домашнем хозяйстве / в отпуске по уходу за ребенком
5. Не работаю и не учусь

ВОПРОСЫ С №14 ПО 20 ПРЕДНАЗНАЧЕНЫ ДЛЯ РАБОТАЮЩИХ. ЕСЛИ ВЫ В НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ НЕ РАБОТАЕТЕ, ПЕРЕЙДИТЕ К ВОПРОСУ №21

-----НАЧАЛО БЛОКА-----

Q14. КЕМ ВЫ РАБОТАЕТЕ? (УКАЖИТЕ) ➔	
Q15. В КАКОЙ СФЕРЕ ВЫ РАБОТАЕТЕ?	1. Бюджетная 2. Коммерческая 3. Свое дело / бизнес
Q16. ЭТО ПОСТОЯННАЯ ИЛИ ВРЕМЕННАЯ РАБОТА?	1. Постоянная 2. Временная

Q17. ВАША ФОРМА ЗАНЯТОСТИ В НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ?	1. Полная 2. Частичная 3. Фрилансер
Q18. ХОТЕЛИ БЫ ВЫ СМЕНИТЬ РАБОТУ?	1. Скорее да 2. Скорее нет 3. Затрудняюсь ответить
Q19. ВИДИТЕ ЛИ ВЫ СЕБЯ НА ЭТОМ МЕСТЕ РАБОТЫ ЧЕРЕЗ 5 ЛЕТ?	1. Скорее да 2. Скорее нет 3. Не знаю
Q20. ВИДИТЕ ЛИ ВЫ СЕБЯ НА ЭТОМ МЕСТЕ РАБОТЫ ЧЕРЕЗ 10 ЛЕТ?	1. Скорее да 2. Скорее нет 3. Не знаю

 -----КОНЕЦ БЛОКА-----

Q21. ЕСЛИ ВЫ В НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ НЕ РАБОТАЕТЕ (ИЛИ ИМЕЕТЕ ВРЕМЕННОЕ ТРУДОУСТРОЙСТВО), ТО ИСПЫТЫВАЕТЕ ЛИ ВЫ ГОТОВНОСТЬ УСТРОИТЬСЯ НА ПОСТОЯННУЮ РАБОТУ НА УСЛОВИЯХ ПОЛНОЙ ЗАНЯТОСТИ?

1. Определенно, да
2. Скорее, да
3. Скорее, нет
4. Определенно, нет
5. Я уже работаю на постоянной основе

Q22. В КАКОЙ СФЕРЕ ВЫ ХОТЕЛИ БЫ РАБОТАТЬ В ИДЕАЛЕ?

1. Бюджетная
2. Коммерческая
3. Хотел(а) бы иметь свое дело /свой бизнес

Q23. КАКУЮ ФОРМУ ЗАНЯТОСТИ ВЫ ХОТЕЛИ БЫ ИМЕТЬ В ИДЕАЛЕ?

1. Полная (8 часов в день)
2. Частичная
3. Фрилансер
4. Хотел(а) бы вообще не работать

5. Затруд. отв.

Q24. РИСКНУЛИ БЫ ВЫ ОТКРЫТЬ СВОЙ БИЗНЕС В ВАШЕМ РЕГИОНЕ? (отметьте 1 ответ)

1. У меня уже есть свое дело / бизнес	4. Скорее нет, потому что опасаясь неудачи, хотя желание есть
2. Да, у меня есть конкретные планы открыть свое дело в будущем	5. Нет, в нашем регионе крайне сложно развивать свое дело
3. Скорее да, у меня есть такое желание и интерес	6. Нет, потому что не хочу этого
	7. Затрудняюсь ответить

Q25. ДАВАЙТЕ ПРЕДПОЛОЖИМ, ЧТО ВЫ ВСЕ ЖЕ РЕШИЛИ В ВАШЕМ РЕГИОНЕ ОТКРЫТЬ СВОЙ БИЗНЕС. ПОПРОБУЙТЕ ОЦЕНИТЬ СТЕПЕНЬ РИСКА В ПЛАНЕ ВАШЕЙ ФИЗИЧЕСКОЙ (РИСК ДЛЯ ЖИЗНИ И ЗДОРОВЬЯ) И В ФИНАНСОВОЙ БЕЗОПАСНОСТИ (РИСК СТАТЬ БАНКРОТОМ).

Дайте оценку от 0 до 10, где «0» – риск полностью отсутствует, «10» – критическая степень риска

А. Риск для жизни и здоровья	0 – 1 – 2 – 3 – 4 – 5 – 6 – 7 – 8 – 9 – 10
Б. Риск банкротства	0 – 1 – 2 – 3 – 4 – 5 – 6 – 7 – 8 – 9 – 10

Q26. ЧУВСТВУЕТЕ ЛИ ВЫ, ЧТО В ВАШЕЙ ЖИЗНИ ЕСТЬ ВАЖНАЯ ЦЕЛЬ? 1. Да 2. Нет 3. Затрудняюсь ответить

Q27. КАКИЕ ИЗ ПЕРЕЧИСЛЕННЫХ УТВЕРЖДЕНИЙ СООТВЕТСТВУЮТ ВАШИМ ВНУТРЕННИМ УСТАНОВКАМ, ХАРАКТЕРИЗУЮТ ВАС КАК ЛИЧНОСТЬ? (дайте ответ по шкале от 0 до 3, где 0 – данное утверждение **абсолютно Вас не характеризует**, 1 – характеризует **слабо**, 2 – в основном соответствует Вашей личности, 3- **полностью Вас характеризует**)

Утверждения	Шкала оценки
1. Я живу по традициям, моральным нормам, ценностям, которые приняты у моего народа	0 – 1 – 2 – 3

2. Я - верующий человек и живу по традициям своей веры, исповедую мораль и ценности своей веры	0 – 1 – 2 – 3
3. Я стремлюсь понимать и изучать культуру и традиции других народов, кроме своей собственной	0 – 1 – 2 – 3
4. Я стремлюсь понимать и изучать различные религии, кроме своей собственной	0 – 1 – 2 – 3
5. Я намерен(а) воспитывать своих детей в традициях своего народа / своей веры	0 – 1 – 2 – 3
6. Я стремлюсь собрать вокруг себя единомышленников, близких по духу людей, со схожими взглядами, целями	0 – 1 – 2 – 3
7. Я полностью свободен в своем выборе, в том, что я делаю в жизни	0 – 1 – 2 – 3
8. Я удовлетворен своим уровнем жизни, тем, что я могу купить и сделать	0 – 1 – 2 – 3
9. Для достижения важной цели я готов(а) пожертвовать всем, что у меня есть	0 – 1 – 2 – 3
10. Я готов пойти на многое, лишь бы что-то изменить в нашей стране к лучшему	0 – 1 – 2 – 3
11. Я точно знаю, чем хочу заниматься, чего хочу добиться, кем хочу стать	0 – 1 – 2 – 3
12. У меня есть устойчивые взгляды, четкая гражданская позиция и я готов(а) их отстаивать невзирая ни на что	0 – 1 – 2 – 3

Q28. В КАКОЙ МЕРЕ ПЕРЕЧИСЛЕННЫЕ ФАКТОРЫ МОГУТ СТАТЬ **РЕАЛЬНЫМИ** ПРЕПЯТСТВИЯМИ ПРИ ДОСТИЖЕНИИ ЛИЧНЫХ, ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ, ТВОРЧЕСКИХ, ДЕЛОВЫХ ЦЕЛЕЙ, РАСКРЫТИЮ ВАШЕГО ПОТЕНЦИАЛА?

(В столбце А «Человеческие факторы» и столбце Б «Факторы внешней среды» отметьте по 3-5 главных фактора (а обоих столбцах), которые препятствуют реализации Ваших жизненных целей)

А. ЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ	☒	Б. ФАКТОРЫ ВНЕШНЕЙ СРЕДЫ	☒
----------------------------	-------------------------------------	-----------------------------	-------------------------------------

01. Ваш пол	21. Сложности с трудоустройством, рабочими местами
02. Ваш возраст	22. Высокая конкуренция в бизнесе, профессиональной сфере
03. Ваша национальность	23. Налоговая система
04. Религиозная принадлежность	24. Низкий уровень оплаты труда
05. Нехватка времени, занятость	25. Разгул преступности
06. Место жительства (удаленность)	26. Отсутствие полезных связей, «блата»
07. Отсутствие нужных знаний и опыта	27. Социально-экономическая ситуация в стране, кризис
08. Незнание иностранного языка	28. Слабая государственная поддержка молодежи
09. Низкий уровень дисциплины и ответственности	29. Социальное неравенство, неравный доступ к благам
10. Недостаток финансовых средств, долги	30. Несовершенство законодательства, правовая незащищенность
11. Отсутствие желания, мотивации	31. Неэффективность властей, правоохранительных органов
12. Обязанности в семье	32. Коррупция
13. Неодобрение семьи / окружения	33. Высокая стоимость образования
14. Недоверие между людьми	34. Система образования в стране, уровень подготовки специалистов
15. Всеобщее безразличие, эгоизм	35. Малое количество вузов, ограниченный выбор специальностей
16. Страх	36. Бюрократия
17. Лень	37. Ситуация в мире, в соседних странах

18. Сложный характер		38. Несоблюдение трудового кодекса со стороны работодателя	
19. Завышенные ожидания		39. Слабое развитие региона	
20. Неуверенность в себе		40. Большое количество приезжих	

Q29. ОЩУЩАЕТЕ ЛИ ВЫ СЕБЯ ЗАЩИЩЕННЫМ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ...? *Оцените по шкале от 0 – 1 – 2 – 3, где «0» - в этой сфере Вы абсолютно не защищены, «1» – защищены плохо, «2» – защищены хорошо, «3» – ощущаете полную защищенность*

	А. Финансов ой безопасно сти	В. Имуществен ной безопасност и	С. Физическо й безопасно сти	Д. Защит ы Ваши х прав	Е. Информацион ной безопасности
Шка ла	0 – 1 – 2 – 3	0 – 1 – 2 – 3	0 – 1 – 2 – 3	0 – 1 – 2 – 3	0 – 1 – 2 – 3

Q30. КАКИЕ ИЗ ПЕРЕЧИСЛЕННЫХ НИЖЕ СЛОЖНЫХ ЖИЗНЕННЫХ СИТУАЦИЙ ВАМ ПРИШЛОСЬ ПЕРЕЖИТЬ ЛИЧНО? *(отметьте все нужное)*

- ₁ ситуации, реально угрожающие жизни и здоровью (физическое насилие, грабеж и т.д.)
- ₂ оскорбления /конфликты на почве национальной, религиозной нетерпимости
- ₃ случаи дискриминации по половому, возрастному, религиозному, национальному признаку **(нужное подчеркнуть)**
- ₄ случаи коррупции (в системе здравоохранения, образования, гос. аппарата, в правоохранительных органах, в судах и т.д.)
- ₅ проблемы с выплатами кредитов, угрозы коллекторов
- ₆ потеря работы не по Вашей воле
- ₇ снижение доходов (урезание з/п, ставки, вынужденный переход на работу /должность с более низкой оплатой и т.д.)
- ₈ бытовые конфликты с представителями иных этнических групп

₉ случаи мошенничества в интернете, преступного использования личных данных, взлома личных счетов и кражи средств через сеть

₁₀ случаи нарушения Ваших гражданских прав

₁₁ ситуацию, когда вам пришлось вынужденно покинуть свой дом (по причине вооруженных конфликтов в вашем регионе, насилия, дискриминации, нарушения прав человека, преследования по различным мотивам, техногенной/ природной катастрофы)

Q31. ЕСТЬ РАЗНЫЕ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ПО ПОВОДУ ЭКОНОМИЧЕСКОГО КРИЗИСА В НАШЕЙ СТРАНЕ. КАК ВЫ ДУМАЕТЕ, МЫ ПЕРЕЖИВАЕМ СЕЙЧАС САМЫЕ ТЯЖЕЛЫЕ ВРЕМЕНА, ОНИ ПОЗАДИ, ИЛИ ЕЩЕ ВПЕРЕДИ?

1. Они уже позади
2. Они еще впереди
3. Переживаем их сейчас

Q32. ОЦЕНИТЕ ПО 100-БАЛЛЬНОЙ ШКАЛЕ (ОТ 0 ДО 100%) СТЕПЕНЬ ВАШЕГО ДОВЕРИЯ РАЗЛИЧНЫМ ОБЩЕСТВЕННЫМ И ГОСУДАРСТВЕННЫМ УЧРЕЖДЕНИЯМ, КАТЕГОРИЯМ (0 – полное отсутствие доверия, 100 – абсолютное доверие):

Варианты ответа	Баллы	Варианты ответа	Баллы
1. Президенту Российской Федерации		9. Средствам массовой информации	
2. Государственной Думе Российской Федерации		10. Религиозным объединениям	
3. Совету Федерации Российской Федерации		11. Законодательному органу Вашего субъекта РФ	
4. Правительству Российской Федерации		12. Главе Вашего субъекта федерации	
5. Судебной системе Российской Федерации		13. Органу исполнительной власти Вашего субъекта	
6. Вооруженным Силам Российской Федерации		14. Органам местного самоуправления	

7. Органам государственной безопасности		15. Общественным объединениям	
8. Правоохранительным органам (полиции, прокуратуре и т.д.).		16. Политическим партиям	

Q33. В КАКОЙ МЕРЕ ВЫ ДОВЕРЯЕТЕ ДЕЙСТВУЮЩЕЙ ВЛАСТИ? *(Дайте оценку по предложенной ниже шкале)*

Полное недоверие 0 – 1 – 2 – 3 – 4 – 5 – 6 – 7 – 8 – 9 – 10
 Абсолютное доверие

Q34. ЗА КОГО ВЫ БЫ ПРОГОЛОСОВАЛИ НА ПРЕЗИДЕНТСКИХ ВЫБОРАХ, ЕСЛИ БЫ ВЫБОРЫ БЫЛИ В БЛИЖАЙШЕЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ?

1. Проголосовал(а) бы за *(напишите за кого)* ➔
2. Испортил бы бюллетень
3. Проголосовал бы «Против всех»
4. Не пошел бы на выборы
5. Затрудняюсь ответить

Q35. ЕСЛИ В ВАШЕМ ГОРОДЕ/СЕЛЬСКОМ РАЙОНЕ СОСТОЯТСЯ САНКЦИОНИРОВАННЫЕ АКЦИИ ПРОТЕСТА *(выступления против падения уровня жизни, несправедливых действий властей, в защиту своих прав)*, ВЫ ЛИЧНО ПРИМЕТЕ В НИХ УЧАСТИЕ ИЛИ НЕТ?

1. Определенно, да
2. Скорее, да
3. Скорее, нет
4. Определенно, нет
5. Затрудняюсь ответить

Q36. КАК ВЫ ДУМАЕТЕ, БОЛЬШИНСТВУ ЛЮДЕЙ МОЖНО ДОВЕРЯТЬ ИЛИ БЕЗОПАСНЕЕ ПРОЯВЛЯТЬ ОСТОРОЖНОСТЬ?

1. Большинству людей можно доверять
2. С людьми стоит проявлять осторожность

Q37. КАК ВЫ ОТНОСИТЕСЬ К ВХОЖДЕНИЮ КРЫМА В СОСТАВ РОССИИ? *(отметьте 1 ответ)*

1. Однозначно положительно, полностью поддерживаю этот шаг
2. Положительно
3. Скорее положительно
4. Мне все равно
5. Скорее отрицательно
6. Отрицательно
7. Крайне отрицательно, считаю этот шаг большой ошибкой
8. Затрудняюсь ответить

Q38. КАК ВЫ СЧИТАЕТЕ, БОЛЬШИНСТВО ЛЮДЕЙ ИСПОЛЬЗОВАЛИ БЫ ВАС В СВОИХ ИНТЕРЕСАХ ОБМАНОМ, ЕСЛИ ЭТО ПОМОЖЕТ В ДОСТИЖЕНИИ СВОИХ ЛИЧНЫХ ЦЕЛЕЙ?

1. Скорее да
2. Скорее нет

Q39. КЕМ ВЫ СЕБЯ ОЩУЩАЕТЕ В НАИБОЛЬШЕЙ СТЕПЕНИ? *(выберите 1 ответ, который лучше всего характеризует Ваше самоощущение, при необходимости конкретизируйте Ваш ответ)*

1. Жителем Земли, представителем человечества, человеком мира
 2. Россиянином (гражданином России), или гражданином иной страны, *укажите какой* _____
 3. Южанином (жителем Юга России) или жителем иного макрорегиона (напр., Сибири, Дальнего Востока и т.д.)
 4. Жителем определенного региона (жителем Краснодарского края/ кубанцем / крымчанином / иное)
 5. Жителем своего города, села, *укажите какого именно* _____
 6. Человеком определенной национальности (русским, украинцем, армянином и т.д.).
 7. Человеком определенной веры.
 8. _____ Что-то _____ иное _____ *(напишите)*
-
9. Затруд. отв.

Q40. О КАКИХ ГРУППАХ ВЫ МОЖЕТЕ СКАЗАТЬ: «ЭТО МЫ»? К КАКИМ ГРУППАМ ЛЮДЕЙ ВЫ ЧАЩЕ ВСЕГО СЕБЯ ОТНОСИТЕ? С КАКИМИ ГРУППАМИ ВЫ ИСПЫТЫВАЕТЕ ЧУВСТВО ОБЩНОСТИ, СОЛИДАРНОСТИ? (пронумеруйте ответы: на 1-ое место поставьте группу, к которой вы себя относите чаще всего, на 2-е – немного реже, и далее по убыванию. Если к данной группе Вы совершенно себя не относите, поставьте «←→»)

МЕСТО	КАТЕГОРИЯ	МЕСТО	КАТЕГОРИЯ
	1. К людям своего возраста		7. К жителям Севастополя
	2. К людям своей профессии		8. К представителям моей веры
	3. К моему народу		9. К людям с близким уровнем доходов
	4. К гражданам России		10. К людям определенных политических взглядов
	5. К жителям Юга России		11. К жителям своего города, села
	6. К жителям всего Крыма		12. Я ни к кому себя не отношу
	13. Другой ответ (вписать)		

Q41. А О КОМ ВЫ МОГЛИ СКАЗАТЬ: «ЭТО – ОНИ», Т.Е. УКАЖИТЕ ГРУППЫ, КОТОРЫМ ВЫ ПРОТИВОПОСТАВЛЯЕТЕ ГРУППУ «МЫ», НЕ СЧИТАЕТЕ СВОЕЙ, А, НАПРОТИВ, ВОСПРИНИМАЕТЕ КАК ЧУЖУЮ? (Напишите в строке ниже)

ОНИ - ЭТО...	
---------------------	--

Q42. КАК ЧАСТО ВЫ КОНТАКТИРУЕТЕ С ПРЕДСТАВИТЕЛЯМИ ИНОЙ НАЦИОНАЛЬНОСТИ И РЕЛИГИИ? (В каждой строке 1 ответ)

	Посто- янно	Регу- лярн о и част о	Не регуляр но, но довольн о часто	Редко и не регул ярно	Почти не контак тирую	Стараю сь избегат ь таких контакт ов
А. С людьми иной национально сти	1	2	3	4	5	6
Б. С людьми иной веры	1	2	3	4	5	6

Q43. КАК ВЫ ОЦЕНИВАЕТЕ ХАРАКТЕР МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ВАШЕМ РЕГИОНЕ?

(1 ответ)

1. Доверие, партнерство
2. Доброжелательность, мирное сосуществование
3. Терпимость
4. Напряженность
5. Конфликтность

Q44. ДЛЯ КАЖДОЙ КАТЕГОРИИ ИЗ ПРЕДЛОЖЕННОГО СПИСКА УКАЖИТЕ ЕДИНСТВЕННО ВЕРНОЕ УТВЕРЖДЕНИЕ, КОТОРОЕ МОЖЕТ СТАТЬ ЗАВЕРШЕНИЕМ ФРАЗЫ: «Я лично могу принять представителя этого народа»... (В каждой строке отметьте 1 ответ, который отражает максимально близкую дистанцию, на которую Вы можете допустить представителя этого народа по шкале от 1 - можете принять как члена своей семьи до 9 – не желаете видеть их в своей стране).

Категории	«Я лично могу принять представителя этого народа»...									
	Как члена моей семьи	Как близкого друга	Как соседа по дому (улице)	Как делового партнера	Как коллегу по работе	Как постоянного жителя моего города (села)	Как гражданина моей страны	Как гостя (туриста) в моей стране	Я не хотел бы видеть их в моей стране	Затрудняюсь ответить

01. Русские	1	2	3	4	5	6	7	8	9	0
02. Украинцы	1	2	3	4	5	6	7	8	9	0
03. Крымские татары	1	2	3	4	5	6	7	8	9	0
04. Армяне	1	2	3	4	5	6	7	8	9	0
05. Христиане	1	2	3	4	5	6	7	8	9	0
06. Мусульмане	1	2	3	4	5	6	7	8	9	0

Q45. КАКИЕ НАЦИОНАЛЬНЫЕ И КОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ ГРУППЫ ИЗ ПЕРЕЧИСЛЕННЫХ НАИБОЛЕЕ ОРГАНИЧНО ВПИСЫВАЮТСЯ В ВАШ РЕГИОН, Т.Е. БЕСКОНФЛИКТНЫ, ЗАНЯТЫ, ЗАКОНОПОСЛУШНЫ И Т.Д. (если считаете, что большинству представителей этой группы характерно указанное в столбцах А-Е положительное свойство, то отметьте плюс «+1»; если Вы чаще наблюдаете негативные явления - отметьте минус «-1»; если затрудняетесь с ответом, отметьте «0»)

Категории	А. Не конфликтуют с другими национальными и религиозными группами			Б. Честно работают			В. Знают и уважают российские законы			Г. Знают русский язык, говорят на нем			Д. Уважают язык, традиции и культуру других народов			Е. Вызывают доверие		
	+1	-1	0	+1	-1	0	+1	-1	0	+1	-1	0	+1	-1	0	+1	-1	0
01. Русские	+1	-1	0	+1	-1	0	+1	-1	0	+1	-1	0	+1	-1	0	+1	-1	0
02. Украинцы	+1	-1	0	+1	-1	0	+1	-1	0	+1	-1	0	+1	-1	0	+1	-1	0
03. Крымские татары	+1	-1	0	+1	-1	0	+1	-1	0	+1	-1	0	+1	-1	0	+1	-1	0

04. Армяне	+1 -1 0	+1 -1 0	+1 -1 0	+1 -1 0	+1 -1 0	+1 -1 0
05. Христиане	+1 -1 0	+1 -1 0	+1 -1 0	+1 -1 0	+1 -1 0	+1 -1 0
06. Мусульмане	+1 -1 0	+1 -1 0	+1 -1 0	+1 -1 0	+1 -1 0	+1 -1 0

Q46. СУЩЕСТВУЕТ ЛИ В ВАШЕМ РЕГИОНЕ ПРОБЛЕМА ТРУДОВОЙ КОНКУРЕНЦИИ МЕЖДУ МЕСТНЫМИ ЖИТЕЛЯМИ И МИГРАНТАМИ?

1. Скорее да, это реальная проблема, приезжие занимают рабочие места местных
2. Скорее нет, это надуманная проблема, мигранты работают там, где не хотят работать местные
3. Затрудняюсь ответить

Q47. КАК ВЫ СЧИТАЕТЕ, КАКАЯ СТРАТЕГИЯ БОЛЬШЕ ПОДХОДИТ ДЛЯ ВАШЕГО РЕГИОНА, НА ПРИВЛЕЧЕНИЕ МИГРАНТОВ ИЛИ НА ОГРАНИЧЕНИЕ ИХ ПРИТОКА?

1. На привлечение
2. На ограничение притока

Q48. КАК ВЫ СЧИТАЕТЕ, КАКИМ ОБРАЗОМ МИГРАНТЫ ВЛИЯЮТ НА РАЗВИТИЕ ВАШЕГО РЕГИОНА?

1. Скорее способствуют развитию региона
2. Скорее препятствуют его развитию
3. Никак не влияют
4. Не знаю

Q49. КАК ВЫ ДУМАЕТЕ, МИГРАЦИОННОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО В РФ НУЖНО ОСЛАБИТЬ, УЖЕСТОЧИТЬ ИЛИ СУЩЕСТВУЮЩЕЕ ВПОЛНЕ ЭФФЕКТИВНО И АДЕКВАТНО НЫНЕШНЕЙ СИТУАЦИИ?

1. Ослабить
2. Ужесточить
3. Оставить как есть, оно вполне эффективно

Q50. КАК ВЫ ДУМАЕТЕ, ЕСТЬ ЛИ РАЗНИЦА В ЧАСТОТЕ СОВЕРШЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ У МЕСТНЫХ И МИГРАНТОВ?

1. Местные жители чаще совершают преступления, чем мигранты
2. Мигранты чаще совершают преступления, чем местные жители
3. Между местными и мигрантами нет существенной разницы в частоте совершения преступлений
4. Затрудняюсь ответить

Q51. КАК ВЫ ДУМАЕТЕ, КАКИЕ ВНУТРЕННИЕ УСТАНОВКИ И ОСОБЕННОСТИ СОЗНАНИЯ СЕЙЧАС БОЛЬШЕ ХАРАКТЕРНЫ ДЛЯ МОЛОДЕЖИ ВАШЕГО РЕГИОНА? (в каждой строке отметьте цифру, которая отражает склонность к одной из противоположных точек зрения)

1	Согласие с установленным в стране порядком, поддержка политики действующей власти	1 2 3 4 5 6	Несогласие с установленным в стране порядком, склонность к оппозиционным взглядам, радикальным идеям
2	В основном дружелюбное, уважительное отношение к представителям других наций	1 2 3 4 5 6	В основном присутствует негативное отношение к представителям иных национальностей
3	Высокая устойчивость к влиянию радикальных, экстремистских течений	1 2 3 4 5 6	Подверженность влиянию радикальных, экстремистских течений

РАССКАЖИТЕ НЕМНОГО О СЕБЕ:

D1. ВАШ ПОЛ 1. М 2. Ж

D2. ВОЗРАСТ |_____| ЛЕТ

D3. НАЦИОНАЛЬНОСТЬ _____

D4. РЕЛИГИОЗНАЯ ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ _____

D5. УКАЖИТЕ НАЗВАНИЕ ВАШЕГО НАСЕЛЕННОГО ПУНКТА

D6. СКОЛЬКО ЛЕТ ВЫ ЖИВЕТЕ В КРЫМУ?

|____| лет Всю жизнь

D7. КАК БЫ ВЫ ОЦЕНИЛИ СВОЕ МАТЕРИАЛЬНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ?

1. Хорошее
2. Нормальное
3. Приемлемое
4. Затруднительное
5. Тяжелое

ПРИЛОЖЕНИЕ Б

Бланк экспертного опроса

УВАЖАЕМЫЙ ЭКСПЕРТ!

Приглашаем Вас принять участие в исследовании факторов и перспектив развития человеческого потенциала Юга России. Нам важно Ваше компетентное мнение в вопросах, касающихся факторов, оказывающих влияние на развитие человеческого потенциала Вашего региона, а также уровне развития данного параметра.

Если Вы заполняете бланк опроса в электронном виде, необходимо выбранные ответы выделить любым цветом или вписать ответ в отведенное поле. Заполненный бланк просим отправить по электронной почте polit-sociology@mail.ru. При заполнении опросного листа внимательно читайте пояснения к вопросам!

По возникшим вопросам можно обращаться по телефону 8 (861) 21-99-564, кафедра политологии и политического управления Кубанского государственного университета. Опрос проводится при поддержке РФФИ, проект №17-03-00802 «Конфликтотенные и интеграционные факторы развития человеческого потенциала Юга России в условиях новых геополитических вызовов». Руководитель проекта Юрченко Инна Вадимовна

Благодарим Вас за участие в опросе!

Представьтесь, пожалуйста

Д1. ФИО (по желанию)

Результаты опроса будут использованы только в обобщенном виде без указания авторства. Ваши ФИО необходимы только для связи с Вами при необходимости уточнения Ваших ответов

Д2. Ваш регион: (отметьте «+»)

Краснодарский край Республика Крым

Д3. Сфера деятельности (отметьте «+» или впишите свой ответ):

Образование, наука Государственное и муниципальное управление

Иная сфера (напишите)

Д4. Название Вашей организации:

Д5. Должность:

Д6. Ученая степень:

Д7. Пол Мужской Женский

Д8. Ваш возраст (напишите)

Д9. Электронная почта для связи с Вами:

Интерпретация основного понятия:

Человеческий потенциал в данном исследовании понимается как система инновационных, культурных, интеллектуальных, биосоциальных свойств, способностей и ресурсов, которые накапливаются и способны реализоваться в общественной деятельности индивидов и социальных групп. Также данная категория рассматривается как сочетание индивидуальных потенциалов: 1) стабильности и воспроизводства (демографический, трудовой, социальный); 2) культурный и духовно- нравственный (идеологический, этнокультурный, духовно-нравственный); 3) потенциал будущего (интеллектуальный, инновационный)

Фактор – показатели развития страны и/или субъекта РФ, которые в той или иной мере оказывают влияние на развитие человеческого потенциала, определяют его характер и какие-либо черты

Д10. Оцените свой экспертный потенциал по следующим компетенциям. Дайте оценку по шкале от 1 до 5, где 1 - компетенция выражена слабо, 5 – компетенция ярко выражена

Компетенции	Оценка
1. Осведомленность в области проблем развития человеческого потенциала, методов измерения данного показателя	<input type="text"/> 1 <input type="text"/> 2 <input type="text"/> 3 <input type="text"/> 4 <input type="text"/> 5
2. Осведомленность в области проблем межэтнических отношений и этнополитических процессов	<input type="text"/> 1 <input type="text"/> 2 <input type="text"/> 3 <input type="text"/> 4 <input type="text"/> 5
3. Участие в практических научных исследованиях по тематике опроса	<input type="text"/> 1 <input type="text"/> 2 <input type="text"/> 3 <input type="text"/> 4 <input type="text"/> 5
4. Изучение новейшей литературы, исследований, касающихся этой и смежных областей	<input type="text"/> 1 <input type="text"/> 2 <input type="text"/> 3 <input type="text"/> 4 <input type="text"/> 5
5. Осведомленность о факторах и тенденциях развития человеческого потенциала как в отдельном(-ых) регионах, так и в стране в целом	<input type="text"/> 1 <input type="text"/> 2 <input type="text"/> 3 <input type="text"/> 4 <input type="text"/> 5

ОПРОСНЫЙ ЛИСТ

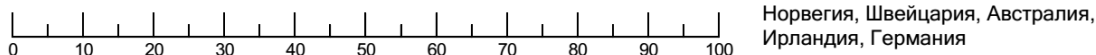
БЛОК А. Оценка уровня развития человеческого потенциала

A1. СТАТИСТИКА ПОКАЗЫВАЕТ, ЧТО САМЫЙ ВЫСОКИЙ УРОВЕНЬ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ЗАФИКСИРОВАН В НОРВЕГИИ, ШВЕЙЦАРИИ, АВСТРАЛИИ, ИРЛАНДИИ И ГЕРМАНИИ¹.

КАК ВЫ ОЦЕНИВАЕТЕ УРОВЕНЬ РАЗВИТИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА В РОССИИ И В ВАШЕМ РЕГИОНЕ ОТНОСИТЕЛЬНО УРОВНЯ РАЗВИТИЯ ДАННОГО ПОКАЗАТЕЛЯ В СТРАНАХ-ЛИДЕРАХ В НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ, А ТАКЖЕ В БЛИЖАЙШЕЙ ОТДАЛЕННОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ?

Дайте оценку по шкале от 0 до 100, где 100% - уровень стран-лидеров по показателям человеческого развития

Для удобства ответа представлена шкала в качестве визуализированного примера

Временной период	Оценка уровня развития человеческого потенциала по шкале от 0 до 100% относительно показателей стран-лидеров	
	В среднем по России	В Вашем регионе
1. Уровень в настоящее время		
2. К 2025 году (спустя 5 лет)		
3. К 2030 году (спустя 10 лет)		

A2. ОПРЕДЕЛИТЕ УРОВЕНЬ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ОТДЕЛЬНЫХ ПАРАМЕТРОВ РАЗВИТИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА В ВАШЕМ РЕГИОНЕ (ЗАПОЛНИТЕ ТАБЛИЦУ A2)

Пояснения к таблице: В столбце 2 таблицы определите уровень развития отдельных параметров человеческого потенциала в Вашем регионе в настоящее время, а затем отметьте наиболее вероятную тенденцию развития данных параметров в различные периоды времени (столбцы 3,4)

Интерпретация значений параметров в столбце 2 («Уровень в настоящее время»):

Значение шкалы	Уровни развития ЧП	Интерпретация уровней развития параметра
+	Прогрессивный	Соответствует уровню, необходимому для опережающего развития региона по сравнению с другими субъектами РФ/ формирования комфортной и бесконфликтной социальной среды
0	Приемлемый	Соответствует уровню, минимально необходимому для стабильного и бесконфликтного развития региона, но нет достаточных условий для опережающего развития
-	Регрессивный	Соответствует уровню, указывающему на наличие региональной нестабильности, отставания в развитии по сравнению с другими субъектами РФ /роста социальной напряженности и конфликтности

ТАБЛИЦА A2

Параметры развития человеческого потенциала в регионе	Уровень в настоящее время «+» - Прогрессивный «0» - Приемлемый «-» - Регрессивный	Сценарии развития параметра в различные периоды времени	
		«▲» - Повышение уровня / усиление процесса; «0» - без изменений по сравнению с предыдущим периодом; «▼» - Понижение уровня / ослабление процесса	
		2025 г.	2030 г.
1	2	3	4
1. Рождаемость	+ 0 -	▼ 0 ▲	▼ 0 ▲
2. Продолжительность жизни	+ 0 -	▼ 0 ▲	▼ 0 ▲
3. Численность семей, имеющих двух и более детей	+ 0 -	▼ 0 ▲	▼ 0 ▲
4. Численность трудоспособного населения	+ 0 -	▼ 0 ▲	▼ 0 ▲
5. Численность трудоспособного населения, имеющего постоянную работу на условиях полной занятости	+ 0 -	▼ 0 ▲	▼ 0 ▲
6. Способность к трудовой деятельности	+ 0 -	▼ 0 ▲	▼ 0 ▲
7. Удовлетворенность уровнем жизни	+ 0 -	▼ 0 ▲	▼ 0 ▲

¹ Доклад «Индексы и индикаторы человеческого развития. Обновленные статистические данные 2018» (опубликовано для ПРООН) [Электронный ресурс]. URL: http://hdr.undp.org/sites/default/files/2018_human_development_statistical_update_ru.pdf (дата обращения: 29.04.2019)

Параметры развития человеческого потенциала в регионе	Уровень в настоящее время «+» - Прогрессивный «0» - Приемлемый «-» - Регрессивный	Сценарии развития параметра в различные периоды времени	
		«▲» - Повышение уровня / усиление процесса; «0» - без изменений по сравнению с предыдущим периодом; «▼» - Понижение уровня / ослабление процесса	
		2025 г.	2030 г.
1	2	3	4
8. Уровень профессионализма кадров, конкурентоспособность	☐ + ☐ 0 ☐ -	▼ 0 ▲	▼ 0 ▲
9. Число акторов со значительным стремлением к реализации идеалов, высших целей, желанием что-то изменить в стране	☐ + ☐ 0 ☐ -	▼ 0 ▲	▼ 0 ▲
10. Уровень ответственности в трудовой деятельности	☐ + ☐ 0 ☐ -	▼ 0 ▲	▼ 0 ▲
11. Способность членов общности выражать свое мнение, отстаивать свою точку зрения	☐ + ☐ 0 ☐ -	▼ 0 ▲	▼ 0 ▲
12. Готовность членов общности к предпринимательскому риску, предпринимательская активность	☐ + ☐ 0 ☐ -	▼ 0 ▲	▼ 0 ▲
13. Способность толерантно воспринимать иные культурные ценности и традиции	☐ + ☐ 0 ☐ -	▼ 0 ▲	▼ 0 ▲
14. Способность воспроизводить культурные образцы своей общности (этнической)	☐ + ☐ 0 ☐ -	▼ 0 ▲	▼ 0 ▲
15. Наличие ясных жизненных ориентиров у современной молодежи	☐ + ☐ 0 ☐ -	▼ 0 ▲	▼ 0 ▲
16. Способность к саморазвитию, самообразованию и творческой деятельности	☐ + ☐ 0 ☐ -	▼ 0 ▲	▼ 0 ▲
17. Готовность и способность к занятию инновационной деятельностью, инновационное мышление, навыки генерации инновационных идей	☐ + ☐ 0 ☐ -	▼ 0 ▲	▼ 0 ▲
18. Духовно-нравственный уровень	☐ + ☐ 0 ☐ -	▼ 0 ▲	▼ 0 ▲
19. Уровень межэтнического доверия и готовность вступать в отношения сотрудничества с носителями другой веры/нации	☐ + ☐ 0 ☐ -	▼ 0 ▲	▼ 0 ▲
20. Способность к адаптации в условиях диверсификации экономики	☐ + ☐ 0 ☐ -	▼ 0 ▲	▼ 0 ▲
21. Развитие гражданской идентичности (восприятие себя гражданином, россиянином независимо от национальности)	☐ + ☐ 0 ☐ -	▼ 0 ▲	▼ 0 ▲
22. Степень согласия с установленным в стране порядком, уровень поддержки политики действующей власти	☐ + ☐ 0 ☐ -	▼ 0 ▲	▼ 0 ▲
23. Степень устойчивости к влиянию радикальных экстремистских течений, идей	☐ + ☐ 0 ☐ -	▼ 0 ▲	▼ 0 ▲
24. Уровень правовой культуры	☐ + ☐ 0 ☐ -	▼ 0 ▲	▼ 0 ▲
25. Стремление молодежи иметь постоянную работу на условиях полной занятости	☐ + ☐ 0 ☐ -	▼ 0 ▲	▼ 0 ▲
26. Стремление молодежи поддерживать связи с семьей, соблюдать семейные традиции	☐ + ☐ 0 ☐ -	▼ 0 ▲	▼ 0 ▲
27. Стремление молодых специалистов жить и работать в регионе	☐ + ☐ 0 ☐ -	▼ 0 ▲	▼ 0 ▲

A3. ОЦЕНИТЕ СОСТОЯНИЕ МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ВАШЕМ РЕГИОНЕ

1. Доброжелательные 2. Спокойные 3. Внешне спокойные, но внутреннее напряжение существует
4. Напряженные 5. Вероятны открытые столкновения

A4. КАК ВЫ ОЦЕНИВАЕТЕ ВЕРОЯТНОСТЬ РЕАЛЬНЫХ МЕЖЭТНИЧЕСКИХ СТОЛКНОВЕНИЙ В ВАШЕМ РЕГИОНЕ?

Дайте оценку по шкале от 0 до 100% ⇒

A5. ОЦЕНИТЕ ПРОТЕСТНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ЖИТЕЛЕЙ РЕГИОНА: УКАЖИТЕ ПРИМЕРНУЮ ДОЛЮ ГРАЖДАН (%), ГОТОВЫХ ПРИНЯТЬ УЧАСТИЕ В АКЦИЯХ ПРОТЕСТА (В ЗАВИСИМОСТИ ОТ ВОЗРАСТА)

Возрастная когорта	Доля граждан, испытывающих готовность принять участие в акциях протеста
1 Молодежь (18-35 лет)	
2 Средний возраст (36-55 лет)	
3 Старшее поколение (>55 лет)	

А6. ОЦЕНИТЕ СТЕПЕНЬ ЗАЩИЩЕННОСТИ ГРАЖДАН В ВАШЕМ РЕГИОНЕ ПО РЯДУ ПАРАМЕТРОВ.

Дайте оценку по шкале 0 - 1 - 2 - 3, где «0» - в этой сфере граждане абсолютно не защищены, «1» - защищены плохо, «2» - защищены хорошо, «3» - полная защищенность

Параметр оценки	Шкала оценки
1 Финансовая защищенность	0 - 1 - 2 - 3
2 Имущественная защищенность	0 - 1 - 2 - 3
3 Физическая защищенность	0 - 1 - 2 - 3
4 Правовая защищенность	0 - 1 - 2 - 3
5 Информационная безопасность	0 - 1 - 2 - 3

А6. ОЦЕНИТЕ УРОВЕНЬ ДОВЕРИЯ ЖИТЕЛЕЙ ВАШЕГО РЕГИОНА ДЕЙСТВУЮЩЕЙ ВЛАСТИ НА ФЕДЕРАЛЬНОМ И МЕСТНОМ УРОВНЯХ

1 ФЕДЕРАЛЬНАЯ ВЛАСТЬ Полное недоверие 0 - 1 - 2 - 3 - 4 - 5 - 6 - 7 - 8 - 9 - 10 Полное доверие

2 ВЛАСТИ СУБЪЕКТА РФ Полное недоверие 0 - 1 - 2 - 3 - 4 - 5 - 6 - 7 - 8 - 9 - 10 Полное доверие

БЛОК Б. Оценка факторов, оказывающих влияние на процесс развития человеческого потенциала

НА РАЗВИТИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА ОКАЗЫВАЕТ ВЛИЯНИЕ МНОЖЕСТВО ФАКТОРОВ. КАКИЕ ИЗ ПЕРЕЧИСЛЕННЫХ ФАКТОРОВ ОКАЗЫВАЮТ ЗНАЧИТЕЛЬНОЕ ВЛИЯНИЕ НА РАЗВИТИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА (*ДАЛЕЕ - ЧП*) В ВАШЕМ РЕГИОНЕ, А КАКИЕ, С ВАШЕЙ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ, НЕ ОКАЗЫВАЮТ СУЩЕСТВЕННОГО ВЛИЯНИЯ?

Ниже будут представлены 11 таблиц, каждая из которых объединяет 5 факторов, относящихся к различным сферам развития страны и региона. Характер влияния факторов оценивается по 3-м параметрам, представленным в столбцах данных таблиц:

Столбец 1. Оценка силы влияния каждого фактора на развитие ЧП в вашем регионе по шкале от 1 до 10

Практически не влияет (колебания состояния фактора почти не сказываются на развитии ЧП)	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	Оказывают определяющее влияние (любые колебания состояния фактора неизбежно сказываются на развитии ЧП)

Столбец 2. Тенденции изменений фактора (*значения представлены в таблицах опросного листа*)

Столбец 3. Направленность влияния фактора на развитие ЧП исходя из наблюдаемых тенденций.

Оценка производится по шкале, представленной ниже ↓ (*КАРТОЧКА 1*)

ЗНАЧЕНИЕ ШКАЛЫ	НАПРАВЛЕННОСТЬ ВЛИЯНИЯ НА ЧП ИСХОДЯ ИЗ ТЕНДЕНЦИЙ РАЗВИТИЯ ФАКТОРА
+2	Определенно способствует стабильному и прогрессивному развитию ЧП
+1	Создает благоприятные условия для устойчивого развития ЧП
0	Не создает явных препятствий, но и не способствует формированию благоприятных условий для устойчивого развития ЧП
-1	Создает явные препятствия для развития ЧП, дестабилизируют ситуацию, формирует скрытую напряженность
-2	Создает значительные препятствия для развития ЧП, опасность регресса ЧП, формирует явные социальные риски / конфликтные процессы

! Пояснение к таблицам. направленность влияния фактора (столбец 3) необходимо оценивать исходя из его состояния и тенденций развития. Например, если уровень безработицы в регионе является довольно высоким, но снижается, то можно считать, что изменения фактора носят положительный характер, что создает благоприятные условия для развития ЧП

Б1. ОЦЕНКА ВЛИЯНИЯ ДЕСТРУКТИВНЫХ ФАКТОРОВ НА РАЗВИТИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА В ВАШЕМ РЕГИОНЕ

Код	Список деструктивных факторов	Оценка силы влияния фактора (шкала от 1 «практически не влияет» до 10 - «оказывает определяющее влияние»)	Тенденции изменений фактора	Направленность влияния фактора на развитие ЧП, исходя из наблюдаемых тенденций (Значения от -2 «создает значительные препятствия до +2 «определенно способствует развитию ЧП, см. карточка 1)				
				Столбец 0	Столбец 1	Столбец 2	Столбец 3	
Б1.1	Уровень безработицы	<input type="text"/>	1. Рост 2. Снижение	-2	-1	0	+1	+2
Б1.2	Уровень преступности	<input type="text"/>	1. Рост 2. Снижение	-2	-1	0	+1	+2
Б1.3	Уровень коррупции	<input type="text"/>	1. Рост 2. Снижение	-2	-1	0	+1	+2
Б1.4	Степень социального неравенства	<input type="text"/>	1. Усиление 2. Уменьшение	-2	-1	0	+1	+2
Б1.5	Уровень экстремизма и ксенофобии	<input type="text"/>	1. Рост 2. Снижение	-2	-1	0	+1	+2

Б2. ОЦЕНКА ВЛИЯНИЯ ПРОГРАММ РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

Код	Список программ регионального развития	Оценка силы влияния фактора (шкала от 1 «практически не влияет» до 10 - «оказывает определяющее влияние»)	Тенденции изменений фактора	Направленность влияния фактора на развитие ЧП, исходя из наблюдаемых тенденций (Значения от -2 «создает значительные препятствия до +2 «определенно способствует развитию ЧП, см. карточка 1)				
				Столбец 0	Столбец 1	Столбец 2	Столбец 3	
Б2.1	Программы социальной поддержки граждан	<input type="text"/>	1. Достижение поставленных целей (высокая эффективность программы) 2. Частичное достижение целей (низкая эффективность) 3. Фактические отсутствие достижений по программе (неэффективность)	-2	-1	0	+1	+2
Б2.2	Программы по гармонизации межнациональных отношений, развитию национальных культур, укреплению российской нации	<input type="text"/>	1. Достижение поставленных целей (высокая эффективность программы) 2. Частичное достижение целей (низкая эффективность) 3. Фактические отсутствие достижений по программе (неэффективность)	-2	-1	0	+1	+2
Б2.3	Программы развития молодежных общественных объединений, молодежных и детских центров, поддержки молодых талантов	<input type="text"/>	1. Достижение поставленных целей (высокая эффективность программы) 2. Частичное достижение целей (низкая эффективность) 3. Фактические отсутствие достижений по программе (неэффективность)	-2	-1	0	+1	+2
Б2.4	Программы развития сети учреждений соц. поддержки и образования для интеграции и проф. подготовки мигрантов, миграционных центров	<input type="text"/>	1. Достижение поставленных целей (высокая эффективность программы) 2. Частичное достижение целей (низкая эффективность) 3. Фактические отсутствие достижений по программе (неэффективность)	-2	-1	0	+1	+2
Б2.5	Программы развития предпринимательства, поддержка малого и среднего бизнеса	<input type="text"/>	1. Достижение поставленных целей (высокая эффективность программы) 2. Частичное достижение целей (низкая эффективность) 3. Фактические отсутствие достижений по программе (неэффективность)	-2	-1	0	+1	+2

Б3. ОЦЕНКА ВЛИЯНИЯ НА РАЗВИТИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НКО И ДРУГИХ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В ВАШЕМ РЕГИОНЕ

Код	Виды общественных организаций	Оценка силы влияния фактора (шкала от 1 «практически не влияет» до 10 - «оказывает определяющее влияние»)	Тенденции изменений фактора	Направленность влияния фактора на развитие ЧП, исходя из наблюдаемых тенденций (Значения от -2 «создает значительные препятствия» до +2 «определенно способствует развитию ЧП, см. карточка 1)»						
				Столбец 0	Столбец 1	Столбец 2	Столбец 3			
Б3.1	Деятельность социально-ориентированных НКО	<input type="text"/>	1. Интеграционная 2. Разобщающая	<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>
Б3.2	Деятельность НКО, представляющих интересы этнических групп (диаспоры, национальные объединения)	<input type="text"/>	1. Интеграционная 2. Разобщающая	<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>
Б3.3	Деятельность казачьих обществ	<input type="text"/>	1. Интеграционная 2. Разобщающая	<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>
Б3.4	Деятельность религиозных организаций	<input type="text"/>	1. Интеграционная 2. Разобщающая	<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>
Б3.5	Деятельность организаций политической направленности	<input type="text"/>	1. Интеграционная 2. Разобщающая	<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>

Б4. ОЦЕНКА ВЛИЯНИЯ СМИ И ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ НА РАЗВИТИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА

Код	Виды СМИ	Оценка силы влияния фактора (шкала от 1 «практически не влияет» до 10 - «оказывает определяющее влияние»)	Тенденции изменений фактора	Направленность влияния фактора на развитие ЧП, исходя из наблюдаемых тенденций (Значения от -2 «создает значительные препятствия» до +2 «определенно способствует развитию ЧП, см. карточка 1)»						
				Столбец 0	Столбец 1	Столбец 2	Столбец 3			
Б4.1	Региональные СМИ	<input type="text"/>	1. Курс на информационное противоборство (информационное оружие, сетевая война) 2. Информационная состязательность 3. Развитие информационной среды для сотрудничества / взаимопомощи	<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>
Б4.2	Федеральные СМИ	<input type="text"/>	1. Курс на информационное противоборство (информационное оружие, сетевая война) 2. Информационная состязательность 3. Развитие информационной среды для сотрудничества / взаимопомощи	<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>
Б4.3	Мировые СМИ	<input type="text"/>	1. Курс на информационное противоборство (информационное оружие, сетевая война) 2. Информационная состязательность 3. Развитие информационной среды для сотрудничества / взаимопомощи	<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>
Б4.4	Контент в интернете и социальных сетях	<input type="text"/>	1. Курс на информационное противоборство (информационное оружие, сетевая война) 2. Информационная состязательность 3. Развитие информационной среды для сотрудничества / взаимопомощи	<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>
Б4.5	Уровень информационной безопасности	<input type="text"/>	1. Повышение 2. Снижение	<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>

Б5. ОЦЕНКА ВЛИЯНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ НА РАЗВИТИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА

Код	Направления государственной политики	Оценка силы влияния фактора (шкала от 1 «практически не влияет» до 10 - «оказывает определяющее влияние»)	Тенденции изменений фактора	Направленность влияния фактора на развитие ЧП, исходя из наблюдаемых тенденций (Значения от -2 «создает значительные препятствия до +2 «определенно способствует развитию ЧП, см. карточка 1)
Столбец 0		Столбец 1	Столбец 2	Столбец 3
Б5.1	Социальная политика	<input type="text"/>	1. Увеличение финансирования социальной сферы, повышение уровня з/п и пенсий 2. Увеличение финансирования сфер безопасности и крупных научных/ экономических проектов в ущерб социальной сферы	<input type="text"/> -2 <input type="text"/> -1 <input type="text"/> 0 <input type="text"/> +1 <input type="text"/> +2
Б5.2	Миграционная политика	<input type="text"/>	1. Смягчение 2. Ужесточение	<input type="text"/> -2 <input type="text"/> -1 <input type="text"/> 0 <input type="text"/> +1 <input type="text"/> +2
Б5.3	Молодежная политика	<input type="text"/>	1. Курс на создание крупных молодежных организаций типа «Союз молодежи России», «Комсомол» 2. Курс на самоорганизацию локальных молодежных сообществ социальной и политической направленности	<input type="text"/> -2 <input type="text"/> -1 <input type="text"/> 0 <input type="text"/> +1 <input type="text"/> +2
Б5.4	Политика в области образования	<input type="text"/>	1. Упор на среднее и среднее специальное образование, выпуск квалифицированных рабочих, проф. образование мигрантов, жесткий государственный контроль в образовании, снижение роли высшей школы, развитие прикладной базы 2. Упор на подготовку высококвалифицированных специалистов, элитизация высшего образования, развитие проектных форм образования, снижение бюрократии в образовании	<input type="text"/> -2 <input type="text"/> -1 <input type="text"/> 0 <input type="text"/> +1 <input type="text"/> +2
Б5.5	Внешняя политика	<input type="text"/>	1. Курс на межгосударственное сотрудничество, создание межгосударственных объединений 2. Курс на изоляционизм	<input type="text"/> -2 <input type="text"/> -1 <input type="text"/> 0 <input type="text"/> +1 <input type="text"/> +2

Б6. ОЦЕНКА ВЛИЯНИЯ СОСТОЯНИЯ РЫНКА ТРУДА В РЕГИОНЕ НА РАЗВИТИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА

Код	Параметры регионального рынка труда	Оценка силы влияния фактора (шкала от 1 «практически не влияет» до 10 - «оказывает определяющее влияние»)	Тенденции изменений фактора	Направленность влияния фактора на развитие ЧП, исходя из наблюдаемых тенденций (Значения от -2 «создает значительные препятствия до +2 «определенно способствует развитию ЧП, см. карточка 1)
Столбец 0		Столбец 1	Столбец 2	Столбец 3
Б6.1	Уровень трудовой конкуренции	<input type="text"/>	1. Повышение 2. Снижение	<input type="text"/> -2 <input type="text"/> -1 <input type="text"/> 0 <input type="text"/> +1 <input type="text"/> +2
Б6.2	Уровень трудовой миграции	<input type="text"/>	1. Интенсификация 2. Уменьшение	<input type="text"/> -2 <input type="text"/> -1 <input type="text"/> 0 <input type="text"/> +1 <input type="text"/> +2
Б6.3	Уровень специалистов/ качество профессиональной подготовки	<input type="text"/>	1. Повышение 2. Снижение	<input type="text"/> -2 <input type="text"/> -1 <input type="text"/> 0 <input type="text"/> +1 <input type="text"/> +2
Б6.4	Развитие сегментов постоянной занятости	<input type="text"/>	1. Расширение 2. Сокращение	<input type="text"/> -2 <input type="text"/> -1 <input type="text"/> 0 <input type="text"/> +1 <input type="text"/> +2
Б6.5	Развитие сети образовательных учреждений переподготовки, повышения квалификации / переквалификации кадров	<input type="text"/>	1. Расширение 2. Сокращение	<input type="text"/> -2 <input type="text"/> -1 <input type="text"/> 0 <input type="text"/> +1 <input type="text"/> +2

Б7. ОЦЕНКА ВЛИЯНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ФАКТОРОВ В СТРАНЕ НА РАЗВИТИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА

Код	Параметры экономического развития страны	Оценка силы влияния фактора (шкала от 1 «практически не влияет» до 10 - «оказывает определяющее влияние»)	Тенденции изменений фактора	Направленность влияния фактора на развитие ЧП, исходя из наблюдаемых тенденций (Значения от -2 «создает значительные препятствия до +2 «определенно способствует развитию ЧП, см. карточка 1)				
				Столбец 0		Столбец 1	Столбец 2	
Б7.1	Курс валюты	<input type="text"/>	1. Повышение 2. Понижение	-2	-1	0	+1	+2
Б7.2	Цены на нефть	<input type="text"/>	1. Повышение 2. Понижение	-2	-1	0	+1	+2
Б7.3	Уровень инфляции	<input type="text"/>	1. Повышение 2. Понижение	-2	-1	0	+1	+2
Б7.4	Курс экономического развития	<input type="text"/>	1. Инвестиционный 2. Инерционный 3. Инновационный	-2	-1	0	+1	+2
Б7.5	Развитие инновационных кластеров экономики	<input type="text"/>	1. Интенсивное развитие 2. Застой 3. Деградация	-2	-1	0	+1	+2

Б8. ОЦЕНКА ВЛИЯНИЯ ФАКТОРОВ РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

Код	Факторы регионального развития	Оценка силы влияния фактора (шкала от 1 «практически не влияет» до 10 - «оказывает определяющее влияние»)	Тенденции изменений фактора	Направленность влияния фактора на развитие ЧП, исходя из наблюдаемых тенденций (Значения от -2 «создает значительные препятствия до +2 «определенно способствует развитию ЧП, см. карточка 1)				
				Столбец 0		Столбец 1	Столбец 2	
Б8.1	Уровень жизни населения	<input type="text"/>	1. Повышение 2. Понижение	-2	-1	0	+1	+2
Б8.2	Уровень инновационно-технического развития региона, внедрения инновационных видов экономической деятельности	<input type="text"/>	1. Интенсивное развитие 2. Застой 3. Деградация	-2	-1	0	+1	+2
Б8.3	Курс экономического развития	<input type="text"/>	1. Инвестиционный 2. Инерционный 3. Инновационный	-2	-1	0	+1	+2
Б8.4	Отношения с соседними странами	<input type="text"/>	1. Сотрудничество, сближение 2. Напряженность 3. Конфронтация	-2	-1	0	+1	+2
Б8.5	Отношения с соседними регионами	<input type="text"/>	1. Сотрудничество, сближение 2. Напряженность 3. Конфронтация	-2	-1	0	+1	+2

Б9. ОЦЕНКА ВЛИЯНИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ РЕГУЛЯТИВНЫХ МЕХАНИЗМОВ НА РАЗВИТИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА В РЕГИОНЕ

Код	Регулятивные механизмы	Оценка силы влияния фактора (шкала от 1 «практически не влияет» до 10 - «оказывает определяющее влияние»)	Тенденции изменений фактора	Направленность влияния фактора на развитие ЧП, исходя из наблюдаемых тенденций (Значения от -2 «создает значительные препятствия до +2 «определенно способствует развитию ЧП, см. карточка 1)				
				Столбец 0		Столбец 1	Столбец 2	
Б9.1	Полномочия региональных властей	<input type="text"/>	1. Расширение (усиление регионализации) 2. Уменьшение (усиление централизации)	-2	-1	0	+1	+2
Б9.2	Бюрократические механизмы	<input type="text"/>	1. Усиление 2. Ослабление	-2	-1	0	+1	+2
Б9.3	Гос. контроль СМИ, информации в интернете	<input type="text"/>	1. Ослабление гос. контроля, курс на свободу слова и самовыражения 2. Курс на усиление контроля в целях безопасности	-2	-1	0	+1	+2
Б9.4	Контроль рынка	<input type="text"/>	1. Свободный рынок 2. Централизованный контроль 3. Государственное частное партнерство	-2	-1	0	+1	+2
Б9.5	Миграционный контроль	<input type="text"/>	1. Усиление 2. Ослабление	-2	-1	0	+1	+2

Б10. ОЦЕНКА ВЛИЯНИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ РЕФОРМ НА РАЗВИТИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА В РЕГИОНЕ

Код	Реформы	Оценка силы влияния фактора (шкала от 1 «практически не влияет» до 10 - «оказывает определяющее влияние»)	Тенденции изменений фактора	Направленность влияния фактора на развитие ЧП, исходя из наблюдаемых тенденций (Значения от -2 «создает значительные препятствия» до +2 «определенно способствует развитию ЧП, см. карточка 1)»
Столбец 0		Столбец 1	Столбец 2	Столбец 3
Б10.1	Пенсионная реформа	<input type="text"/>	1. Продолжение реформирования сферы 2. Развитие существующих стандартов	<input type="text"/> -2 <input type="text"/> -1 <input type="text"/> 0 <input type="text"/> +1 <input type="text"/> +2
Б10.2	Реформа высшего образования	<input type="text"/>	1. Продолжение реформирования сферы 2. Развитие существующих стандартов	<input type="text"/> -2 <input type="text"/> -1 <input type="text"/> 0 <input type="text"/> +1 <input type="text"/> +2
Б10.3	Реформа ЖКХ	<input type="text"/>	1. Продолжение реформирования сферы 2. Развитие существующих стандартов	<input type="text"/> -2 <input type="text"/> -1 <input type="text"/> 0 <input type="text"/> +1 <input type="text"/> +2
Б10.4	Реформа государственного управления и администрирования	<input type="text"/>	1. Продолжение реформирования сферы 2. Развитие существующих стандартов	<input type="text"/> -2 <input type="text"/> -1 <input type="text"/> 0 <input type="text"/> +1 <input type="text"/> +2
Б10.5	Реформа силовых структур	<input type="text"/>	1. Продолжение реформирования сферы 2. Развитие существующих стандартов	<input type="text"/> -2 <input type="text"/> -1 <input type="text"/> 0 <input type="text"/> +1 <input type="text"/> +2

Б11. ОЦЕНКА ВЛИЯНИЯ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ УГРОЗ И ВЫЗОВОВ

Код	Геополитические угрозы и вызовы	Оценка силы влияния фактора (шкала от 1 «практически не влияет» до 10 - «оказывает определяющее влияние»)	Тенденции изменений фактора	Направленность влияния фактора на развитие ЧП, исходя из наблюдаемых тенденций (Значения от -2 «создает значительные препятствия» до +2 «определенно способствует развитию ЧП, см. карточка 1)»
Столбец 0		Столбец 1	Столбец 2	Столбец 3
Б11.1	Глобализационный процесс	<input type="text"/>	1. Тенденция к глобализации 2. Тенденция к изоляционизму	<input type="text"/> -2 <input type="text"/> -1 <input type="text"/> 0 <input type="text"/> +1 <input type="text"/> +2
Б11.2	Расширение НАТО	<input type="text"/>	1. Продолжение процесса расширения НАТО 2. Приостановление процесса расширения	<input type="text"/> -2 <input type="text"/> -1 <input type="text"/> 0 <input type="text"/> +1 <input type="text"/> +2
Б11.3	Внешнее культурное влияние	<input type="text"/>	1. Усиление влияния английского языка и англосаксонской культуры 2. Усиление влияния языка и культуры Востока 3. Усиление влияния культуры и религии мусульманских стран 4. Снижение внешних для России культурных влияний и повышение значения российской культуры	<input type="text"/> -2 <input type="text"/> -1 <input type="text"/> 0 <input type="text"/> +1 <input type="text"/> +2
Б11.4	Внешнеполитическое влияние на экономики стран	<input type="text"/>	1. Политика санкций 2. Экономическое партнерство	<input type="text"/> -2 <input type="text"/> -1 <input type="text"/> 0 <input type="text"/> +1 <input type="text"/> +2
Б11.5	Уровень конфликтности между странами	<input type="text"/>	1. Усиление противоречий между странами, гонка вооружений 2. Снижение противоречий, курс на партнерские отношения	<input type="text"/> -2 <input type="text"/> -1 <input type="text"/> 0 <input type="text"/> +1 <input type="text"/> +2
Б11.6	Уровень международной миграции в контексте мировых глобальных процессов	<input type="text"/>	1. Увеличение 2. Снижение	<input type="text"/> -2 <input type="text"/> -1 <input type="text"/> 0 <input type="text"/> +1 <input type="text"/> +2

Б12. КАК ВЫ СЧИТАЕТЕ, БЫЛО ЛИ В ПРОЦЕССЕ ОПРОСА УПУЩЕНО ЧТО-ЛИБО ВАЖНОЕ ПО ПРОБЛЕМЕ РАЗВИТИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА В ВАШЕМ РЕГИОНЕ, ФАКТОРОВ ВЛИЯНИЯ? ЕСЛИ ДА, ТО УКАЖИТЕ ЧТО ИМЕННО?

БЛАГОДАРИМ ЗА УЧАСТИЕ В ОПРОСЕ!

Научное издание

Юрченко Инна Вадимовна
Баранов Андрей Владимирович
Донцова Мария Владимировна
Юрченко Наталья Николаевна

КОНФЛИКТОГЕННЫЕ И ИНТЕГРАЦИОННЫЕ ФАКТОРЫ
РАЗВИТИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА ЮГА РОССИИ
В УСЛОВИЯХ НОВЫХ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ ВЫЗОВОВ

Монография

Печатается в авторской редакции

Подписано в печать 29.11.2019. Печать цифровая.
Формат 60x84 1/16. Уч.-изд. л. 15,5. Тираж 500 экз.
Бумага офсетная. Заказ №

Кубанский государственный университет
350040, г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149

Издательско-полиграфический центр
Кубанского государственного университета
350040, г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149